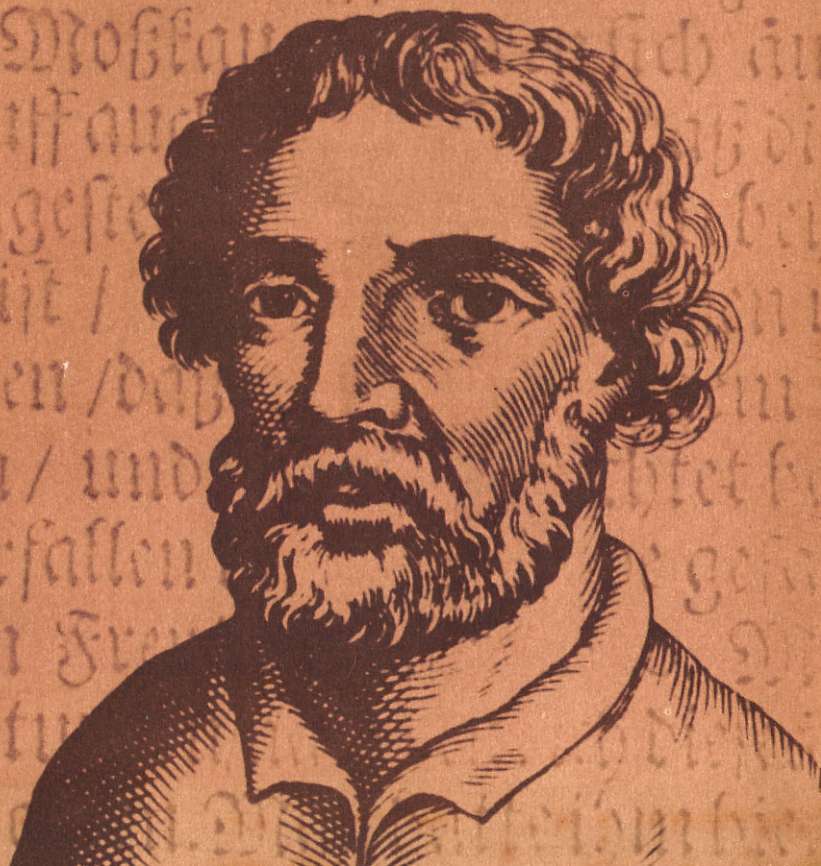

ИНОСТРАННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ВОССТАНИИ СТЕПАНА РАЗИНА

ИНОСТРАННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ВОССТАНИИ СТЕПАНА РАЗИНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**ИНОСТРАННЫЕ
ИЗВЕСТИЯ
О ВОССТАНИИ
СТЕПАНА РАЗИНА**

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Под редакцией А. Г. МАНЬКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАД 1975

Иностраные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. 1975, изд-во «Наука», Ленингр. отд., Л. 191 с.

Издание завершает публикацию всех важнейших зарубежных материалов XVII в. о восстании С. Разина, оставшихся еще не опубликованными. (Первый выпуск — «Записки иностранцев о восстании С. Разина». Л., «Наука», 1968). В сборник вошли: брошюра о восстании, изданная в Лондоне в начале 1671 г., диссертация о Разине, защищенная и изданная в Германии в 1674 г., отклики на восстание западноевропейской прессы 1670—1671 гг. и записки Кемпфера о персидском походе Разина. Материалы комментированы и сопровождаются источниковедческими статьями.

Издание рассчитано на широкий круг читателей: учителей, студентов аспирантов, научных работников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является второй публикацией материалов, содержащих отклики иностранцев на восстание С. Разина.¹ Он включает в себя диссертацию о Разине Иоганна Юстуса Марция, защищенную и изданную в 1674 г., первую брошюру о восстании, изданную в Лондоне в 1671 г., и отклики на восстание западноевропейской прессы (немецких, французских и голландских газет и хроник за 1670—1672 гг.). Западноевропейская пресса представлена в двух видах — в форме извлечений непосредственно из газет и хроник того времени и в форме публикации иностранных сообщений о восстании, находящихся в рукописных «Ведомостях» («Курантах») Посольского приказа, хранящихся в ЦГАДА. Наконец, третьей составной частью сборника являются записки Э. Кемпфера о персидском походе Разина. Настоящий сборник исчерпывает собой все известные и доступные в данный момент зарубежные материалы XVII в. о восстании С. Разина, оставшиеся еще не опубликованными. Впервые воспроизводится портрет С. Разина, заимствованный из немецкой прессы XVII в. (см. с. 122).

Помещенные в сборнике материалы легко объединяются одной темой, которую можно определить как зарубежный резонанс Крестьянской войны под предводительством С. Разина.

Все материалы в переводе на русский язык публикуются впервые. Каждому памятнику предшествует введение, за которым дан текст на языке подлинника и в переводе на русский язык и после него — комментарий.

Введение сообщает сведения об авторе, об обстоятельствах и истории возникновения публикуемых текстов, характеризует их как исторический источник, определяет их место в ряду других

¹ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под редакцией А. Г. Манькова. Л., 1968.

источников о восстании Разина, наконец, сообщает данные о характере публикации текста.

В комментариях дается сопоставление известий публикуемых источников с известиями других источников о восстании С. Разина, как иностранных, так и русских, приводятся пояснения к тексту по поводу некоторых упомянутых лиц и географических пунктов. Печатные произведения воспроизводятся полностью, со всеми особенностями орфографии и пунктуации. Сохранены и особенности написания рукописи Кемпфера. Слова, выделенные в печатных сочинениях курсивом, а в записках Кемпфера подчеркнутые, в нашем издании даются курсивом, за исключением примечаний в диссертации о С. Разине, сделанных автором.

В квадратных скобках всюду заключены дополнения и пояснения составителей и переводчиков. Круглые скобки принадлежат оригиналу.

Сборник посвящается 300-летию Крестьянской войны под предводительством С. Разина.

Общая редакция сборника принадлежит А. Г. Манькову.

ПЕРВЫЙ ОТКЛИК НА ВОССТАНИЕ С. РАЗИНА

В 1671 г. в Лондоне была напечатана брошюра, содержащая описание победоносного сражения царских войск с отрядами разинцев. На это издание до сих пор не обращено внимание историков. Текст брошюры представляет собой письмо (донесение) какого-то доверенного лица (фактора) своему хозяину. Имена ни автора письма, ни адресата не указаны. Но из письма очевидно, что его автор по крайней мере с осени 1670 по первую треть 1671 г. находился в Москве и представлял там интересы какой-то торговой компании либо отдельного купца, проживавшего, по всей вероятности, в Англии, или охранял их имущество. Последнее вероятнее, поскольку в письме упоминается имущество «ваше и других достопочтенных хозяев». Фактор был обязан, помимо обычных своих дел, сообщать хозяину «обо всех делах, как частных, так и общественных». Этим обстоятельством и вызвано появление письма. Однако, будучи второстепенным лицом иноземного мира Москвы, автор, видимо, не располагал какой-либо полной и достоверной информацией о текущих событиях и плохо знал Россию. К сожалению, он не указывает источника сведений, изложенных в письме. Написанное с большим апломбом, письмо как раз в основной своей части, где изложена битва царских войск с Разиным, не выдерживает никакой проверки фактами, хотя автор и уверяет своего хозяина, что его повествование есть самое близкое к истине. По интерпретации письма судьба восстания Разина решилась в сражении 13 февраля 1671 г., которое привело к победе царских войск, по словам заголовка, «величайшей на памяти человечества».

В этом сражении правительственное войско состояло из двух отрядов, возглавляемых воеводой Ю. Долгоруковым и царем, а им противостояли отряды повстанцев во главе с Разиным и патриархом Демайноне, «пособником этой погибельной смуты». Автор указывает численный состав войска и боевого снаряжения и ярко описывает ход сражения, результатом которого были пол-

ный разгром отрядов Разина и его пленение. Однако в описанных событиях достоверного ничего нет: царь Алексей Михайлович не участвовал в сражениях против Разина; Ю. Долгоруков был отозван в Москву еще в январе 1671 г. и 29 января был на приеме у царя.¹ В феврале главным воеводой царских войск, действовавших против повстанцев, был К. Щербатов. С. Разин не участвовал в боях в междуречье Волги и Оки, так как ушел на Дон после поражения под Симбирском. Он был арестован в апреле, а не в феврале. Совершенно мифической фигурой является патриарх De-mainzone, якобы возглавивший один из отрядов повстанцев. На стороне разинцев не было ни одного сколько-нибудь видного духовного лица. Предположить, что в данном случае имеется в виду Никон, к которому еще в 1668 г. в Ферапонтов монастырь, где он был в заключении, приходили казаки, посланцы Разина, с предложением перейти на их сторону,² можно лишь при самой необузданной фантазии. Наконец, фантастичным является и описание места сражения — равнины с не поддающимся осмыслению названием Wariaschal, расположенной между двумя высокими горными хребтами. По всей вероятности, вышеизложенным и объясняется то обстоятельство, что брошюра не привлекла внимания историков восстания Разина. Едва ли, однако, было бы правильным полностью игнорировать ее. Письмо датировано 15 февраля 1671 г. Видимо, вскоре же — и, надо думать, до казни С. Разина (6 июня 1671 г.) — оно было издано в Лондоне. При казни был оглашен приговор, содержащий довольно подробное изложение хода восстания и его официальную версию.³ Приговор и стал основным источником сведений о восстании, который использовали иностранцы. Известное «Сообщение касательно подробностей мятежа», опубликованное на немецком и голландском языках в 1671 г., основано главным образом на приговоре.⁴ До приговора же источником сведений о восстании могли быть прежде всего слухи и толки, связанные отчасти с рассказами возвращающихся в Москву участников сражений, в том числе иностранцев. В публикуемом письме и заключена, очевидно, одна из таких версий. Если говорить о 13 февраля 1671 г., то в этот день никаких сражений не было, а ближайшие дни перед этим — 4—9 февраля — под Тамбовом происходили сражения с отдельными отрядами повстанцев. Этими операциями руководил воевода К. Щербатов.⁵ Однако гипотетически можно допустить, что в письме речь идет о каком-то более раннем крупном сражении между основными силами повстанцев и правительственными войсками. Наиболее крупным и кровопро-

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Составитель Е. А. Швецова. Т. II, ч. 1. М., 1957, с. 545.

² Там же, т. III, 1962, с. 356, 358—359.

³ Там же, с. 83—87.

⁴ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968, с. 84—119.

⁵ Крестьянская война. . . , т. III, с. 8, 10.

литным сражением в междуречье Оки и Волги, т. е. на территории наибольшего приближения к Москве, было сражение под Мурашкином 22 октября 1670 г., закончившееся полным поражением разинцев. Царское войско захватило несколько десятков пленных, много пушек, ядер, пороха, знамен и т. п. Главным воеводой в ту пору был Ю. Долгоруков. Сближение Мурашкино с указанным в источнике местом сражения — Wariaschal — возможно и на основе созвучия этих названий. Искажения географических наименований, иногда даже значительные, не были редкостью в записках иностранцев о России. Вместе с тем нельзя не отметить очевидную склонность автора к живой и образной манере изложения, с чем может быть связана определенная доля авторского вымысла. Поэтому, допуская возможность, что в основе описанных в брошюре событий лежит какое-либо одно реальное крупное сражение, мы видим равные основания рассматривать публикуемый источник как художественно воплощенный собирательный образ Крестьянской войны, представленный в виде одного грандиозного сражения.

В публикуемом письме важно не то, как и что происходило на самом деле, а сколь большое впечатление производили события Крестьянской войны на обитателей столицы, в данном случае на иностранцев. Косвенно такой вывод следует из описания грандиозных масштабов и ожесточенности битвы, в которой, по мысли автора, решалась судьба короны. Но в письме нет недостатка и в прямых свидетельствах пережитых иностранцами тревог за свою жизнь и достояние, находящиеся в Москве. Уже первые строки письма красноречиво говорят об этом: «Долгое время мы здесь ежедневно пребывали в страхе», в ожидании того, что «с минуты на минуту нас бесчеловечно лишат жизни». Впрочем, не только иностранцы испытывали страх перед надвигающейся катастрофой: мысленному взору верных подданных великого государя представлялось лишь неизбежное падение величия этой державы. Тем более благоприятный для правительства исход сражения представляется автору почти чудом, ниспосланным провидением. Весьма показательна и сентенция, которой завершено письмо, — выражение автором пожелания своему королю, народу и стране никогда не знать подобных потрясений. Таким образом, оценивая источник в целом, следует подчеркнуть, что перед нами документ, свидетельствующий об огромных масштабах Крестьянской войны, несшей реальную угрозу правительству Алексея Михайловича.

Текст публикуется по изданию 1671 г. без изменений. В русском тексте слова, не поддающиеся переводу, сохранены в том виде, как они даны в оригинале.

**A NARRATIVE OF THE GREATEST VICTORY KNOWN IN
THE MEMORY OF MAN: BEING THE TOTAL OVERTHROW OF
THE GREAT REBEL *STEPAN RADZIN*, WITH HIS ARMY
OF ONE HUNDRED THOUSAND MEN, BY THE GRAND *GZAR*
OF *RUSSIA*, AND HIS RENOWNED GENERAL *DOLERUCKO***

WRITTEN BY AN ENGLISH FACTOR, FROM THE PORT OF
MOSKOW.

The Narrative

Most worthy Employer,

Sir,

The daily Fears we have long here entertain'd, rendred our lives the next event (in Reasons expectation) to have been inhumanely torn from us, and, with us, your and the rest of the worthy Employers Estates to have been ransacked, and swallowed up. Which Cares now to distrust unprevented, were great impietic: Providence hath so protected us, and Ensured yours, that, were not Miracles ceased, this sudden turning our Weeping into excess of Joy, might be esteemed so wonderful.

Nor were those timerous motives the jealousies of us Strangers alone: for, few days antedate of these, the increased power of the Rebel *Radzin* spread so vastly in Campaigne before this Town and Metropolis of this Country, that the great Dukes best subjects had not else before the eyes of their imagination, but the inevitable extirpation of this Empires Grandeur; until, by a very late Result, at the *Congrawize* or Council in *Moscow*, 'twas resolved the General *Dolerucko* should give them Battel. Which resolution, in its first birth, was favour'd by the *Czar's* quiet pass by the Rebels, to joyn with the General; which the Rebels might with ease have prevented; whereby they must have lain at so incommunicable a distance, that they could not have afforded a timely assistance one to other.

But, being thus happily joyn'd, on the 13 of the Kalends of *February* 16⁷⁰/₇₁, upon the great Plain of *Wariaschal*, some five cai-

tans or miles from *Moscow*; which goodly Plain of the world is Croned on each side with stately cloud-breaking Hills, the foot of each beautified with a plenteous River; this Plain holding their distance six miles one from other, so enduring it self in a level Valley from *Moscow* sixty miles to *Wrackoza*, where her fruit-affording streams, like sisters in Bounties love, twist themselves into the *Ambonine* Ocean, welcome (from their long travel in circulation run) into their first mothers womb again.

Here Madam Nature likewise, desirous to take her children home, had provided this fair and so large a Tomb, whilst on her aged hoary head, and dewie face, by Nine that morn, the Imperial Forces were on *Wariaschal's* (other days pleasant, now bloody) Valley drawn up; whose strength, in two Bodies managed, whole and compleat, consisted of more then Eighteen thousand Horse, commanded by known valiant Conductors, and Infantry of the double-numbered force, led by Commanders of like unquestionable gallantry; with so great Ammunition-stores, as might some days employ their braving mindes; an Artillery-Train of 28 Field-Cannon, 18 Demy, 26 whole Culverin; with Saich, Partridge, and Murderes, on Carriage, above 40.

Thus equipped or fitted, drew down their Bodies, the Right by the General *Dolerucko*, the other by the *Czar* commanded; Faced the Enemy, whose more numerous Body by 20000 Horse and Infantry, in their own thoughts securely advance, in like Bodies, the Right led by the grand Rebel *Stepan Radzin*, the other by the great strengthner of this unhappie Feud, the Patriarch *Demainzone*, backed by a forcible Train of Artillery.

By Ten a clock, in horrid peals of shot, were so neer approached the Right Wings, (the one by Authority, the other by Numbers doubtless emboldned) that the Horse of the Rebels, by desperate Charge, and continued hours fresh assault, cause the General *Dolerucko* give retreat: but his true Reserve, and the Imperial Guard, with the Artillery well plyed, so galled his Plumes for some time; such a populous Wing, and on pursuit, was never heard of to be better pluckt whilst then. The *Czar*, not being out of action, and seeing the whole Diadem at stake, left the sharp Dispute he was engaged in with *Demainzone*, and fell into the Rere of the pursuant the Rebel *Radzin*, with so powerful management, as shook his mounted body, and over ran his Infantry to all wonder. The Patriarch mistaken in the suddenness of his wheeling, expecting he intended by the change of ground into his Flank, wheeled to the contrary to provide for his reception: and the Army spreading so fully the Plain, ere he could well recover his rash motion; the Rebel *Radzin*, unassisted, had neither ground for handsome retreat, nor safety in flight; but indeed (with unheard-of resolution) forced (like the son of Despair) his pass between the buryings of the *Czar's* Infantry, into his first ground again, and joyned with the Patriarch, com-

manding some retreat, to compleat his battered Companies. In this Onset were lost five of the Great Dukes Colours, three of Horse, and two of Foot; and thirteen of the Rebels, with the return of unpitied shattered Files.

Then the truly-gallant-spirited Moscovian Generals foreseeing the Rally of the Rebels might yet be managed with more than equal figures, took the advantage to cut off the cyphers, thereby to lessen the sum; drew their whole Body upon their Rere with great success in slaughter, till the Rebel *Radzin* again faced their Front, and by renewed fury continued battel from twelve a clock till three with such vicissitude of fate, Sir, it cannot here be expressed; but unquestionably the dispute was so hot, that these Armies came to change blows, some Regiments intermixt rudely one amongst another. And then believe so prodigious a Rebellion was never so quasht in less then seven hours: for by four a clock in the afternoon, the General *Dolerucko* had the clear possession of the plain for four miles pursuit on the Rebels ground: and then night drew on her sable veil, under which covert the left scattered Rebel-troops, unarmed, hid their despairing heads; which the Generals next days pursuit for sixteen miles found, and totally discomfited, with the *floreat* of Victory, the taking of the Head-rebel *Radzin*, whose to-be-considered punishment will be in lingering Torments, to the example of all Rebels and their Coadjutors in this part, and I hope of the whole world. The slain of the Dukes Army were more then 7000, of whom the Major-General is the onely great eminent person, of whom in the next you shall have particular: on the Rebels party more then 16000, with 24000 onleads to this Irruption taken prisoners, with above three hundred Carriages and Artillery.

Sir, this is the nearest to the truth I can render by advice: but ampler Victory hath not been obtained against a body of 100000 men in the memory of man. How much my weakness may lessen the glory of the action, when the more accurate pens of this Factory may gild this welcome News from the golden nib of elegance, and with queint and pathetick expression suiting every passage, I am afraid to know.

So wishing the King my Sovereign, People and Country, ever protected from those bosom-fears we here retained, and to all Rebels semblable success, and your acceptance of this abortive of your command in all advice private or publike, but really the exactest yet known in this matter he is able to commend, who desires to be thought (Sir) in all accompts punctual, and ready to justifie himself.

Yours devoted

Moscow, Febr. 15 $\frac{70}{17}$

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ВЕЛИЧАЙШЕЙ НА ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПОБЕДЕ, ИЛИ ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ ВЕЛИКОГО БУНТОВЩИКА СТЕПАНА РАЗИНА И ЕГО СТОТЫСЯЧНОЙ АРМИИ ВЕЛИКИМ ЦАРЕМ РОССИИ И ЕГО ПРОСЛАВЛЕННЫМ ГЕНЕРАЛОМ ДОЛГОРУКОВЫМ

НАПИСАНО АНГЛИЙСКИМ ФАКТОРОМ ИЗ МОСКОВСКОГО ПОРТА

Достопочтенный хозяин!

Сэр!

Долгое время мы здесь ежедневно пребывали в страхе, что с минуты на минуту (как подсказывал разум) нас бесчеловечно лишат жизни, а имущество ваше и других достопочтенных хозяев разграбят и присвоят. Не верить в то, что отныне этим тревогам пришел конец, было бы дерзким безбожием: провидение так защитило нас и обезопасило ваше имущество, что если бы времена чудес не миновали, то внезапный наш переход от слез к огромной радости можно было бы воистину почитать чудом.

Не только нас, иностранцев, терзали эти опасения, ибо несколькими днями раньше увеличившееся войско бунтовщика Разина расположилось на равнине под столичным городом этой страны столь большим числом, что верным подданным великого государя воображение рисовало лишь один возможный конец — неизбежное падение величия этой державы, пока совсем недавно на Songawize, или Совете, в Москве не было решено, чтобы генерал Долгоруков дал им [бунтовщикам] бой. Таковому решению при его принятии благоприятствовало то, что царь [с войском] незаметно прошел мимо бунтовщиков на соединение с генералом, чему бунтовщики могли бы легко воспрепятствовать, и тогда они [войска царя и Долгорукова] располагались бы на таком расстоянии, что не могли бы сноситься и оказать друг другу своевременную помощь.

Но они удачно соединились в 13 день февральских календ 16 $\frac{70}{71}$ ^a на обширной равнине Wariaschal, приблизительно в пяти саитанс, или милях, от Москвы. С каждой стороны этой прекрасной равнины возвышаются величественные, туч достигающие горы, а подножие каждой украшает полноводная река. Они отстоят одна от другой по равнине на шесть миль, а она простирается долиной на шестьдесят миль от Москвы до Wrasckoza, где ее породившие своею щедростью плодоносные потоки, извиваясь, впадают в Amphone океан, радостно принимаемые (после долгого путешествия круговую) снова в чрево своей матери.

Здесь госпожа природа, желая принять детей своих в лоно свое, воздвигла прекрасную и огромную гробницу. И вот на ее седой древней главе и влажном от росы челе к девяти часам утра в долине Wariaschal (ранее приятной, а ныне обгащенной кровью) были выстроены двумя отрядами правительственные войска, которые в совокупности насчитывали более восемнадцати тысяч всадников под началом известных своею храбростью командиров и вдвое больше пехоты, возглавляемой столь же неоспоримо мужественными командирами, а также имели такой большой запас военного снаряжения, которого этим горячим головам могло хватить на несколько дней. Артиллерия состояла из 28 легких полевых орудий, 18 средних и 26 больших кулеврин и свыше 40 бомбард, малых мортир и других орудий (saich) на повозках.

С таким вооружением двинулись эти отряды — правый — под командованием генерала Долгорукова, а другой — под командованием царя — навстречу неприятелю, чьи силы, превосходившие на 20 000 всадников и пехотинцев, продвигались, чувствуя себя уверенно, также двумя отрядами, правый возглавлял великий бунтовщик Степан Разин, а другой — патриарх Demainzone, активный пособник этой гибельной смуты; их поддерживала мощная артиллерия.

К десяти часам в ужасном грохоте стрельбы правые фланги (одному придает храбрость то, что он выступает на стороне правительства, а другому, — без сомнения, его численность) настолько сблизились, что стремительный налет и продолжавшаяся час сильная атака конницы бунтовщиков вынуждают генерала Долгорукова отступить, но его верный резерв и царская гвардия, а также хорошо поработавшая артиллерия за некоторое время поубавили ему [крылу разинского войска] перьев. Никогда еще не приходилось слышать, чтобы такой многочисленный фланг, когда он преследует, лучше ощущали, чем в этом сражении. Царь,

^a До 1752 г., когда в Англии парламентом был введен григорианский календарь, в быту началом года считалось 1 января, но юридический и церковный год начинался 25 марта. В период между этими датами было принято употреблять двойное обозначение года. У древних римлян календами назывался первый день каждого месяца, но автор употребляет это слово в смысле месяц (примеч. переводчика).

также участвуя в бою и видя, что корона находится в опасности, прекратил упорную схватку с Demainzone и нанес преследователю, бунтовщику Разину, такой сильный удар с тыла, что разгромил его всадников и смял пехоту. Патриарх, неправильно поняв его внезапный круговой маневр и думая, что, меняя позицию, он намеревается ударить ему во фланг, развернулся в противоположную сторону, готовясь его встретить, и армия сильно растянулась по равнине прежде, чем он смог исправить это безрассудное перестроение. Бунтовщик Разин, лишенный помощи, не имел позиции для достойного отступления и не мог найти спасения бегством; но (с неслыханной решимостью) прорвался (как сын отчаяния) сквозь пехоту царя (the burgings of the Czar's Infantry) на свою первоначальную позицию и соединился с патриархом, скомандовав [затем] отступление, чтобы пополнить свои поредевшие роты. В этом бою великий государь потерял пять знамен: три — конных войск и два — пехотных; бунтовщики — тринадцать, а их шеренги вернулись безжалостно побитыми.

Тогда истинно храбрые духом московские генералы, предвидя, что с соединенными силами бунтовщиков можно сразиться более чем равным числом, воспользовались случаем сократить цифры и тем самым уменьшить число [воинов]. Они ударили всем своим войском им в тыл и добились большого успеха, нанеся огромные потери убитыми, пока бунтовщик Разин снова не встретил их во фронт и с новой яростью продолжал сражаться от двенадцати часов до трех со столь переменным успехом, сэр, что его здесь трудно описать. Но, без сомнения, бой был таким жарким, что эти армии сражались врукопашную, а некоторые полки совсем перемешались между собою. И, поверьте, никогда еще менее чем за семь часов не удавалось так подавить столь сильный бунт: ибо к четырем часам дня генерал Долгоруков полностью овладел равниной на четыре мили в глубь позиции бунтовщиков. А затем ночь задернула свой соболиный покров, под которым безоружные, рассеявшиеся остатки войска бунтовщиков в отчаянье спрятали свои головы. На следующий день генерал преследовал их шестнадцать миль, настиг и полностью разгромил, увенчав победу захватом главного бунтовщика Разина, чья казнь, которую еще предстоит определить, будет состоять в медленных пытках во устрашение всех бунтовщиков и их пособников в этой стране и, надеюсь, во всем мире. Убитых в армии государя было более 7000, из них единственным видным лицом был генерал-майор, о ком в следующем [письме] вы узнаете подробности. Бунтовщиков было убито более 16 000, а 24 000 смутьянов, участвовавших в этом нашествии, было взято в плен, а также захвачено свыше 300 повозок и орудий.

Сэр, вот самое близкое к истине, что я могу сообщить письмом. Но на памяти человечества не было одержано более крупной победы над сотысячным войском. Боюсь сказать, насколько мое умение [писать] может умалить славу этого деяния, в то время

как более точные авторы этой фактории смогут украсить эту приятную весть позолотой с пера изящности и искусными и выразительными оборотами, подходящими к каждому месту описания.

Итак, желая королю, моему государю, народу и стране никогда не знать тех страхов, которые мы здесь перенесли, а всем бунтовщикам подобного же успеха и надеясь, что вы благосклонно примете это неудачное исполнение вашего приказа сообщать обо всех делах, как частных, так и общественных, содержащее, однако, самые точные, известные об этом событии сведения, которые способен дать желающий, чтобы его считали аккуратным во всех отчетах, и готовый подтвердить это

Преданный Вам

Москва, 15 февраля $\frac{70}{71}$

К О Н Е Ц

ДИССЕРТАЦИЯ О ВОССТАНИИ С. РАЗИНА

Среди той группы западноевропейских источников XVII в. о восстании С. Разина, которые следует отнести к сочинениям о Разине, книга Иоганна Юстуса Марция занимает безусловно видное место. Своеобразие и значение этого труда состоит в том, что перед нами диссертация, т. е. ученый труд, созданный по правилам и канонам того времени. Такой факт говорит сам за себя. Сколь велик был резонанс восстания в Европе, если представитель ее образованного мира берется за написание диссертации о Разине и выносит ее на диспут 29 июня 1674 г., менее трех лет спустя после подавления Крестьянской войны! А несколько изданий книги в течение последней четверти XVII в. говорят о большом спросе на нее у читающей публики. Первое издание было осуществлено в Виттенберге в 1674—1675 гг., в 1679 г. диссертация переиздается в Лейпциге, в 1683 г. — снова в Виттенберге, и, наконец, опять в Лейпциге в 1698 г.

Что касается автора работы, то таковым длительное время по недоразумению считали Конрада Шурцфлейша, поскольку он первым значится на титульном листе книги. «Шурцфлейшева диспутация» — так назвал эту книгу еще Ф. И. Соймонов.¹ В первой обстоятельной работе по истории восстания С. Разина авторство данной книги приписано опять-таки Шурцфлейшу.² Вслед за А. Поповым это же утверждал и советский исследователь Б. Н. Тихомиров.³ Однако еще ранее В. И. Веретенников путем правильной интерпретации заглавия книги и аналогичных заглавий других книг, приведенных им для сравнения, пришел к выводу, что автором этого сочинения правильнее считать Иоганна Юстуса Мар

¹ Ф. И. С о й м о н о в. Описание Каспийского моря. — Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, 1763, октябрь, с. 321.

² А. П о п о в. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857, с. 20.

³ Б. Т и х о м и р о в. Источники по истории разинщины. — В кн.: Проблемы источниковедения, сб. I. М.—Л., 1933, с. 66.

ция. Суть дела состоит в том, что в заглавиях диссертаций, печатаемых в то время в Германии, обычно ставились два имени — председательствовавшего на диспуте (президента) и соискателя ученой степени (респондента). В данном случае председательствующим был К. Шурцфлейш, а соискателем, он же автор, — И. Марция.⁴ На том же основании авторство И. Марция признают С. Ковалов⁵ и И. В. Степанов.⁶ До настоящего времени каких-либо сведений о И. Марции не имелось. И лишь разыскания, предпринятые А. К. Гавриловым в связи с работой над публикуемым в данном сборнике переводом сочинения Марция, дали о нем ряд биографических сведений, позволяющих точнее и глубже определить значение его труда как отклика современника на Крестьянскую войну 1667—1671 гг. (см. с. 25—30).

Труд Марция выходит за рамки только описания событий Крестьянской войны. Первые два параграфа его книги объясняют повод и задачу сочинения. С третьего параграфа и по девятый в краткой форме дается история русского народа и России, начиная с древнейшего времени и кончая событиями XVII в., непосредственно предшествующими возникновению движения С. Разина. В этой своей начальной части диссертация И. Марция является одним из самых ранних западноевропейских ученых сочинений по истории России.⁷ В значительной части третьего параграфа на основе обильной литературы автор излагает взгляды западных авторов, ведущих происхождение русских непосредственно от древнейших племен Причерноморья — скифов, роксоланов, мосхов. (Тенденция связывать происхождение русских-москвитов с близкими им по созвучию племенами, известными из свидетельств античных авторов, была широко распространена в Западной Европе с XV в.⁸). При изложении истории с конца XV в. у И. Марция наблюдается попытка самостоятельного подхода к оценке событий и деятелей того времени. Говоря об особенностях труда И. Марция, отличающих его от ряда других сочинений или записок о России XVI—XVII вв., созданных преимущественно послами или чле-

⁴ В. И. Веретенников. Об иностранных современных событию источниках для истории разинского восстания. — Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры. Харьков, 1927, т. II, с. 174.

⁵ S. Kovalov. Razin's Execution: Two Contemporary Documents. — Oxford Slavonic Papers, 1965, vol. XII, p. 94—95.

⁶ И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина, т. I. Л., 1966, с. 86.

⁷ Библиографию см. в тексте сочинения И. Марция.

⁸ Такого рода концепция получила широкое хождение и в России в конце XVII—XVIII в. От скифов начинал русскую историю Андрей Лызлов. Эта концепция получила отражение в переписке Лейбница с Петром I, в сочинениях Г. Байера, позднее — Ломоносова и др. (С. А. Семенов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947, с. 9—25).

нами посольств, побывавшими в России,⁹ следует отметить обилие ссылок на литературу, которые или вовсе отсутствуют у других авторов, или наличествуют в минимальной мере. Ссылки на авторов и их сочинения (обычно в сокращенной форме) Марций включает в текст своего труда и дает их в ходе изложения. Им использованы 5 античных авторов и 71 автор средневековья и нового времени. Поскольку отдельные авторы привлекаются по несколько раз, общее число ссылок доходит до 150. В отдельных случаях изложение принимает вид сплошной библиографической сводки (см. с. 53—55). Для читателя нашего времени эта сторона книги Марция представляет несомненный и даже первостепенный интерес — перед нами если не полная, то во всяком случае значительная библиография западноевропейской литературы того времени о России.

Отчасти с первых страниц, но особенно это заметно начиная с Ивана III, изложение носит сложный характер — автор нередко приводит по тем или иным вопросам внешних сношений и внутреннего состояния Русского государства различные литературные мнения, сталкивает их и только после этого выносит свое суждение, которое либо совпадает с одним из мнений, либо является самостоятельным. Так, касаясь вопроса о царском титуле и взаимоотношений русских царей с римскими папами, Марций резко критикует автора «Галльского Меркурия» за неточности и противопоставляет ему Габриеля Грамонда и отчасти Павла Иовия и Павла Пясецкого. Но тут же он ставит под сомнение некоторые утверждения Иовия и Пясецкого, ссылаясь на Герберштейна. Более того, Марций изобличает П. Иовия в противоречивой оценке взаимоотношений Василия III с папой и императором (с. 56). В итоге критического разбора литературы Марций приходит к правильному пониманию изменений в великокняжеском и царском титуле как выражения роста территории и могущества государства, персонифицированного в лице великого князя или царя. Вопрос о титуле, правильности его написания занимал одно из первостепенных мест во внешних сношениях России. Вот почему западные авторы, а вслед за ними и Марций уделяют большое внимание состоянию вопроса о титуле.

Другой пример. Марций решительно выделяет суждения об Иване Грозном французского историка Жака де Ту (Туана) и «Истории Московии», изданной Эльзевирами, противопоставляя их взглядам других авторов, видевших в Грозном только тирана. По мнению самого Марция, Иван Грозный «величием духа... оказался достоин своего державного назначения» (стр. 58).

В вопросе о самозванстве или подлинности пришельца из Польши, царя Дмитрия, автор также сталкивает ряд мнений за-

⁹ См., например: Я. Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905, с. 17, 18, 34, 38 и др. — Сказание Рейтенфельса вышло в Падуе в 1680 г.

падных авторов. И хотя в ходе рассуждений Марций сообщает, что свидетельство Петра Петрея из Упсалы убеждает в том, что Григорий Отрепьев был самозванцем, в конечном итоге он все же остается под влиянием точки зрения тех авторов, которые так и не преодолели сомнений в этом вопросе.

Разноречие о Лжедмитрии показывает, как запутан был вопрос о нем для современников и ближайших потомков.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что мы имеем дело с весьма любопытным для своего времени критическим разбором русской истории.

Взгляды самого автора, его подход к оценке событий — не что иное, как прагматизм. Это обстоятельство, разумеется, не исключает того, что местами в его ученом труде мы сталкиваемся с весьма реалистическим подходом к тем или иным явлениям русской истории. Касаясь, например, призвания семибоярщиной на русский престол польского королевича Владислава, автор замечает, что сразу стало очевидным, как «непрочен этот мир и неверно это подчинение», так как «ни природа, ни то, что считается еще сильнее — привычка, не могли приучить москвитов к правлению и нравам поляков» (с. 60). Но когда тут же, следуя своему обыкновению, в примечаниях Марций дает обобщенное суждение о различии духовного уклада и нравов польского и русского народов как причине враждебности между ними, вовсе снимая со счетов сам факт интервенции и захват Польшей западных русских земель, нельзя не видеть лежащего в основе этого суждения подхода с позиций идеализма. Когда же Марций вновь касается фактов внешней или внутренней истории России, историк-прагматист одерживает в нем верх. Ставя под сомнение на основе вышеприведенной сентенции надежность Андрусовского перемирия, автор в конечном счете выражает полную уверенность в его прочности, видя гарантию этой прочности в общей для России и Польши турецкой опасности (с. 61). Можно указать и другое. Из сочинения Марция видно, сколь глубоки корни измышлений западной пропаганды об особом якобы характере русских, для которых строгость законов и наказаний является весьма благодетельным обстоятельством, ибо они, как пишет наш автор, «только портятся от мягкого и снисходительного обращения» (с. 72). У того же Марция находим противопоставление свободного положения донских казаков, которые подчиняются русскому царю «не по принуждению, а по своей воле», обладают правом выборности своих начальников, положению находящихся под властью польского короля днепровских казаков, которые (здесь Марций ссылается на П. Пясецкого) «подчиняются польским законам и юрисдикции» и не имеют самоуправления. Марций пишет, что можно только пожелать тем, «которые до сих пор находились под властью Королевства Польского», такого же свободного положения, какое имеют донские казаки. Ухудшение положения днепровских казаков пропольски на-

строенный Марций связывает с движением Б. Хмельницкого, к которому он настроен враждебно, и в особенности с последующей деятельностью Дорошенко, позволившей туркам обратить Украину «в оплот своего могущества, страшный для москвитов и всего христианского мира не меньше, чем для поляков» (с. 64). Как видим, повествование Марция соткано местами из весьма противоречивых суждений, но именно рационалистические элементы этого ученого сочинения делают его весьма ценным для своего времени и не лишенным интереса и для читателя наших дней.

Основной темой диссертации И. Марция является восстание С. Разина. В нашей историографии утвердилось мнение, что книга И. Марция в этой части бедна фактическим материалом, но важна для выяснения международного значения разинского восстания.¹⁰ В общей форме это суждение правильно, но теперь, когда мы располагаем первым полным переводом диссертации, представляется возможным уточнить оценки и подметить такие стороны сочинения Марция, на которые до сих пор не обращалось внимания. В противовес обилию ссылок в первой, общесторической части работы, вторая ее часть, естественно, содержит лишь немногие и, кроме того, весьма глухие ссылки. Так, упомянуто «какое-то немецкое сочинение», а вслед за ним издания «Theatrum Europaeum» и «Diarium Europaeum» (с. 64). Относительно немецкого сочинения с уверенностью можно сказать, что это «Сообщение. . .», вышедшее в 1671 г.¹¹ Два других зарубежных издания содержали перепечатку сведений из европейских газет, и в частности из ярмарочных известий (см. с. 82 и сл.). На с. 66 диссертации Марция имеется ссылка на одну рукопись, но Марций, к сожалению, не дает ни названия ее, ни имени автора, хотя и характеризует его как ученого и добросовестного человека. Цитата из рукописи позволяет заключить, что Марций использовал иностранную рукопись, нам неизвестную. Наконец, там же обнаруживаем указания на какие-то записи по русской истории, на которые Марций ссылается дважды (Commentarii rerum Russicorum repere, commentarii astorum Russicorum) (с. 71). Как источник какое-то место в диссертации занимали «рассказы весьма серьезных людей». Если сюда добавить личные впечатления и наблюдения автора, которые не только дали большой материал для повествования, но и побудили автора взяться за перо,¹² то этим будет исчерпан круг источников той части

¹⁰ А. Попов. История возмущения Стеньки Разина, с. 20; Б. Тихомиров. Источники по истории разинщины, с. 66; В. И. Веретенников. Об иностранных . . . источниках. . . , с. 174; И. В. Степанов. Крестьянская война. . . , с. 87—88.

¹¹ Kurtze doch Wahrhaftige Erzählung von der blutigen Rebellion in der Moscau etc. Emden, 1671. — См.: Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под редакцией А. Г. Манькова. Л., 1968, с. 84 и сл.

¹² «Я решил изложить письменно и то, что я видел собственными глазами, и то, что, находясь рядом, узнал по достоверным свидетельствам».

труда Марция, которая посвящена собственно С. Разину. Если же говорить о фактической стороне изложения хода самого восстания, то она действительно бледнее того, что имеется в других иностранных свидетельствах. Однако, используя «Сообщение. . .»¹³ как основной источник фактического материала о Разине, Марций нередко дает свое толкование событий, распределяет в известной мере по-своему свет и тени, пускаясь при этом в пространные рассуждения. Эта сторона книги Марция весьма интересна, поскольку дает представление, во-первых, об отношении европейского наблюдателя к событиям в России и, во-вторых, о приемах научно-публицистического творчества того времени. Однако с этой особенностью книги связано и то, что автор в ряде случаев допускает большие неточности в изложении событий и их толковании. Поэтому труд Марция требует к себе весьма критического отношения.¹⁴

К числу неизвестных нам до сих пор фактов можно отнести важное свидетельство о том, что в сражениях с повстанцами под Мурашкином победу царскому войску обеспечила конница из числа иностранных войск, участвовавших в составе сил Долгорукова. Любопытные сведения найдет читатель и о тревожных настроениях в Москве — при дворе, среди верхов и низов московского населения. Не менее важна стоящая за этим мысль, что положение в Москве целиком зависело от исхода действий армии Долгорукова.

Касаясь идейной стороны движения, Марций неоднократно подчеркивает враждебность и самого Разина и повстанцев к боярам, к ближайшему окружению царя. Книга содержит по этому поводу интересный материал для исследователя. Однако отношение самого автора к боярам и их роли в политической жизни страны отнюдь не исчерпывается подчеркиванием враждебности к ним повстанцев.

Наблюдения Марция о давлении бояр на царя при решении крупных внешних и внутренних политических вопросов дают нам в какой-то мере картину боярского сепаратизма. Если здесь не исключена возможность некоторых преувеличений, то все же едва ли отсутствует и зерно истины. Стороннему наблюдателю все это могло броситься в глаза. Пережитки прошлого в XVII в., в период становления абсолютной монархии, были еще сильны. В нашей литературе превалирует подчеркивание абсолютистских черт правления Алексея Михайловича, а боярство рассматривается в значительной мере как трансформированная сила. Лаконичные, но яркие строки Марция показывают, что на самом деле картина была сложнее.

¹³ Записки иностранцев. . . , с. 106—118.

¹⁴ Неточности Марция в изложении фактической стороны дела отмечены нами в комментарии (см. с. 75).

Заслуживают пристального внимания и весьма интересные суждения автора о разобщенности действий отрядов Разина в период наивысшего развития Крестьянской войны в Среднем Поволжье после симбирской эпопеи. В разобщенности, разброде и в отсутствии руководящего центра в лице самого предводителя Марций видит причину поражения повстанцев (с. 72). Вслед за «Сообщением. . .» и в соответствии с другими источниками начало восстания Марций относит к 1667 г. Это показывает, что в России и за рубежом события 1667 г. воспринимали как качественно новое явление, отличное от предыдущих походов донских казаков на Волгу и Каспий «за зипунами». Думается, эти обстоятельства должны быть учтены в происходящем ныне обмене мнений относительно хронологических рамок второй Крестьянской войны.

Судя по характеру описания казни С. Разина, Марций, находясь в это время в Москве, был несомненно ее очевидцем наряду с другими иностранцами (Рейтенфельс, Хебдон, автор «Сообщения. . .»), оставившими ее описание. При совпадении основных данных каждое из этих описаний подмечает какие-то свои детали и особенности, бросившиеся в глаза их авторам. Все авторы подчеркивают отсутствие у Фрола Разина мужества и стойкости, которыми с избытком был наделен его брат. Указывают и на то, как С. Разин успокаивал и наставлял брата и упрекал его за малодушие. Но только Марций сохранил потрясающую по своей силе сцену, отметив, что С. Разин «был так непреклонен духом, что не слабел в своем упорстве и не страшился худшего, и уже без рук и без ног сохранил свой обычный голос и выражение лица, когда, поглыв на оставшегося в живых брата, которого вели в цепях, окрикнул его: „Молчи, собака!“».

При написании диссертации Марций, по всей вероятности, не задавался целью изложить возможно полнее фактическую сторону событий. Его гораздо более занимало стремление понять и изложить причину и сущность событий, постичь натуру самого Разина и движущие пружины его действий. В этом смысле книга Марция принадлежит особое место в кругу других сочинений XVII в. о восстании Разина. Примечательно стремление автора поставить движение Разина в связь с крупнейшими внешнеполитическими и внутривосточными событиями в истории России того времени. Восстание рассматривается как идущее непосредственно вслед за тяжелой для России Русско-польской войной (с. 62) и тем самым как бы из нее вытекающее. Автор видит определенное воздействие на ход восстания событий на Украине и дела Никона. Подчеркивается связь движения с положением донского казачества и массовыми побегами на Дон, по выражению автора, «преступного и подлого люда». Словом, Марцию нельзя отказать в известной широте взгляда, горизонт его подхода к оценке восстания Разина достаточно широк. На этой основе складывается и отношение ав-

тора к самому Разину, его оценка как исторического деятеля. Уже на первой странице диссертации автор объясняет повод ее написания следующим образом: «дерзость и отвага» Разина «навели меня на мысль рассказать о начале, ходе и конце того мятежа, который не только привел Московию в смятение, но и поставил ее перед крайней опасностью». В приведенных словах раскрыт глобальный характер движения, но в них же чувствуется и невольное восхищение автора самим Разиным. Это же чувство не покидает Марция, когда в другом месте он характеризует Разина как человека хотя и «безродного», но «на редкость искушенного, готового на любое дело» (с. 64). Внутренняя характеристика образа дополняется не менее ярким описанием физического облика предводителя повстанцев: крепкого сложения, «закален в тяготах войны, в цветущем возрасте и здоров». В данном контексте не производят отрицательного впечатления приписываемые Разину жестокость и свирепый вид (с. 64). Марций именует Разина тираном, но вместе с тем наделяет его чертами способного предводителя, умело обеспечивающего тыл своему войску, понимающего настроения народа, хорошо использовавшего в своих интересах ряд моментов внутривнутриполитической жизни страны, в том числе дело Никона, смерть царевича Алексея и др. Однако отношение Марция к Разину в конечном итоге отрицательное. Этим объясняется, что автор не жалеет места и красок для описания жестокости, коварства Разина, вакханалии казней и убийств, якобы чинимых им и повстанцами. Однако весь материал такого рода есть повторение сведений, заимствованных из «Сообщения. . .». Объяснение мотивов выступления самого Разина сводится к двум моментам: чувство мести за брата, казненного Долгоруковым, и жажда власти. Династический момент, свойственный понятиям средневековья, имеет место и здесь при объяснении событий. Ход восстания, по утверждению автора, должен был разрешиться чем-либо одним — гибелью царя или Разина.

В целом образ Разина настолько захватывает воображение Марция, что он невольно ищет и предлагает исторические параллели. Однажды Разин назван «русским Катилиной», поскольку он убеждал всех, кто хочет мстить боярам, сходить к нему (с. 67). В поисках аналогий под таким углом зрения автор называет и предводителя восставшего имперского рыцарства Вильгельма Грумбаха, который, по словам Марция, «в прошлом веке исполнился такой дерзости и гордыни, что угрожал спокойствию не одной только Саксонии, но и всей Германии» (с. 69). Общим для Разина и Грумбаха является и трагический конец: Грумбах был осажден войсками императора в Готе, пленен и четвертован. Морально-этические и чисто внешние критерии аналогий приводят к тому, что в другом случае наряду с Иваном Подковой, предводителем запорожского казачества, затем молдавским господарем, который по социальному происхождению был ближе к Разину, названа

и такая фигура, как вождь князей-протестантов, выступивших против императора Карла V, — Филипп I Великодушный. Для нас подобные параллели лишены реального смысла, но чрезвычайно важен сам факт сравнений Разина, с той или иной точки зрения, с историческими деятелями как далекого, так и недавнего прошлого. Марций показывает огромную силу воздействия Крестьянской войны и прежде всего ее предводителя на европейское общественное мнение. Но сила всякого воздействия определяется размахом и глубиной самого явления. И сочинение Марция, с этой точки зрения, представляется нам убедительным доказательством огромной силы восстания Разина, несшего реальную угрозу правлению Алексея Михайловича. Европа следила за ходом событий, затаив дыхание. Впрочем, прямые высказывания на этот счет самого Марция носят весьма очевидный характер. Буквально в первых строках его диссертации читаем, что он «сам был зритель тех волнений, которые удивляли всю Европу». Позднее, приступая к изложению восстания, Марций отмечает, что «страхом была охвачена не одна Московия — вся Европа некоторое время жила в ожидании того, какой оборот примут эти события» (с. 62). Как видно из публикуемых в данном сборнике сообщений западноевропейской прессы, пристальное внимание ряда европейских государств к событиям в России действительно имело место и при этом носило далеко не бескорыстный характер. С возможностью серьезных осложнений в России связывались надежды на пересмотр некоторых внешнеполитических договоров, на благоприятные для заинтересованных стран изменения позиции России в территориальных спорах и, наконец, открытые расчеты на оказание военной помощи русскому правительству и тем самым на вмешательство во внутренние дела России.

Если попытаться определить ведущую тему сочинения Марция и его основное значение как источника, то это будет международный аспект, международный резонанс восстания Разина. Уже само появление сочинения Марция в форме ученого труда, магистерской диссертации, — красноречивое тому доказательство. Но есть еще одна важная сторона дела. Симпатии автора целиком на стороне русского царя как самодержца. А Разин в его глазах в конечном счете не кто иной, как тиран и государственный преступник, покусившийся на законную власть и получивший заслуженную кару. К этому сводится основная идея, основная мораль произведения. Именно с этой идеей и апеллирует Марций к своему европейскому читателю. За рубежом, в условиях немецких земель и Европы в целом, такая идея была нужна господствующим классам не менее, чем где-либо в другом месте.

В структурном отношении книга Марция делится на 29 небольших параграфов, обозначенных арабскими цифрами, но с нарушением порядка: цифра 13 встречается дважды, цифры 14 и 15 отсутствуют, а начиная с цифры 16 параграфы пронумерованы

до 30.¹⁵ На отдельных страницах сочинения имеются примечания, напечатанные курсивом. В параграфах с 1 по 13 примечания обозначены буквами латинского алфавита, от а до l. Начиная со второго 13-го параграфа (в нашем издании параграф 14—15) и до конца примечания обозначены знаком*. Латинский текст воспроизводится по первому изданию 1674 г., но с исправлением очевидных погрешностей по изданию 1698 г. Поскольку историческая часть труда И. Марция выходит за рамки темы сборника и представляет интерес лишь в библиографическом отношении, мы не даем к ней за период до XVII в. реального комментария, а ограничиваемся характеристикой основных ее особенностей в предисловии. Однако на протяжении всей диссертации в подстрочных примечаниях к ее тексту воспроизводятся полные названия сочинений, использованных Марцием, в тех случаях, когда ссылка у Марция дана кратко, а иногда и неточно. Устанавливаются имена авторов в случаях, когда Марций дает только наименования произведений. Такая работа, сделанная А. К. Гавриловым, служит существенным дополнением к библиографическому аппарату сочинения Марция. Другой вид подстрочных примечаний составляют пояснения к переводу отдельных терминов.

¹⁵ В настоящем издании вместо второй цифры 13 поставлены порядковые номера параграфов 14—15.

ИОГАНН ЮСТУС МАРЦИЙ ИЗ МЮЛЬГАУЗЕНА В ТЮРИНГИИ¹

Виттенбергская диссертация, посвященная Степану Разину, указывает дату публичного диспута (29 июня 1674 г.) и называет два имени: председательствовавшего на диспуте Конрада Самуэля Шурцфлейша и выступавшего (респондента) Иоганна Юстуса Марция.² Если Шурцфлейш, с именем которого долго связывали это сочинение, достаточно хорошо известен и теперь, то Марций, в котором наконец признали автора интересующего нас сочинения, оставался неизвестным.³ Поскольку установление личности и основных биографических данных Марция существенно для решения

¹ Выражаем благодарность сотруднице фонда «Россия» ГПБ И. Г. Яковлевой, немецким коллегам Берядту Функу и д-ру Гюнтеру, директору Мюльгаузенского городского архива, за большую помощь в разысканиях. В отношении русского перевода и подстрочного комментария мы многим обязаны редактору перевода А. И. Доватуре, а также Е. И. Гольцман и А. А. Алексееву.

² В первом издании диспутации (год не указан, предположительно 1674—1675 гг.) — и только в нем — имеется благодарственное посвящение мюльгаузенскому сенату от имени Марция. Относительно назначения диспутаций, порядка диспутов, а также о трудном вопросе об авторстве см.: E. H o r n. Die Disputationen und Promotionen an den Deutschen Universitäten. Leipzig, 1893.

³ В. Г. Струве (V. G. S t r u v i u s. Selecta Bibliotheca historica. Jenae, 1705, p. 760), приводя это сочинение, называет только старшего коллегу, Марция же не упоминает вовсе. Такого рода краткость послужила причиной заблуждения, которое установилось в XVIII в. (например, библиографии европейских сочинений о России Нольтена и Селлия). Хотя академик Миллер (G. F. M ü l l e r. Sammlung Russischer Geschichte, Bd. 7. St.-Petersbourg, 1762, s. 500—501, Anm.) и выразил некоторое сомнение касательно авторства Шурцфлейша, мнение это оставалось господствующим до того времени, когда В. И. Веретенников высказался за авторство Марция. Однако он не имел никаких сведений о последнем. Известные лексиконы Йехера и Цедлера не называют Иоганна Юстуса Марция; не знают его и обзоры путешественников в Россию Аделунга и Кордта.

вопроса об источниках, достоверности и цели его повествования, сообщим здесь кратко те сведения, которые нам удалось собрать.

Прежде всего упомянем здесь два свидетельства из виттенбергских лет Марция: стихотворные обращения Шурцфлейша к Марцию, приуроченные к выступлению последнего на диспуте (июнь 1674 г.) и к получению им степени магистра философии (апрель 1675 г.).⁴ Рассмотрение этих стихотворений показывает с ясностью: 1) сам Шурцфлейш автором разинской диспутации признавал Марция, 2) Марций выступал с нею *pro gradu* и ученую степень получил в связи с ней же, 3) Марций определенно был в России. Заметим, что авторство Марция, принадлежность московского опыта именно ему не исключают общего влияния Шурцфлейша. Напротив, в разделах сочинения, дающих обзор западноевропейской литературы о России,⁵ многое, не говоря уж о способе работы и выражения, может восходить к влиянию учителя.⁶

Что касается имени Марция, то оно, как показывают матрикулы Виттенбергского университета, представляет собой латинизацию — так называемый *Schulname* — его настоящего имени Мерц (*Merz, Mertz*).⁷ Под этим именем он известен мюльгаузенской хронике⁸ и церковной истории Мюльгаузена, составленной Эйльмаром,⁹ из которых узнаем, что в конце своей жизни Мерц был пастором в родном городе. Однако наиболее связанное и полное представление о жизни Марция-Мерца¹⁰ можно получить из его жизнеописания, составленного сразу после его смерти его преемником в церкви св. Николая пастором Эйзенхардтом.¹¹ Вот основные данные оттуда: Иоганн Юстус Мерц родился 6 мая 1648 г. в Большштеде, близ Мюльгаузена; посещал мюльгаузенскую гимназию, а в 1666 г.

⁴ C. S. Schurzfleischi Poemata latina et graeca. Vitembergae, 1702, p. 95, 160.

⁵ Благодаря обстоятельности этих разделов работу Марция можно рассматривать как одну из первых библиографий России. В наших подстрочных примечаниях к переводу мы старались дать пояснения к тем ссылкам, которые даны неполно или неточно.

⁶ Интересно, что Шурцфлейш тоже упоминает разинские события, хотя и очень кратко (C. S. Schurzfleischi Epitomes Historicae a Sleidano coeptaе series. Wittebergae Saxonum, 1678, p. 18); зато когда в одной из своих речей (*idem, Orationes Panegyricae et allocutiones. Vitembergae, 1697, p. 9*) он говорит о положении московских лютеран, трудно удержаться от мысли, что этими сведениями он обязан личному общению с младшим коллегой.

⁷ *Album Academiae Vitembergensis, Jüngere Reihe, Teil 2 (1660—1710)*, bearb. von Fritz Juntke. Halle, 1952, s. v. Joh. Justus Mertz.

⁸ *Chronik der Stadt Mühlhausen*, hrsg. von R. Jordan, Bd. 3. Mühlhausen, 1906, 36, 141—142, 145.

⁹ *Kirchen-Historie der Kayserlichen Freien Reichsstadt Mühlhausen. Mühlhausen, 1714, S. 24, 25.*

¹⁰ Впредь мы будем продолжать называть его Марцием, поскольку он интересен нам прежде всего как автор.

¹¹ *Das Leben des pfarrers Magister Justus Merz. Aus dem Kirchenbuch St. Nikolai, mitgeteilt von Hauptmann Ehrhardt.* — В кн.: *Mühlhäuser Geschichtsblätter, Jg. X (1909/10)*, S. 55—58.

в связи с материальными трудностями в семье после смерти отца стал учиться в Штеттине. Блументрост и Грегори¹² на своем пути в Москву ехали через Штеттин, и Грегори пригласил молодого человека на место учителя в школу при немецкой слободе под Москвой.¹³ Тот дал согласие и присоединился к ним в Данциге, однако, добравшись до Кенигсберга, раздумал и имматрикулировался в тамошнем университете,¹⁴ — он, по-видимому, стремился продолжить свое образование. Только заручившись письменным заверением в том, что через три года (условия: 100 талеров ежегодно и бесплатный стол) он непременно будет отпущен, Марций согласился вновь. По приезде¹⁵ в Москву он был вместе с Блументростом на аудиенции у Алексея Михайловича. Старательно исполнявший свои обязанности по школе¹⁶ и при церкви (во время отъездов Грегори к гарнизону,¹⁷ располагавшемуся в Смоленске, Марций стал иногда заменять пастора, так что имел случай упражняться в искусстве проповеди), имевший к тому же прекрасную музыкальную подготовку, которая выделяла его еще в Мюльгауэне и Штеттине, Марций вполне завоевал расположение генерала Николая Баумана, у которого он и столовался.¹⁸ На будущее Марцию прочили место пастора в Москве. Когда трехлетний срок службы истек, возникли

¹² Лаврентий Алферович Блументрост и Иоганн Готфрид Грегори (так же как и дети обоих) хорошо у нас известны в связи с историей медицины, Академии наук и придворного театра.

¹³ В Лейпциге Блументрост пригласил в качестве домашнего учителя для своего сына и в помощники себе Лаврентия Рингубера, студента-медика. Материалы, касающиеся поездок Рингубера в Россию, представлены в известном сборнике (*Relation du voyage fait en Russie en 1684 par Laurent Rinhuber*. Berlin, 1883), на который мы будем ссылаться ниже.

¹⁴ Прежде, совсем еще юным, Марций, по обычаю того времени, был имматрикулирован и в Лейпцигском университете. См.: *Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig. 1559—1809*. Bearb. von G. Erler. Bd. I—II. Leipzig, 1909, s. v. Joh. Justus Merz.

¹⁵ Блументрост и Грегори прибыли в Москву в мае 1668 г. Отсюда с определенностью следует, что произнесенные Марцием в июне 1674 г. слова: *sextus annus est ex quo Rossiam compeavi* — нужно понимать как «шесть лет», а не как «шестой год». Ср. подстрочное примечание к начальным словам сочинения на с. 51.

¹⁶ Д. В. Цветаев упоминает учительствовавшего при школе Грегори «Ивана Юста Марция», о котором он не имел больше каких-либо сведений и которого не догадался отождествить с респондентом разинской диспутации. По форме имени можно думать, что Цветаев встретил его в русских документах (Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. — *Варшавские университетские известия*, 1889, № VIII, с. 5—6, 9).

¹⁷ Об отлучках пасторов Грегори и Фокеродта в армию, действовавшую против татар, казаков или на польской границе, упоминается в документе, направленном Эрнсту, герцогу Саксен-готскому (*Relation du voyage*. . . , p. 2).

¹⁸ Бауман, по-видимому, увлекся Марцием так же, как в свое время Фокеродтом, а потом Грегори. Впрочем, он раньше Марция, еще в начале 1671 г., уехал из России, откуда долго не мог выехать и куда впоследствии не мог вернуться. О Баумане см.: Д. В. Ц в е т а е в. Генерал Бауман и его дело. Из жизни Иноземской слободы в XVII веке. М., 1884.

трудности с выездом: выехать удалось только в 1672 г. Тяжелобольной,¹⁹ он отправился с каким-то купеческим судном через Архангельск и, пережив ряд злоключений на море, добрался в сентябре 1672 г. до Гамбурга. К началу декабря 1672 г.²⁰ он был в Мюльгаузене. С 1673 по 1675 г. Марций учится в Виттенберге, где через год после разинской диспутации²¹ получает звание магистра. В дальнейшем он продолжает учиться: в Мейсене слушает Пфейффера, а в Дрездене — Карпцова, у которого получает ординацию, перед тем как отправиться с саксонцами под Вену в качестве армейского проповедника (1683 г.). После этого похода Марций возвращается в родные места: сначала он пастор церкви св. Георгия и Мартина, а с 1696 г. — пастор при церкви св. Николая и Петра, каковым и остается до конца своей жизни. Женат он был на Марте Катарине Эйльмар — дочери мюльгаузенского архидиакона магистра Георга Готфрида Эйльмара;²² имел трех дочерей. Умер после тяжелой болезни в 1702 г., на 55-м году жизни.

Располагая этими сведениями, мы без труда можем представить себе важнейшие обстоятельства пребывания Марция в Москве и его окружение. Обстановка этих лет особенно известна благодаря так называемому делу генерала Баумана.²³ Для Баумана, Грегори, Блуменгоста, от которых более всего зависела судьба Марция (как и Рингубера), это было трудное время. У Баумана совершенно были испорчены отношения с частью офицерства; многие чуть ли не отказывались ему подчиняться; кроме того, он долго не мог получить разрешение на выезд и жалованье за несколько лет службы. Слободские враги Грегори обвинили его перед русскими властями в nepочтительном отношении к России²⁴ и русскому

¹⁹ Отсюда становится понятен намек из упомянутого выше стихотворения Шурцфлейша (*fessasque medullas / sidere Saxonico reficis*).

²⁰ Комбинируя два свидетельства Рингубера (*Relation du voyage... ,* p. 29, 51), можно думать, что Марций прекратил свою службу при школе в сентябре 1671 г., а плату за все три года получил только в Гамбурге. Для нас здесь важнее всего то, что он покинул Москву после казни Разина.

²¹ Ни этого, ни каких-либо других сочинений Марция его жизнеописание не называет. С. Коновалов упоминает три поздравительных стихотворения, обращенных к Марцию. Среди поздравивших и брат Юстуса — Христиан Марций, также учившийся в Виттенберге (*S. K o n o v a l o v. Razin's Execution: Two Contemporary Documents. — Oxford Slavonic Papers, 1965, vol. XII, p. 91—98*).

²² Семейство Эйльмаров было весьма заметным в Мюльгаузене. Через несколько лет после смерти Марция с их домом был связан Иоганн Себастьян Бах, одно время живший в их городе.

²³ Материалы, касающиеся этого дела, исследованы Д. В. Цветаевым (см.: Генерал Бауман и его дело); документы изданы им же в его «Памятниках к истории протестантизма в России» (ч. 1, М., 1888). Письма и записки Рингубера содержат ряд живых характеристик (см.: *Relation du voyage... ,* p. 27—30 и 42—48).

²⁴ Хотя самому Грегори, как показывает Цветаев, приходилось в обстановке жестокой борьбы прибегать даже и к недобросовестным приемам, мы, кроме общего положительного впечатления от его личности, случайно

царю. Обвиняли его и в недобросовестном использовании средств, собранных им в Германии, так что он едва не потерял расположение великодушного Эрнста.²⁵ На Блументроста, который приехал занять должность лейб-медика по особому приглашению Алексея Михайловича, пало по наговорам его же соотечественников подозрение в недостаточном знании латыни: мысль эта была столь мучительна, что «архиятер» в течение нескольких лет не имел возможности приступить к делам. Решительная перемена в положении всей группы произошла после постановки «Артаксерксова действия», но это случилось уже после отъезда Марция.

Конечно, кроме Баумана, Марцию были знакомы и многие другие офицеры. Что касается пасторов, то, кроме Грегори и враждебного ему Фокеродта (родом тоже из Мюльгаузена), он должен был знать и более или менее нейтрального Фадемрехта, и симпатизировавшего партии Баумана—Грегори пастора реформатской общины, московского старожилы Иоганна Гравинкеля. Последнего он упоминает в своем сочинении с почитительностью; контекст дает основание полагать, что им случалось вести содержательные беседы касательно московских дел. Дружной общины реформатов держались шотландцы Гордон и Менезий — в поле зрения Марция могли находиться и они. Итак, пасторы и их помощники при школе, офицеры в довольно высоких чинах, врачи, имевшие доступ ко двору, дьяки из Посольского приказа, с которыми непременно приходилось сталкиваться иностранцу, наконец, родители и родные тех, кто обучался при его школе, — вот люди, с которыми в течение трех лет имел постоянное общение Марций.²⁶ От них он мог узнавать немало сверх того, что случалось ему наблюдать. Нам неизвестно, однако, как рано созрел у него план писать о русской истории и о Разине в особенности,²⁷ так же как неизвестно, возвращался ли он к этим занятиям после виттенбергской диспутации. Характерно, что, имея основательную филологическую подготовку (кроме знания латыни, которое он показывает в своем сочинении, от него как ученика мюльгаузенской и штеттинской гимназий можно ожидать также близкого знакомства с греческим и древнееврейским языками), он, по-ви-

располагаем ценным свидетельством его искренней привязанности к России. См.: Н. П. Л и х а ч е в. Иностранец — доброжелатель России в XVII столетии. СПб., 1898.

²⁵ Об участии Эрнста Благочестивого в делах московской лютеранской общины см., кроме названных выше работ Цветаева, также: А. В е с к. Ernst der Fromme. Weimar, 1865.

²⁶ См. сочинение Марция, с. 57. Там же см. о знаменитом филологе и дипломате Николае Гейнзиусе, пребывание которого в Москве (конец 1669—1670 г.) должно было привлечь внимание Марция.

²⁷ Слова Марция во вводной главе, намекающие как будто бы на то, что сведения о разинском мятеже он начал собирать еще в Москве, можно понимать по-разному: как констатацию факта, как ощущение, возникшее ретроспективно, или же как момент риторический.

димому, не взялся серьезно за изучение русского языка: несколько приведенных им русских слов вряд ли опровергают это предположение.

Для того чтобы правильно оценить ту часть сочинения, которая посвящена собственно Разину, нужно выяснить еще многое, в том числе вопрос о соотношении сочинения Марция и «Сообщения. . .».²⁸ Впрочем, как бы ни оказался решен этот вопрос, Марций безусловно заслуживает внимания²⁹ как один из образованных иностранцев, знакомивших Европу с настоящим и прошлым России.

²⁸ См. богатую интересными материалами статью А. Л. Гольдберга, помещенную в издании: *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18 Jahrhunderts*, Bd. II. Berlin, 1970, S. 266.

²⁹ Отмечают, что Пушкину известно было «Сообщение. . .». Любопытно, что поэт интересовался и сочинением Марция (см.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 10, М., 1958, с. 457, письмо к А. С. Норову).

СТЕПНО РАЗИНЪ ДОНСКИ КОЗАКЪ ИЗМЕННИК. ID EST
STEPHANUS RAZIN DONICUS COSACUS PERDUELLIS.
PUBLICAE DISQUISITIONI EXHIBITUS PRAESIDE CONRADO
SAMUELE SCHURTZFLEISCH, RESPONDENTE JOHANNE
JUSTO MARTIO, MULHUSA-THURINGO, D. XXIX QUINTIL.
ANNO MDCLXXIV

Viris Magnificis, Nobilissimis, Consultissimis, Amplissimis, Prudentissimis, Auctoritate, Meritis atque Dignitate inclytis, Civitatis liberae ejusque imperialis Mülhusinae Consulibus ac Senatoribus, universis Patriae Patribus virtute, singularibus ornamentis atque omni laude conspicuis Dominis meis et Mecoenatibus summis piissimo obsequio sacrum esse vult humilis ac demississimus Cliens Johannes Justus Martius.

1. Sextus annus est, ex quo in Russiam commeavi, et vidi, quae alii tantum famâ acceperunt, et motuum, quos tota Europa mirata est, spectator ipse fui, ac ut pleraque acta fuerint, praesens observavi. Tum auctor tumultuum Stephanus Razinus venit in conspectum meum, qui audaciâ atque immanitate suâ effecit, ut seditionis, quae Moscoviam tunc non modo perturbavit, sed etiam in extremum discrimen adduxit, initia, cursum atque exitum tradere cogitarem, et sive meis illa ipsa oculis adspexi, sive ex propinquo haud falsis indiciis accepi, in commentarios referrem.

2. Quod prius quàm expediam, paucis docebo, quod vetus Moscoviae ingenium, quae facies, quod nomen fuerit, quibus item vicibus creverit, quas provincias acquisiverit, et quomodo se à Tataris in libertatem vindicaverit, ac in tantâ finium amplitudine imperium, nimîâ alioqui mole facile ruiturum servaverit.

3. Principio totus ille tractus Scythia appellatus est, inde Rho-xolanorum nomen increbuit, ac diu multumque in usu ac sermone hominum fuit, usque dum Russi et Moschovitae dicerentur hae gentes, et fractis Tatarotum viribus, amplissimas Europae Asiaeque provincias obtinerent.

a. Ex Strabone Geograph. lib. 7. et lib. 2. collat. intelligimus, partem Scytharum fuisse, et habitasse trans Borysthenem. Plinius H. N. lib. IV, cap. 12, juxta Alanos, qui Lithuani sunt, collocat, et Rhoxalanos scribit, paulo aliter, atque Strabo, qui Ῥοξολάνους extulit. Et huic loco inserendum est, quod Jornandes cum de rebus

СТЕПЕНО РАЗИНЫ
ДОНИКЪ
КОФАКУСЪ

Id est
Stephanus Razin Donicus Cofacus

Perduellis,

Publica Disquisitioni exhibitus

PRÆSIDE

CONRADO SAMUELE
SCHURTZFLEISCH,

Histor. Prof. Publ. Extraord.

RESPONDENTE

JOHANNE JUSTO MARTIO,

Mulhufa - Thuringo.

D. XXIX. Quintil. Anno M DC LXXIV.

VVITTEBERGÆ,

Ex officina CHRISTIANI SCHRÖTERI.

Титульный лист диссертации о С. Разине, изданной в Германии в 1674 г.

Geticis traderet, in describenda Scythia luculentam operam collocaverit, Borysthenem vero Danastrum dixerit, p. 84. Nec de Moschorum vocabulo dubitamus, esse antiquissimum, quanquam et Strabo eo designavit Asiae populos, ac regioni Moschicae partim Colchos, partim Iberos (Ponto finitimos, non Iberi fl. accolat) partim Armenios attribuit, lib. 11, quem sequitur Pomponius Mela de situ orbis, lib. 3. cap. 5 et ad sinum maris Hyrcani, atque adeo extra Europam positos refert. Hos à Mesech, sive Mosoch, deducunt Philippus Cluverius Germ. antiq. lib. I. cap. 4; Chron. Cario-

Peucerianum lib. 1, p. 23; G. Hornius hist. Imp. p. 123. Ita vero ignorari non potest, ut Scythiam, sic et Moschos quondam ratione Asiae atque Europae ab se distingvendos fuisse. Sed cum ad medii aevi scriptores pervenimus, incertum, quae causa fuerit, quod Moschorum, qui Europam colunt, regio, quae alias Russia est, Graecia quoque cognominata fuerit, apud Adam. Bremensem hist. Eccl. 1.2. cap 12. et de situ Daniae p. 139. Nisi forsitan quod Graecorum ritum teneant, et quod ipsis commercia invicem fuerint, Henr. Bangert. ad Helmold. 1. 1. p. 3. Nec pauci tamen Russos distingvunt à Graecis, praeter caeteros Luitprandus 1.5. c. 6; Sigebertus ad A. 936. Ille sanè aquilonares vocat, et generali notione refert quoque inter Normannos, conf. Liutpr. 1. 1. c. 3; Ch. Besold. hist. Imp. orient, p. 104; Reinecc. 1.2. ad poet. anonym. p. 21. Quid vero causae fuerit, cur Russi appellati fuerint, non perinde est certum, et fabulas narrat, qui a Russo, Principe quodam Dalmata, accessunt: inter quos est cum multis aliis Georg. Hornius orb. pol. part. 1. cap. 3; Sigismundus Baro ab Herberstein à Russia, antiquo oppido initium appellationis hujus duxit, sed haud temere istud probem, quia constat Russorum incertos esse annales, et prius quam transissent in Europam, Rhossos dictos fuisse, Samuel Bochart Phaleg lib. 3. cap. 13; Helmoldus in Chron. Slav. Ruzos cognominat, Johannes Tzetzes Graecus scriptor Rhos, et a primis in Asia sedibus Tauros extulit. Verùm mihi non est propositum haec omnia complecti, qui omnes conatus atque studia referre debeam ad historiam Razini, hic vero tantùm attingere scriptores, qui et in parte suscepti hujus operis usui atque ornamento esse possint. Cumque horum multi sint, tum vero hic memorandi in primis erunt post Herbersteinii Commentarios rerum Moscoviticarum; Matthias à Michou de Sarmat. Europ.; Paulus Oderbornius 1. 1. histor. Johannis Basilidis; Joach. Vadianus in descript. Sarmatiae; Jac. Spigel schol. in Aen. Sylvium p. 256; Stephan Kakasch itin. Pers. pag. 38 seq.; Johannes Mayr ad A. 1503; Paulus Jovius de Moscovitar. legatione; Laur. Surius comment. rer. p. 31. seqq. edit. Colon.; item scriptores rerum Polonicarum Alexander Gvagninus in descript. Moscov.; Reinholdus Heidensteinius de bello Moscovit.; Antonius Possevinus Colon. edit.; epitome genealogiae Ducis Moscoviae; Paulus Piasecius episcopus Praemisiensis; inprimis Adamus Olearius, qui per Moscoviam ac Tatarorum regiones iter fecit in Persiam, et situm loci, et ritus moresque gentis oculis aspexit suis; Hermanus Fabronius Mosemannus hist. Moscov. cap. 13, qui quemadmodum interpretandus sit, et quae scripserit, juxta cum ingarissimis scivit Vincentius Placcius, qui cum tot ex abdito eruere nomina vellet, nec de viro hoc, nec de operibus ejus, praesertim monarchia Caesarea, et descriptione imperiorum, quid leviter cognitum habuit, Syntag. pseud. p. 205. Religionem Russorum ac caetera instituta praeter dictos scriptores, Herbersteinium Possevinum, Jovium, Gvagninum, persequuntur Johannes Faber lib. de relig. Moscovit.;

Martinus Crusius Theol. Moscov.; D. Chytraeus de stat. Eccl. Graeciae, Adrianus Regenvolscius in Syntagm. Eccles. Slavon.; Aub. Miraeus de stat. relig. Christian.; Edoard. Brerewodus scrutin. religion. Nec mihi in praesentia est declarandum, utrum ex Metrophane Critopulo desumenda pariter ac dijudicanda sit formula sacrorum Russicorum. Certè autem juxta Metrophanis confessionem huc pertinent publicae epistolae Johannis Metropol. Russ. ad Episc. Rom. et Jeremiae Patriarchae Constantinopolitani, quarum altera anno post natum Christum MDLXXVI missa est ad Theologos Wirtembergicos. Nec nunc in eo argumento moramur temeritatem Leonis Allatii, viri quamlibet aliàs docti, et minimè in antiquitate hospitis, quam dudum castigatam esse scio. Sed qui de jure ac legibus Moscovitarum aliquid literis consignaverint hactenus in ipsa Moscovia mihi non occurrerunt. Fecit autem hujus operae mihi ac posteritati spem Johannes Grawinckel,^a vir ingenio promptus, et si incepto exitus respondeat, rerum Moscoviticarum chronicon pariter et Tzarici imperii legum codicem, qui Uloschenie appellatur, editurus, et qua jacta illic libertatis sacrorum nostratium fundamenta fuerint, ac res actaque Comitum Waldemari eo pertinentia enarraturus. Tantùm hic de Russia subjungimus, eam vel dici nigram, sive minorem, vel rubram, quae sunt Polonicae ditionis, vel albam, sive majorem, quae et Massogetarum, et Rhoxolanorum, seu Moschorum appellatur, observante etiam Jo. Aventino l. 4 annal. Boj. p. 360, conf. Lucas de Linda descript. Geogr. Polon. et Moscov. Ac de his Russis quoque tradiderunt scriptores Graeci Cedrenus, Zonaras, atque ex his etiam Thuanus ad A. 1558; F. Hieronymus Romanus republ. del mundo 3. part. a cap. 11½ usque ad. 16 edit. Salamant.; Gasp. Ens thes. polit. apotelesm. 72, ubi tamen falsi aliquid admiscet; novissimè descriptio Moschoviae Elzeviriana.

4. Constat de vetustate gentis, et supervacuum est, eo plura scribere, siquidem hinc non aliter, quàm ad praeparandos animos, ac per instituti occasionem commemorare institui, quemadmodum pro imperio ac libertate dimicaverint Moschi, et Tataros, a quibus CCC fere annis oppressi fuerant, ajecerint, ac se in imperium nulla Scythis lege parendi obnoxium, asseruerint.

5. Primus hoc aggressus est et perfecit Johannes III, qui non modo Russiam in plures Principes partitam in suam unius potestatem redegit, sed etiam de Tataris, qui has terras occupaverant, triumphavit, ac superioris imperii faciem ita vertit atque immutavit, ut nullum Tatarici dominatus vestigium retineret. Quibus rebus magni cognomen adeptum esse ferunt, et filio, cui Basilio nomen erat, prodidisse imitationis exemplum, et conficiendi cursum ejus laudis, ad quam pater felicissime ingressus fuerat. Neque Basilio animus, nec consilium defuit, ut qui mox ditionis suae faceret Smolecensem

^a В издании 1698 г.: Graswinckel.

Principatum, et subactà Plescoviâ regni fines melius tueretur, ac demum hoc quoque magnum et memorabile susciperet, ut ab occupando Casanensi regno proximè abesset. Sunt etiam, qui tradant, huic primum Tzaaris titulum esse additum, ac ad nostra usque tempora retentum, et factis accessionibus regnorum Casanensis atque Astracanensis sub Johanne ejus filio amplius adornatum. Illud enim non dubitanter affirmo, et quia memoria dignum est, tradi a me oportet, Basilium neque occupasse ea regna neque in scripturam tituli redegisse.

b. Paulus Jovius, de Moscovit, legat., hanc tituli formam ex curia Basilii expressit: Magnus Dominus Basilius, Dei gratia Imperator ac dominator totius Russiae, nec non magnus Dux Volodemariae, Moschoviae, Novogrodiae, Pleschoviae, Smoleniae, Tfferiae,⁶ Jugoriae, Permniae, Vetchae, Bolgariae etc. Dominator et magnus Princeps Novogrodiae inferioris terrae, Cernigoviae, Razaniae, Volotchiae, Rezeviae, Belchiae, Rostoviae, Jaroslaviae, Belozeriae, Udoriae, Obdoriae, Condiniaeque etc. Qvem titulum retinet Petrus Bertius, etsi regionum, à quibus sumptus est, nomina adferat non iisdem, quibus apud Jovium extant, literis scripta: brev. orb. terrar. p. 56. Ut vero exarari literas rectè et Geographiae convenienter oporteat, vel ex sola Elzeviriana Moscoviae descriptione colligas, ut compleri vero titulus et plenè ac more et exemplo curiae novissimo scribi debeat, post Olearium tradere voluit Jo. Frid. Popping. orb. illustr. lib. 2. p. 404. Nam ita auctus est iste titulus, ut praescripto Magni Tzaris et magni Ducis nomine, post quaedam verba initium tituli absolutientia Moschorum Imperator quoque appelletur Tzar Casani, et Tzar Astrachani, Tzar Siberiae, ac demum non procul fine, Carthalinorum et Grusinorum Tzarium dominus atque dominator. Apud Goldastum legitur titulus multo brevior, isque a Rudolpho II Caesare attributus: Serenissimo ac potentissimo Duci Theodoro Wanowitz Czaro, et Magno Duci Russiae, Wlodimiriae, Moscoviae, Novogradiae, Tom 3, const. Imp. ad annum 1594. — Johannes Christ. Becmannus eo libro, quo multam laudem consecutus est, de tit. reg. diss. 1, cap. 2, n. 6, putat, Johannem Basilidem primum fuisse, qui Tzaris titulo uteretur: sed uti non negabimus, ab eo adjectione regni Casanensis et Astracanensis amplificatum, ita viro doctissimo non potest displicere, si nos id de Johannis Basilidis patre asseramus. Id vero omnibus notissimum est, Moscovitas in servandis titulis esse pertinacissimos, et legatos ipsorum affirmare, capite luendum fore, siquando in scriptura tituli per errorem laberentur, quod anno superiori LXXIII testimonio suo comprobavit Paulus Menesius a Bitfodels, Baro Scotus, cum oratoris munere perfungeretur, ac Serenissimi Potentissimique Tzaris omnium Ruthenorum autocratoris ablegatum se ad Imperatorem Romanum, Electores Saxonicum et Brandenburgicum, ut

⁶ Все издания дают здесь: Ifferiae.

et Rempublicam Venetam Pontificemque Romanum, literis eo datis doceret. Potestque esse documento Nicolaus Heinsius, vir ingenio et prudentia singulari, qui quum anno MDCLXX Moschuae Ruthenorum legati obiret officium, expertus est, quam difficulter inflecti Tzaris animus atque mitigari posset, cum de accipiendo eo ac in aulam deducendo consultaretur: quin et hoc anno constitit, nec a vestigio veteris ritus discedere, neque pati voluisse, ut vel leviter aliquid ex antiquo more mutaretur. Dum vero haec persequimur, haud praetermittere debemus, Tzaris titulum reipsa cum nomine regiae dignitatis paria facere, tamen, ut hodieque opinio est apud Moschos, plus in Tzaris, quam in regis titulo inest dignitatis, quod praeclare exposuit Baro Herbersteinus. Atque eo spectat, quod scriptor Mercurii Gallici, tom. 3, affirmavit, Michaellem Fedorowitzium per oratorem suum pronuntiandum curavisse ad Matthiam, se ex antiquâ Caesarum familiâ prognatum esse. Praetarquam autem quod id falsum est, dubito de hujus commemorationis fide, et alias exploratum habeo, multa falsa in Mercurium Gallicum irrepsisse, ac Gab. Bartholomaeum Gramondum ejus scriptorem quoque mendacii non praeter meritum coarguisse: lib. 10 histor. Galliae p. 474. Forsan et hujus, si quid tale accidisset, mentionem facturum fuisset Paulus Piasecius, qui uti ad res alias, ita imprimis ad Moscoviticas digreditur, et alibi narrat, Theodorum magnum Moscoviae Ducem de impertiendo regis titulo Pontificem Romanum sollicitasse: chron. p. 112. Quanquam et causas adducere possimus, propter quas a Piasecio nunc quoque discedamus, constatque ex actis illorum temporum, Theodorum non fuisse eâ voluntate erga Pontificem, ut ab eo regium peteret titulum, quod nescire non potest, qui vel cursim legit Herbersteinii commentarios rerum Moscoviticarum, inquantum respondent illis temporibus, quibus ista contigitis memorantur. Neque ipse Paulus Jovius sibi constat, dum refert, Clementem VII. Pontificem obtulisse ultro Basilio regiam dignitatem, si adjungere se ad Romanae Ecclesiae societatem vellet. Mox autem subjungit, cupivisse Basilium concessionem Pontificis regium titulum promereri: nec multo post dubitans scribit, famam tulisse, quod a Caesare Maximiliano titulum ejusmodi postulasset: de legat. Moschovit. edit. Basil.

6. Nihilo segnior Patre fuit Johannes cognomento Basilides, neque ullam augendi imperii occasionem praetermisit, sed quia animo à lenitate alieniori^b erat, et hanc unam firmando dominatui idoneam viam putabat, inter tyrannos numeratus est. Neque de eo ambigitur hactenus, quod saepe multumque ab officio boni Principis recesserit, nec pauca praeter jus fasque admiserit, illud tamen, nec temere, affirmandum est, pleraque de eo magis odio, quam conscientia factorum prodita fuisse, nec modo multas et longinquas expeditiones suscepisse, sed etiam plurimas victorias reportantem,

^b Во всех изданиях: alienori.

Casanenses ac Astrachanenses in suâ verba adegisse, hisque rebus et magnitudini suae animum, et fortunae potentiam aeqvavisse.

c. Jacob. Aug. Thuanus ad A. 1584 ita de Paulo Oderbornio judicat, ut nullo negotio intelligatur, eum exaggerasse Basilidis facta, ut significantius tyrannum repraesentaret. Eandem in suspicionem vocat Alexandrum Gvagninum, atque ex Thuano repetit descriptio Moscoviae Elzeviriana p. 114, ac in sequentibus usque eo ipsius res actaque aestimat, ut ab ipso regibus, qui imperia ampliora efficere student, petendum esse exemplum censeat, p. 150. conf. p. 180. Est vero mihi codex manuscriptus, haud dubiè non visus Thuano, sed qui paria cum Oderbornio tradit, eumque sequitur Horsey Anglus ab Elisabetha ad Johannem Basilidem missus, cum quo conjungi potest Belga L. van der Bos, qui in describenda ejus saevitia conveniunt, nec abludit Olearius, ne Guagnino appareret dissimilis. Ut tanto minus mirandum sit, cur his subscripserit Erasmus Francisci in Theatro actorum lugubrium, XVI. Et tamen nil veretur Thuanus idem, quod antea scripserat, repetitâ vice alibi mandare literis, et quod ad hoc institutum, ac refellendam vulgi opinionem spectat, talia de eo referre, quae et magnum et fortem animum demonstrant, ad A. 1606. Omnino autem Thuanus, qui cum doctrinae studio, tum reipublicae tractandae usu summam est consecutus laudem, ignorare non potuit, multos in Basilidem scripsisse asperius, sive errore deceptos, sive odio impulsos, sive quod nescirent, plura exigi ad noscendum tyrannum, quam aliquot tyrannica facta.

7. Verumenimvero rebus humanis erepto Johanne Basilide, magna conversio facta est, nec fortuna Theodori neque autoritas viguit, tum vero orbitas, ut fieri alias solet, spreta est. Eo A. MDLXXXVIII sine liberis mortuo, pro Basilidis filio quidam se gessit Gregorius Strepium, et Demetrium Theodori juniorem fratrem, qui jam ante per insidias Borisii perierat, lineamentorum similitudine mentitus, pessimam hanc ad regnum viam affectavit. Sed non impune tulit audaciam Strepium, nec modo imperium, sed etiam vitam amisit: postque haec cadaver saevitiae subjectum est, et ducto per genitalia fune raptum, ac omnibus modis foedatum. Horret imagine crudelis exempli anumus, eo magis, quod sint, qui existiment, Strepium, de quo dixi, verum fuisse Demetrium, et vitâ functo Theodoro, Basilidis filio, sorte nascendi Moschis imperare debuisse, nunc vero contra jus fasque deturbatum, et per dedecus atque ignominiam occisum fuisse. Qvanquam autem id multi, tamen non sine dubitatione tradunt, alios autem vel solus Petrus Patersonus,^r (d) Upsalensis adduxit, ut credant, Strepium fuisse impostorem, et simulasse se pro Demetrio, atque adeo meruisse, ut dignitate quae ad ejus familiam non pertinebat, excideret, ac perduellionis infamiâ notaretur.

^r Все издания дают: Patrus Petersonus.

d. Hujus viri relatio visa et lecta est Thuano, qui ejus meminit ad A. 1606. Post Thuanum Piasecius hanc operam navavit, non tamen certiora proferre potuit, ac Thuanus, qui praedictam relationem commemoravit potius, quam assensu suo excepit. Piasecius de origine Demetrii, verane, an commentita sit, parum constare scribit, ad A. 1604, cum tamen ille et explorare haec melius et exequi rectissime potuisset, si certi aliquid invenire, et posteritati tradere potuisset. Sed id quoque in ambiguo reliquit Michael Gasp. Lunderopius contin. Sleidan lib. 3. ad A. 1606. Ego quantum perspicere posse mihi videor, existimo saltem, non satis recte ac sincere Russos in hac causa officio suo functos esse. Nimis vero simplex credulusque fuit scriptor anonymus belli Polono-Moschici, qui quod vulgo de impostore Demetrio proditum est, ita refert, ut eum ne dubitasse quidem appareat.

8. Per id tempus res Moschorum afflictissimae erant: nam et veterum malorum recordatio dolorem renovabat, et praesentibus remedium adferri non poterat. Vix credibile dictu est, tam tetra facinora ac fraudes admisisse Borisium, et magnorum Ducum longo tempore fundatam domum evertisse, sublatoque Theodoro, cujus opinio maleficii de ipso est, ac oppresso, dubium ejus, an Basilii Suiskii scelere, Demetrio, tot et tantis motibus alimentum dedisse. Postea enim quam caedes Demetrii, quae hortatu Suiskii patrata est, vacuum locum fecerat, Suiskius excitatus est ad spem capessendi Moschorum imperii, quod retinuit usque ad MDCX annum. Cumque hunc proceres loco dimovissent Vladislaum Sigismundi filium è Polonia acciverunt, cui vix sacramento adacti erant, quum appareat, infidam hanc pacem ac lubricum obsequium fuisse, et neque naturam, nec consuetudinem, quae naturâ potentior creditur, Moschos regimini ac moribus Polonicis assuefacere potuisse (e): sive enim Vladislai, quem elegerant, absentia ipsis suspecta erat, sive dominatum, qui animis occurrebat, verebantur, certe peregrinum imperium fastidiebant, et injuriâ se affectos querebantur. Quo circa tandem a Vladislao defecerunt et inclinatis in Michaelem Federowitzium animis, hunc optarunt pariter et anno MDCXII communibus suffragiis successorem nominârunt virum materno genere a Basileide oriundum, et qui tunc plurimum poterat, ac merebatur, ut servator suae gentis diceretur. Nam et praesenti animo accessit ad rempublicam, et autoritate atque consilio XXVIII annis tenuit, et multis laboribus defensam, factionibusque sopitis (f) instauratam filio Alexio Michalowitzio reliquit.

e. Format situs ingenia, et facit, ut contrariis studiis ducantur gentes, nec quidquam tam sit carum his, quod illis non miserum atque acerbum videatur. Id si perspicere libet, uti possumus operâ Reinholdi Heidensteinii, qui lib. 3 hist. rer. Polon. p. 123. ita describit Moschos, ut quam facillime intelligatur, eorum ingenia et mores plurimum abhorreere a Polonicis, et plurima utrisque adversa esse, quae novissime apud animum suum proposuit Andreas

Olsowskii, cum tractaret controversiam *de censura candidatorum sceptri Polonici*, vir inter populares suos apprime eruditus, et rerum civilium scientissimus, ac dicto libello non mediocrem laudem, imo palmam inter omnes qui in istius argumenti curam incubuerunt, adeptus, conf. auctor *Lineamentor. Sarmaticor*, § 23. Quod cum sapientes aestimant, paene diffidunt foederi, quod proxime inter Moschos Polonosque coaluit, praesertim si juvat reminisci superiorum actorum, quanquam quae ratio ejus ineundi, eadem et conservandi existimatur, hoc magis, quod Michalowitzius non est dominandi nunc cupidus, et ejus atque Polonorum versus Turciam est aequalis metus, nisi tamen sublato Turcarum metu, contingat, Podoliam esse novae materiae litis, quod sane quin fieri possit, non negaverim, nec mirabor, si fieret, quandoquidem purpurati, quos Bojaros dicimus, Tzaris sui, qui hodie rerum potitur, ingenio et indulgentia facile abuti ad quaestum possunt; nam is, quod fateri non erubesco, sacris, quam negotiis civilibus intentior, consilia, quae Bojari conducere arbitrantur, non aliena ducit a dignitate sua, nec impedit facile. Sed haec alio pertinent: ego enim non futura sed transacta expendere destinavi.

f. Jam eo loco respublica Moschorum erat, ut brevi occideret, nisi opem tulisset Fedrowitzius, qui bellorum civilium incendia restinxit, et cujusdam, qui alterâ vice se pro Demetrio gerebat, revera autem et citra omnem dubitationem impostor erat, ac novas turbas concitabat, recens conflatae potentiam oppressit, Paulus Piassecius ad A. 1612. Postea se munivit contra externam vim, et quamvis eum saepe fortuna contra Polonos destitueret, tamen ratio salutare hoc consilium subministravit, ut anno 1634 pacem cum Polonia faceret, et Vladislaus omni per superiorem electionem quaesito juri renunciat, tituloque Magni Ducis Moscoviae abstereret, idem ad (d). A. scriptor belli Moscho—Polon. p. 41.

9. Cum his et talibus casibus defuncti essent Moschi, ac ex omnium sententia res confecta videretur, successio Alexii Michalowitzii anno MDCXLV magnum apud omnes pondus habuit, creditumque est, eum et fortunae amplissimae capacem, et fortissimis imperatoribus aequalem fore. Jamque nil ad summi fastigii gloriam deerat, quum ab suis sollicitatus ad capessendum bellum, fecit, ut magnus ex eo toti Moscoviae timor impenderet. Primo Polonos, nec inultus, lacescebat, tum impetum in Suedos effundebat, sed postea magno suo malo expertus est, quam cum strenuo ac ad pugnandum obstinato populo res fuisset. Verumenimvero cum tandem hostes aequâ satisfactione placavisset, domi periculum adiit, nec unquam major calamitas fuit, quam cum auctore Stephano Râzino turbae motusque existerent (g): nam iis non modo Moscovia metu perculsa, sed etiam tota Europa expectatione futuri eventus aliquandiu suspensa fuit.

g. Non hic morabitur ordinem nostrum tumultus, qui anno 1648 ortus et exitio aulicorum Plesseow et Tychonowitz, terminatus est.

Mirum tamen videri potest, quid sit, quod cum gens ista praeter ingenitam erga Tzares suos venerationem, servituti assueta sit, tam subito ad seditionem concitandam impelli possit, nisi cognitum esset, ingenia ejus populi esse mutabilia, et quanquam fraeno dominatus retinentur, tamen cum nimis injuriis affecta, ad desperationem adiguntur, in desperatione *fieri saeviora*, quod scite tradit et profundi ingenii argumento persequitur Gabriel Zinanus in Heraclidean, carmine Italico erudito et pertinente ad civilem usum.

10. Proximum est, ut a quibus initiis omnia profecta sint, exponam, et qua ex causa et quibus viribus tantam rebellium multitudinem coegerit Rätzinus, tradam. Accepi gente Cosacum (h) fuisse, Moschis neque odio, nec injuriâ cognitum, sed fidum factorumque conscientia innocentem, quoad Dolgoruka imperium militare mitigabat. Simulatque autem hic severius statuebat in Cosacos, et missionem petentes contra voluntatem retinere studebat, invito eo evaserunt: quod cum indigne ferret Dolgoruka, magno numero milites misit, qui dilapsos revocarent; ipse exempli causa de praefecto, qui Ratzini frater erat, supplicium sumit. Id vero crudelitatem interpretatus est Rätzinus atque ab eo tempore mutavit animum et pristinam fidem, nilque prius in votis habuit, quam ut ulciscendo demeret sibi ignominiam, et longe plurimos impelleret ad cogitati sceleris societatem.

h. Cosaci unde nomen habeant, scrutari supervacuum est, quia P. Piasecius, cujus studium in hac parte aspernari non possumus, exposuit, ac me fere in eam sententiam adduxit, ut credam, illo capram denotari, forsân quod mobilitate suâ et scanditis nisu haec animalia imitentur, Chron. p. 45. Reinholdus Heidenstein existimat, hoc vocabulo significari latronem, et ab origine Persica, sive Turcica repetit, rer Polon. hist. lib. XI. Ego satis habeo annotasse, a me intelligi Cosacos circa Tanaim habitantes, qui nostrâ loquendi consuetudine Donici appellantur, a fluvio, prope quem colunt, nomên sortiti. Genus hominum est instabile, et naturâ suâ quietis impatiens, ac praedandi cupidum; Magno Russorum imperatori non coacti, sed sponte parent, multis insuper immunitatibus donati, praefectum habent, quem ipsi eligunt, mutati nuper, quum duce Ratzino rebellandi facultas data esset, postea vero, quam iste victus est, ad obsequium revocati. Quod de Cosacis, qui in ditone regni Polonici hactenus fuerunt, perinde optamus, ut pristina civium officia et constantem parendi voluntatem erga Polonos rursus declarent, et misso Turcarum clientelari dominatu in amicitiam redeant atque imperium Polonicae gentis. Nam quod Piasecius tradit, Cosacos, quatenus sub jure et jurisdictione Polonorum consideratos, proprio et separato reipublicae statu non contineri, res per se ipsa loquitur, id hodieque ad Donicos, et Moschorum imperio obnoxios revera pertinere, et quod adeo de his cognitum est, perinde optandum esse de iis, qui hactenus in regni Polonici ditone fuerunt. Postquam enim auspicio regis Stephani ad belli artes eruditi, stipendia mereri

coeperunt, jus sane et honor et dignitas Polonorum postulant, ut ipsos a se atque a republica abalienatos, et A. 1648 ad seditionem concitatos ad officium reducant, et a motu inde Chmielnicii turbatas res corrigant, eo magis, quod intelligant, nil Turcis neque esse jucundius, neque carius, quam ut clientelare ejus gentis imperium, quod auctore Doroszenko consequutos se ajunt, retineant, et Polonis de Provincia, quae ipsis Ukraina dicitur, decedere compulsis, potentiâ semdem non Polonis magis, quam Moschis et toti orbi Christiano formidabilem ibi constituant. Sed vero de Cosacicis turbis, in quantum Poloniam attinent, vid. Joachim. Pastorius in bello Scytho-Cosac, item commentarius rerum per tempus rebellionis Russicae gestarum anno 1653 Regiomonti editus; Adolph. Brachelius hist. lib. 7 ad A. 1648; novissime scriptor Cosacicae rebellion. Germanice evulgatus. Donicorum, qui non modo aequo et pari jure cum Moschis vivunt, sed etiam multis, ut dixi, privilegiis aucti sunt, motus annò 1665 occasionem, anno autem 1667 initium habuit, de quo proxime aliquid Germanice emissum est, et scio de eo commemoratum esse in Theatro atque Diario Europeo.

11. Nec fallebat ea expectatio Rätzinum, virum obscuro quidem loco natum, sed calliditate egregium, et ad quodvis facinus audacem, praeterea crudelem, et vel solo adspectu trucem, corpore item firmo, ac armorum usu atque aetate robustum valentemque (1), ut Cosaci dignum judicarent cui praefecturam belli committerent, rati hunc ejus causae, quae jus atque libertatem suam complecteretur, et ad privatum Rätzini quoque luctum pertineret, obstinatum vindicem futurum. Non recusabat iste, et consilio pariter ad vindictam et spem dominatus utebatur: per idem tempus enim, quo summam ostendebat voluntatem ulciscendi Dolgorukam, hoc miserum quoque ac acerbum usu veniebat Moschis, quod Cosaci, privilegio de retinendis transfugis obtentui sumpto, omnibus facinorosis perditisque hominibus, de quorum infamia judicium apud Russos institutum fuerat, ad se veniendi et impune manendi potestatem facerent. Quibus rebus tantus flagitiosorum hominum concursus est factus, ut non sponte ad Rätzinum profecti, sed spe impunitatis ad eum accersiti viderentur, et quanto quisque esset improbius, tanto promptius se adjungeret ad seditiosum Ducem.

i. Robustum id genus esse hominum multa confirmant, et facit apertissimum hoc Rätzini exemplum, quanquam iis non concedunt Valachi, ut documento est Johannes Podkova, vir obscurus ortu, sed iis viribus atque corporis firmitate praeditus, ut ferreas equorum soleas fregisse tradat Reinh. Heidenstein rer. Pol. lib. 2, p. 119. Id Turcis indicium est generosae stirpis, venitque hic in mentem recordari Friderici III. septemviri Saxonici, qui cum Palaestinam obiisset, ex ejus manuum soliditate judicavit Sultanus, illustri genere natum fuisse, apud El. Reusner, in stemmate Witikindi, p. 43. Est quoque id saepe signum virorum fortium et plenorum animi, ut de Philippo Magnanimo Hassiae Comite provinciali perspectum

habeo: de cujus robore et firmitate laterum, quam in Haynensi Coenobio declaravit, traditur in chron. Hassico. Apud barbaros nota est audaciae atque crudelitatis, quae in Rätzino cum impietate conjuncta fuit, ut partim saevitia in religiosos, partim violatione templorum, partim contemptu sacrorum testatum fecit, religionem vel Mahumetanam, vel nullam professus.

12. Dum haec fiebant, et sine jure, sine legibus, sine judiciis, ac sine fide apud Cosacos omnia agebantur, nondum conquievit Ratzinus, homo sive naturâ, sive more suae gentis ferox, et animos jam tum licentiâ deteriores factos multo vehementius commovit, cum injuriam supremo Moschorum sacerdoti illatam exaggeraret, non quod sentiret recte de sacris, et pietatis exemplum daret, sed quo speciosum destinatis titulum praeferret, et in vindicanda republica, quasi jam afflicta et paene oppressa, omne suum studium positum esse ostenderet. Sub id tempus erat summo inter sacerdotes loco Nikon (k) autoritate et prudentia, quantam Moschorum ingenia capiunt, egregius, atque ad omnia quae agenda erant, animo et consilio paratus, ac magno Duci ita carus, ut nemo facile existimaret, eum in discrimen dignitatis venturum esse: sed quum in id tempus incidisset, quo contra criminationes cauto esse non licebat, nomen ejus de flagitiis quibusdam delatum est, atque his rebus factum ut mox de dignitatis fortunarumque amissione periclitaretur, et tandem loco moveretur. Illud vero Rätzino dominatum molienti commodum evenit, quod eâ judicii severitate magnus dux animos plebis a se avertisset, et minime fidelis consilii auctores secutus fuisset. Nam qui rem eo perduxerant, ut commutaretur fortuna Patriarchae, omnes inimici ejus fuerant, et nil prius in votis habuerant, quam ut dignitate suâ privaretur, cum prorsus ferre non possent, ut ejus apud imperatorem praecipua ac summa autoritas esset. Propterea ne quid inique fecisse viderentur, omnem rem exposuerunt Antiocheno et Alexandrino Patriarchis, atque eos in cognoscenda hac causa sive socios, sive adiutores esse voluerunt. Venerunt acciti Moscuam, et mercede conducti ac beneficiis ornati sententiam dixerunt, et quanquam dubitare possis, an senserint, quod statuerunt, tamen cognitum est, valuisse potentiam inimicorum, nec profecisse consilio, neque rationibus Nikonem.

k. Iste Patriarcha non modo habebat sanctimoniae opinionem, sed etiam operam atque auctoritatem suam ad amplificationem boni publici et patrocinium populi conferebat; id vero in malam partem acceperunt Bojari, ac in eo omne studium posuerunt, ut Nikon ex sua sede et statu dimoveretur, quod facile consecuti sunt iniquis delationibus et Tzarem in suam sententiam adduxerunt. Id vero laetum Ratzino accidit, metuenti fortunam, et quaerenti accessionem virum societate eorum, qui injuriam istam Patriarchae illatam aversabantur, et hac spe ultionis oblata, non censebant ignoscendum esse Bojaris, qui privata odia in reipublicae exitium verterent, atque audendo tam potentes essent, ut neque jus, nec innocentiam Pat-

riarchae respicerent. Eo spectat, quod reperi in commentariis manuscriptis Viri cujusdam non indocti, nec indiligentis: «*Sciebat, inquit, Rätzinus vindictam injuriae in patriarcham admissae, et fictam ejus restitutionem populo gratissimam fore, quod praeter meritum et praegravante Bojarorum invidiâ de gradu suae dignitatis defectus esset. Quamobrem in Volga amne navem habuit, qua pictâ Patriarchae-quasi praesentis imagine, credi volebat Patriarcham vehi, qui tamen monasterio inclusus procul erat, nec iste rumor Patriarchae nisi ad arctiorem custodiam proficiebat*». Nempe, ut ex eventu fides est, simplicem et omnis prudentiae rudem Patriarcham optabant, et dimoto Nikone obtinebant, surrogato in ejus locum Josepho, viro non equidem malo, sed simplici et parum intelligente. Habebant tamen Bojari, quod in Nikone reprehenderent, partim quod civili administrationi se nimis immiscuisset, partim quod quaedam perperam in religionem Graecam invehere conatus fuisset: nam de ambitione, quam arguebant, et id genus aliis, nunc pluribus monere non vacat: tantum addo, annum, quo talis invidia Patriarcham depressit, fuisse, MDCLXVI.

13. Ad haec spem fiduciamque Rätzino addidit, quod fato, an forte, nova Tzar invidiâ oneraretur. Fuit ei filius cognomento Alexei Alexeides, septendecim annorum adolescens, idemque singulari comitate, quae virtus quanto gratior est in vulgus, tanto majorem ei amorem conciliabat. Quem cum verum ac legitimum successorem destinasset pater, et publice anno MDCLXVII conspiciendum exhibuisset, festae omnium gratulationes plaususque audiebantur: verum breve hoc gaudium fuit et sicut patri justum dolorem attulit, ita Rätzino atque conjuratis opportune animos fecit, ut qui pro vero affirmarent, nondum decessisse Tzaris filium, sed effugisse insidias in caput ejus comparatas, et salvum apud se atque incolumem esse. Inde rumor spargebatur, Bojaros, erga quos implacabile odium erat, omnem potestatem ad se trahere conatos, necem Tzarrevvitzii (ita Imperatoris filium appellant) animo agitasse, atque more suo et quia per fraudem jus esse putent, rempublicam conturbasse: quod pati non possint, nisi socordiâ torpescant, et Imperii plane obliviscantur. Itaque Rätzinus de salute omnium agi praefatus, tutelam atque patrocinium praestitutum se recipit, et Catilinam imitatus, vindictae avidos recusantesque obedire Bojaris cohortatur, venirent ad se vindicaturi tantum nefas, ut qui scirent, hanc esse viam ad emendandum corruptissimi imperii statum, ac restituendum verum ejus haeredem.

1. Ex sermonibus hominum minime levium cognovi, Rätzinum clam, et ne agnosceretur, mutato habitu intrasse Moscuam, et hinc misisse nuntios, qui explorarent Russorum animos, et praetextu recuperandae libertatis, atque profligandi Bojarorum dominatus, ad moliendum res novas sollicitarent. Libet hic suis quaeque temporibus reddere, et quomodo haec omnia inter se cohaerent, ipso opere conjungere. A. MDCLXVI Bojari iniquo in Nikonem animo fuerunt et ut dignitatem honoremque amitteret effecerunt. Inde anno

MDCLXVII Stephanus Ratzinus praeparatos rebellioni animos commovit et tyrannidis viam ingressurus, odium tyrannidis flagitiosissimo conatui suo obtendit, ratus occasione, dum affulgeret, utendum esse. A. MDCLXX, XVII Januar. Tzaris filius, quem A. MDCLXVII pater successorem declaraverat, vivis exemptus est, quod Ratzinus Bojaris crimini dedit, et ut omnia ipsorum facta in invidiam vocaret, mortis hujus causam nequissime iis imputavit, speciose locutus, ne pessime facere videretur, cum ulciscendi Alexeidis animum prae se ferret, atque ad se invitaret alliceretque, pessimum quemque, et de industria aggregaret sibi similes, quo eos de republica tolleret, quibus salvis non posset consequi dominatum.

14—15. Nec conatu hoc destitit Rätzinus, sed dominatum, quem ab injuriâ inceperat, maleficio munire studuit, atque eo consilio magnis itineribus ad Volgam fluvium, veteribus Rha dictum, cum conjuratis suis contendit. Primum Tyranni facinus A. MDCLXVII fuit direptio navium, quae variis mercibus onustae secundo amne devehebantur; quâ praedâ audacior factus, urbem Jayk oppugnavit, atque auxilio destitutum facile ad deditionem compulsi; inde rebus ad longiorem perfectionem comparatis, exercitum transduxit usque ad mare Caspium, et per vim omnia tentavit, mox regressus, ad Volgam rediit, et quo fortunas Russorum belli more consumeret, oppida et vicos, praesertim quibus ex piscatu utilitas est, exussit. Mox veluti furore impulsus, ad extremos Russici imperii fines processit, oppidum Terki Persiae finitimum occupaturus, ut intelligi eo exemplo posset, Razinum pertinaci animo Tzaris gratiam repudiasse, neque uni provinciæ, sed omnibus Russiae ditionibus bellum intulisse. Haud dubie enim constitutum habebat, nil usquam relinquere, quod sibi, praesertim a tergo, nocere, et quoquomodo esse impedimento posset; id cogitanti, et dominatum ad extremas Russiae oras proferre cupienti, praeter spem accidit, quod oppidum Terki cursum victoriarum ipsius moraretur, ac se contra vim atque injuriam animose et fortiter defenderet. Igitur irâ incensus ex eo loco deduxit exercitum, prius autem, quam id faceret, circumjecta oppida et vicos vastavit, plerosque etiam Persas, qui ultimas Russorum regiones accolunt, per fidem asportandarum mercium et convehendae annonae circumventos, nullâ injuriâ acceptâ, oppressit. Eâ caede patrata, ad agrum Mediae proximum pervenit, et nemine prohibente vastandi saeviendique potestatem militibus fecit, usque dum Russi et Persae contractis, undecunque poterant, auxiliis, in ejus conspectum venirent, praelium commissuri, si fortunæ se permittere, ac vim sustinere voluisset. Sed quae barbari erat calliditas, pro tempore et pro re consilium capiebat, atque se opportune recipiebat, occupatis maris Caspii insulis, quo copias in tuto collocaret, ac praecaveret, ne quid accideret triste sibi, atque viribus suis diffisus, admissorum veniam à Tzare petiit, et postquam fidem obsequii jurejurando astrinxerat, impunitatem assecutus, postea illecebram atque inci-

tamentum majoris audaciae habuit, et pluribus vitiis ac sceleribus se contaminavit, quod fictae atque simulatae emendationis indicium Tzari, qui opinione celerius publici criminis gratiam fecerat, justas poenitendi post causas dedit. Nam cum ea, quae volebat, impetrasset Ratzinus, Astrachanum se contulit; ibi, ut militaris officii peritus erat, censu habito, militibus longo itinere languentibus tempus ad curanda corpora concessit, et quia perspexerat, crudelitate ab se alienatos esse plurimorum animos, liberalitate, quam barbari quoque adamant, mutare studuit, et trahere in suas partes. Quocirca nummos in vulgus sparsit, ratus, ex usu suo id fore, quatenus Tzari invidiam faceret, et his rebus intestina dissidia fovendo, milites praesidiarios Tzaris contra Praefectos suos concitaret.

* Cum supra Stephanum Ratzinum Russiae Catilinam diximus, tum in Germania prope simile aliquid reperimus, ut documento est Guilielmus Grumbachius, qui superiori seculo tantos sibi spiritus atque tantam arrogantiam sumsit, ut non modo Saxoniae, sed etiam toti Germaniae periculum crearet, jamque palam imperatoris et imperii reverentiam exueret, exitium patriae veluti Catilina, moliturus, nisi jussu Caesaris, ductuque Augusti et consensu Johannis Guilielmi, piorum atque constantium Principum captus, meritas poenas dedisset. Eo vid. historica descriptio susceptae a Caesarea majestate executionis et necessaria ac vera responsio, anno 1567 et 1568 editae, quarum illa quoque extat apud Simonem Scharidium Tom 4, p. 34 seqq.

16. Cum horum et talium malorum causa fuisset, reversus ad Tanaim, ita exarsit, ut sibi non temperaret, quin saeviret in honestos innocentesque homines, ac templa, et quaecunque Deo data dicataque fuerant, diriperet ac violaret, praeterea sacerdotes e possessionibus suis ejiceret, et nil tam tetrum esset ac terribile, quod non putaret licere suae crudelitati, cui nec integerrimus quisque subductus est, nec melior causa sacerdotum fuit, reliqui aut poenis, aut morte multati sunt, si tyranni imperata facere recusassent.

17. Tandem refecto exercitu, hanc Tzaris sui clementiae ac mansuetudini gratiam retulit, ut magno impetu eum oppugnaret, et collecta manu loca ad Volgam sita invaderet; cum vero copiae ad resistendum comparatae appropinquassent, summâ celeritate urbem Zarizam adortus, dolo occupavit, et disjectis, quae contra eum missae erant, cohortibus, tribunum et plerosque captivos immani supplicio affecit. Ita nemine contra consistere auso, exercitum ad alias urbes admovit, et expugnata Tzornojara, praefectum atque multos milites ad custodiendum oppidum relictos crudelissime interfecit, rebusque ex sententia firmatis non vanam potiundi Astrachani spem animo concepit. Ea urbs quondam apud Tataros caput rerum, ac sedes atque domicilium Scythicae potentiae fuit, cujus praefectus, cum milites pecunia corruptos in officio continere non posset, hunc annum deditione urbis foedum fecit, et quanquam strenue pugnando honeste occumbere potuisset, tamen conspiratione praesidiariorum

militum territus, venit in potestatem Razini, qui sacris operantem comprehendit, ac de eo, non tanquam de hoste, sed tanquam de infami homine statuit, ut ex turris fastigio praecipitaretur.* Nec id saevitiae explendae satis erat, sed duos quoque ejus filios, veluti scelestos homines, mulctavit, et nulla neque aetatis, neque dignitatis ratione habita, mandavit, ut in omnium conspectu uterque a terra abrepti, ex pedibus suspenderentur; ne tamen eo poenae genere perirent, alterum exquisitissimo supplicio excruciatum necavit, alterum fustibus immanissime verberavit, ut quasi exanimatus jaceret, et vix vivus Metropolitae traderetur.

18. Sed ita fortuna perfidi hominis ingenium corrumpit, ut se durum atque inexorabilem praeberet, et egestis ex Astrachanensi urbe thesauris, ac direptis mercatorum civiumque fortunis, majori animo bellum capesseret. Nam et tunc commeatus ipsi abunde suppetebat, et magna multitudo militum, quos nec timidos, neque ignavos collegerat, fiduciam faciebat; disciplina autem adeo in castris ejus obsoleverat, ut milites neque caedibus, nec stupris abstinerent, et omnia libidine atque audaciâ polluentes, foedis initiis multo foedissimum exitum significarent.

19. Nec cunctatus est Razinus, ut qui rebus suis festinatione consultum cuperet, et omni ope atque consilio niteretur, ut potentiam suam quam latissime propagaret. Itaque maturavit expeditionem et Zarizam reversus, primum duo navigia comparavit, et multa de se atque innocentia Tzarici haereditis, et bona causa Patriarchae locutus, hunc, sicuti antea commemoravi, dolum adhibuit, ut persuaderet, eos ab se in fidem acceptos, ac navibus, quas omnes viderent, impositos, atque contra Bojarorum injurias defensos vehi. Quibus rebus socios adjuutoresque suos confirmavit, quo in eadem erga se voluntate permanerent; ceteros ad tale quid conjunctis animis audendum incitavit, obtestatus, ne signa relinquerent, qui signa sua secuti essent.

* Cum scenam hanc adornaret ductor perduellium Rätzinus, alteri navi rubrum aplustre habenti Tzaris, quem comminiscebatur, filium, alteri, quam nigrum sericum distinguebat, Patriarcham, qui fingebatur imposuit; ille rubro holoserico splendens originem duxit ex familia Petigorski Cyrcassorum Principum, quem injusto bello oppressum captumque, et omni potestate atque dignitate exutum, impio simulacro adhibuit: de Nikone non est, ut quid addamus.

20. Hoc vero demum futuri motus maxime terribilis classicum erat, rebus quippe jam in eum locum deductis, ut tumultus, cujus componendi ratio non apparebat, vel Tzaris, vel Razini exitio terminaretur. Qua conditione cum esset Rätzinus, ita nil honestum sperabat, ut quoque nil turpe desperaret, neque jure, sed impetu fretus, causam, quam minime honestam tuebatur, artibus nihilo

* Nomen Knes Ivan Simonowitz Prosorowski.

melioribus perficiendam sibi esse duceret. Itaque Tzeremissorum Morduinorumque Tartarorum regiones longe atque late pervagatus, magnam turbam sibi adjunxit, ac terras gentesque nomini suo obnoxias reddidit. Sub hoc tempus afflicta Tzaricarum copiarum fortuna fuit, alii enim caesi, alii dilapsi sunt; nonnulli in castra perduellium transierunt. Perditis prope rebus in tempore adfuit Dux Baraetinsky, qui dissipatis conjuratorum cohortibus, ita repressit Razinum, ut ex acie saucius efferretur, nec multo post ob irritam urbis Symbirsky oppugnationem valde perturbaretur, cujus defensionem susceperat Johannes Bogdanowitz, vir strenuus, et nulla conditione adduci se passus ad dedendam urbem. Quod discrimen cum adisset Razinus, paulo recedens, spatium suis colligendi dedit, et quia de summâ rerum agebatur, eo laboravit, ut, quod instructâ acie consequi non poterat, per offensiones civium atque dissidia intestina effectum daret, et postquam ubique solitudinem fecerat, ad Imperium Tzaricum, cui inhiabat, callide aditum communiret.

21. Dum haec cum multa sollicitudine tyrannus cogitabat, hinc inde dimisit conductos exploratores, qui quae agerentur Moscuae, renunciarent, praeterea delegit perditissimos homines, qui ignoti terras Russicas obirent, tectis ignem, ubi possent, injecturi, cum ut inopiâ omnium rerum Tzarem in extremum periculum adduceret, tum ut hoc novae seditionis alimentum esset. Nusquam tunc magis, quam Moscuae, trepidatum est, praecipue aula gravis metus causas habuit, ut quae tot damna data, et excitatos passim motus secretâ aestimatione pensaret. Vix profecto credet posteritas, unum hominem tam exiguo tempore tot provincias occupasse, totque regiones vastasse, ut ducentorum atque sexaginta milliarium Germanicorum spatio omnia conturbarentur.

* Earum regionum populator Ratzinus caedibus, incendiis, rapinis, crudelitate, suppliciis omnia foedavit. In commentariis rerum Russicarum reperi oppida Saratoffiam, Samaroffiam, Alatriam, Arsamas, pluresque alias, vicos item ad Volgam situs, quorum nomina referre non attinet.

22. Cum iste rerum status esset, vocabantur in discrimen fortunae, vita, conjuges, liberi omnium, existimatio inprimis Procerum atque Tzaris honor; nam hoc ultimi discriminis tempus adventabat, ac documenta instabilis fortunae Tzari, et summa miscentis Razino praebebat. Vulgi studia Moscuae quoque diversa erant, pars discurre et tumultu laetari, pars incusso metu, prospicere impendens periculum et simul aversari coeperant; nonnulli oppressos se putabant, priusquam Razini tyrannide opprimerentur, magno sane calamitatis sensu, qui eo major erat, quod rescivissent, seditionis socios cum facibus in tecta urbis immissos, jam tum impotenti ira ac ulciscendi libidine aliquot incendia excitasse. Ipse pro comperto habeo, quam parum omnes ab exitio abfuerint, ii maxime, qui Tzaris consilia regebant, quippe in quos omnium factorum invidiam contulit Rätzinus, et plerosque dedi sibi postulavit, perituros una

clade omnes, nisi eos virtus Dolgoruckae, quem ante alios ad caedem deposcebat, expedisisset.

23. Quamobrem haec ratio disciplinae et legum firmandarum, inventa est, quae severitate poenarum continetur, et ad hujus gentis, quae lenitate atque indulgentiâ fere pejor sit, emendationem inprimis pertinebat. Mox accitae sunt copiae, et praesidium majori numero impositum, ne civitas Razino praeda fieret, neu annunciato ejus adventu, indefensa relinqueretur, ac metu perculsa, venienti portas aperiret, et viam aditumque muniret.

24. Quae consilia bene ac feliciter Imperatori atque purpuratis evenerunt, sive terrore conscientiâ sceleris Razino, sive ut securos opportune atque utilitatis suae causa falleret: nam haud multo post certis conditionibus cum Tzare agere instituit, sed sero nimis, et postquam omnem gratiam consumpserat, ut vel postulata ejus, qui summam rerum ad se transferre coepisset, audire ingratum, expendere intutum, admittere exitiosum videretur.

25. Itaque copiis cum summo imperio praepositus est Dolgoruka, ut res turbatas componeret, et praelio cum Rätzino decertaret; si vinceret, laudem habiturum, sin vinceretur, sanguine suo his turbis, quarum invidia in ipsum conferebatur, parentaturum esse. Nec cessabat Dolgorucka, Russorum dux, et fortitudine prudentiaque suâ fretus, omnia, quae necessaria sibi forent, tempestive circumspiciebat, atque totis viribus seditiosis obviam profectus, in itinere quindecim milia, quibus Rätzinus imparem ductorem reliquerat, feliciter profligabat. Cum enim Razini rationes postularent, ut vires atque opem conjungeret, et praecaveret, ne dissidiarum causae essent, graviter errabat, quod, dum periculum moram non ferret, praesentiâ suâ socios destituisset, atque amissa rei melius gerendae occasione voti sui non factus esset compos, tum quod ejus legiones inter se discordantes sine disciplina vagarentur, tum quod Cosacorum excita sedibus suis turba, cum ducem desideraret, haud arduo labore dissipari posset.

* Pleno nomine atque titulo Knes Jürg Alexeiwitz Dolgorucka, qui postquam auspiciatissimis initiis vim conjuratorum sustinuit, castris apud oppidum Arsamas positus, eo totus incubuit, ut primo quoque tempore factio Razini opprimeretur; nec eo secius communem Russiae causam adjuvit, qui militaris Dolgoruckae imperii socius erat, Russi Occlonizam vocant, qui diversis congressibus, fortitudinem suam demonstravit, et conjuratos fudit, et providit, ne exercitus resque publica caperent detrimentum. Ita ex commentariis actorum Russicorum didici.

26. Caeterum summa belli Russici duobus praeliis permissa est: alterum cum summâ laude Cermanorum initum est apud oppidum Morasky, in quo Russi equidem terga vertere necesse habuissent, atque jam tum paulatim ex pugnae loco recedebant, nisi ipsis Germani equites subsidio venissent, et in confertissimam rebellium partem irruptione facta, ordinibusque eorum disturbatis, in fugam aver-

tissent: occisorum numerus ingens fuit, et captivi quoque omnes trucidati; alterum prope oppidum Lysko commissum est, in quo omne robur rebellium cecidit, et non tam exercitus, quam incondita turba pugnavit, hoc uno formidabilis, quod saluti suae desperâset. Praeterquam enim quod horribilis edita est strages, ii quoque, qui vivi in potestatem victoris pervenerant, ad atrocissima supplicia reservati, perduellionis poenas dederunt: alii in crucem acti, alii telis confixi, multi immisso in femora harpagone, foedissime perierunt; demum in nullos gravius consultum est, quam in Cosacos Morduinos, nisi quod et mulier quaedam igni cremata est, quod sacrum ordinem, in quem ascripta fuerat, habitu atque instituto militari mutavisset. Reliquos, quos fuga abstulit, in suo quemque loco deprehensum, crudelissima morte mactavit, aut si in solitudines discessissent, fame necavit.

27. Cum talem exitum rebelles sortiti essent, caput ipsorum Razinus in angustias et loca deserta compulsus est, quem ductor manipulorum Cornelius Jacoloff blandis verbis compellatum adduxit, ut quia exhaustam belli molem videret, Tzari supplicaturus secum iret, et causam ipse suam diceret, atque de injuriis, quas sibi allatas querebatur, referret. Obsequitur monenti Razinus, diffidens quidem sibi atque rebus suis desperans, sed quod initio comiter et proxime libertatem haberetur, effectum est industriâ Cornelii, ut valido milite stipatus, revera enim custodia erat, Moscuam Ruthenorum deduceretur.

28. Nondum urbem attigerat, cum bis mille apparitores ad eum arctius tenendum emissi sunt: ii comprehensum, et ductis circa colulum pedesque catenis, patibulo e curru prominenti imposuerunt; post eum vinctus constrictusque frater Frolko incedebat, ejusdem criminis reus, et ideo in vinculis habitus, ut pari poenâ afficeretur. Ambo cum perducti essent Moscuam, Razinus quaestioni subjectus, ita constanter vim tormentorum pertulit, ut licet multis indiciis testimoniisque convictus esset, tamen suâ confessione neque patefactus dici, neque damnatus videri posset. Cum vero longum esset cognoscere de crimine satis comperto, ex re imperii visum est, festinato supplicio praecidere occasionem populo initia causasque rimandi, ne aulae invidia fieret, aut novum Tzari periculum acceretur. Quapropter ad locum supplicii cum fratre ductus, audita capitali sententia, adeo non in melius mutari potuit, ut quoque in contumacia perseveraverit, neque temere creditum fuerit, eum prorsus sui oblitum, non de expiandis noxis, neque instanti commutatione, sed tantum de praesenti ignominia cogitasse.

29. Nam carnifici traditus, nil dedit comparando ad mortem animo, sed gestibus iram odiumque praeferentibus testatus est, malle se everti Russiam exitio alieno, quam liberari suo. Poenam luit palam, et quo majori conficeretur cruciati, primo manus, deinde pedes amputati sunt, quos ictus sic excepit, ut ne gemitu quidem doloris indicium ostenderet, atque tam praefractae mentis esset, ut

neque de contumacia remittere vellet, neque timeret tristio-rem casum, vultu quoque ac voce sui similis, cum mutilatis brachiis cruribusque fratrem superstitem atque in catenis ductum intuens, cum fremitu exclamaret: *contine linguam canis*.^{*} Nam quae invicta tyranni rabies erat, cum armis non posset, silentio ulcisci mortem suam statuit, neque tormentis cogi potuit, ut impias artes atque secreta patrii sceleris aperiret. Quae causa erat, quod in ipso mortis articulo cum fratre exostularet, et convitium ipsi faceret, ratus, triste sibi et fratri erubescendum esse, quod quum socius adjutorque sibi hactenus in omnibus rebus fuisset, nunc mortem contemnere non posset: quia enim petebat alloquendi Tzaris sibi dari facultatem, hoc sic a barbaro acceptum est, quasi res atque acta sua, quae reticere volebat, supplicii metu enunciare statuisset. Sed cujusmodi ea fuerint, quae a loco supplicii abductus, Tzari dixit, non liquido constat, et mihi sufficit, Ratzino molestum atque grave fuisse, quod, quae fuerit mens sua ac voluntas, fratrem indicaturum esse non sine causa, nec falso suspicaretur. Ejus post confessione ita Tzaris flexus est animus, ut illo tempore vitae parceret, contentus, eum custodia asservasse, qui esset meritis, ut quemadmodum emendatione animi, ita poenâ apud posteros a Razino fratre distingueretur.

30. Post haec Ratzinus adversus tormenta et ipsam necessitatem contumax, ad supplicium abstractus est, caput manus pedesque acuminatis palis infixi sunt, reliquus truncus canibus objectus, ac foedè laceratus consumptusque, cum ignominiae ejus, tum exempli aliorum causa, foedum spectaculum praebuit,^{**} nec meliorem exitum habere debuit, qui desertor sui Imperatoris, et Patriae hostis Proditorque fuit.

* Russica lingua: Multschi sabaacka. Eadem et tesserae militares conceptae sunt Notschay, id est, inopinato, in pugna apud Morasky, et Hoydà podiom (agite aggrediamur) in certamine prope Lysko.

** A. MDCLXXI, VI Jun.

**СТЕНКО РАЗИН ДОНСКИ КОЗАК ИЗМЕННИК, Т. Е. СТЕПАН
РАЗИН, ДОНСКОЙ КАЗАК ИЗМЕННИК. ПРЕДСТАВЛЕНО
НА ПУБЛИЧНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬ-
СТВОМ КОНРАДА САМУЭЛЯ ШУРЦФЛЕЙША, ВЫСТУПИЛ
ИОГАНН ЮСТУС МАРЦИЙ ИЗ МЮЛЬГАУЗЕНА В ТЮРИНГИИ
29 ИЮЛЯ 1674 г.**

Великолепным, знатнейшим, осмрительнейшим, высочайшим, благоразумнейшим мужам, прославленным своим влиянием, заслугами и достоинством, всем управителям и сенаторам вольного имперского города Мюльгаузена, отцам отечества, выдающимся добродетелью, редчайшими почестями и всяческой хвалой, высочайшим своим господам и благодетелям желает посвятить это сочинение всепокорнейший, ничтожный, смиреннейший слуга Иоганн Юстус Марций.

1. Шесть лет прошло с той поры, как я проделал путь в Россию^а и сам видел то, о чем другие знают только по слухам. Я сам был зритель тех волнений, которые удивляли всю Европу; многие события я наблюдал прямо на месте. Тогда-то в поле моего зрения и явился зачинщик бунта Степан Разин: его дерзость и отвага навели меня на мысль рассказать о начале, ходе и конце того мятежа, который не только привел Московию в смятение, но и поставил ее перед крайней опасностью; я решил изложить письменно и то, что я видел собственными глазами, и то, что, находясь рядом, узнал из достоверных источников.

^а К лету 1674 г. со времени приезда Марция в Москву прошло около 6 лет, как об этом свидетельствуют материалы его биографии. Отсюда видно, что *sextus annus ex quo* нужно понимать здесь в смысле *ante hos sex annos*, т. е. не «идет шестой год», а «прошло шесть лет». Такое толкование можно считать оправданным, поскольку в латинском языке выражения типа *sextus annus post quam* могли означать *sex annos post quam* (см. об этом: *Lateinische Syntax und Stilistik von J. B. Hofmann, neubearb. von A. Szantyr. München, 1965, S. 213*).

2. Прежде чем обратиться к моему рассказу, кратко изложу, каков был исторический характер Московии, ее облик, как называли ее, а также какими путями она возросла, какие области приобрела, как освободилась от татар и как в такой необъятности границ сохранилась эта держава, которая при других обстоятельствах легко бы рухнула от собственной своей громадности.

3. Сначала вся эта земля называлась Скифией; затем распространилось и долгое время было весьма употребительно имя Роксоланы. Затем, наконец, племена эти стали называться русскими и московитами. Сломив силы татар, они заняли обширнейшие области Европы и Азии.

а. Из «Географии» Страбона (ср. кн. 7 и кн. 2) можно понять, что они были частью скифского племени и жили по ту сторону Борисфена. Плиний в «Естественной истории» (кн. 4, гл. 12) помещает их поблизости от аланов (они же литовцы) и называет их роксаланы — несколько иначе, чем Страбон, который называет их *Ῥοξολάνοι*⁶. Здесь же следует заметить, что Иордан, в своем сочинении «De rebus Geticis» уделивший Скифии так много внимания, Борисфеном называет Днестр¹ (р. 84). Можно не сомневаться, что их название «мосхи» чрезвычайно древнее, хоть Страбон (кн. 11) и обозначает им некоторые народы Азии, относя к области мосхов частью колхов, частью иберов (не тех, что живут по реке Эбро, а причерноморских), частью же армян; вслед за ним и Помпоний Мела (*De situ orbis*, lib. 3, cap. 5) сообщает, что они живут на берегу Гирканского моря² и, таким образом, вне Европы. Филипп Ключевский (*Germania antiqua*, lib. 1, cap. 4; *Chronicon Cario-Peuceria-num*, lib. 1, p. 23), Г. Горн (*Historia imperiorum*, p. 123³) производят этих мосхов от Месеха или Мосоха. Таким образом, необходимо помнить, что когда-то как скифы, так и мосхи разделялись на европейских и азиатских.

Переходя к средневековым писателям, обнаруживаем, что область европейских мосхов, которая вообще именуется Россией, неизвестно почему называется также и Грецией (см.: Адам Брем *Historia ecclesiastica*, lib. 2, cap. 12 и *De situ Daniae*, p. 139). Может быть, это оттого, что они придерживаются греческого обряда и вели друг с другом оживленную торговлю (Генрих Бангерт, прим. к Гельмольду, lib. 1, p. 3⁴). Однако многие различают русских и греков, например Лиутпранд (lib. 5, cap. 6⁵),

⁶ Автор хочет привлечь внимание к тому, что Страбон дает название «роксоланы»; между тем у Плиния говорится о «роксаланах» (рок-аланы), что вполне естественно, если представлять их живущими в соседстве с аланами.

² Более полное название этого сочинения Горна: *Arca Noae, sive Historia Imperiorum et Regnorum. . . Lugduni Batavorum et Rotodami, 1666.*

³ Имеются в виду примечания Бангерта (середина XVII в.) к известному сочинению Гельмольда «*Chronicon Slavorum et Venedorum*».

⁴ Здесь и чуть ниже Марций цитирует места из сочинения Лиутпранда, которое в антверпенском издании 1640 г. носит название: *Luitprandi Tici-*

Сигеберт,^о под 936 годом. Первый прямо называет их северянами (aquilonares) и относит к общей категории норманнов (ср.: Л и у т р а н д, lib. 1, сар. 13; Кристоф Б е з о л ь д. Historia imperii orientalis, p. 101; Р е й н е к ц и й. Примечания к анонимному поэту, lib. 2, p. 21^н). Не вполне ясно, по какой причине их стали называть русскими. Сочинительством занимаются те, кто производит это слово от имени некоего далматинского князя Русса (среди многих других Г. Горн: Orbis politicus, part. I, сар. 3).³ Барон Сигизмунд фон Герберштейн возводит это название к старинному городу Руссе (Russia),^н но я не стану безоговорочно одобрять это, поскольку очевидно, что русские хроники не дают определенности на этот счет и что россами их называли еще до того, как они пришли в Европу (см.: Самюэль Б о ш а р. Phaleg, lib. 3, сар. 13); Гельмольд (Chronicon Slavorum) называет их «рузами» (Ruzi), а греческий писатель Иоанн Цеца^н дает им название «рос» (Rhos), а по их первичной азиатской родине зовет таврами. Впрочем, я не собираюсь охватить все это в целом, потому что свое старание и усилия я должен сосредоточить на истории Разина. Разве что слегка коснусь здесь писателей, использование которых, хотя бы и частичное, может пойти на пользу и украшение моего труда. Поскольку их много, здесь стоит упомянуть прежде всего следующих писателей:⁴ Герберштейн (Commentarii rerum Moscoviticarum), Матвей из Мехова (De Sarmatia Europaea), Павел Одерборн (Historia Johannis Basilidis), Иоахим Вадан (Descriptio Sarmatiae), Якоб Шпигель (прим. к Энею Сильвию, p. 256^н), Стефан Какаш (Iter Persicum, p. 38 sqq.), Иоганнес Майр^н, под 1503 г., Павел Ио-

nensis Diaconi Rerum Gestarum ab Europae Imperatoribus et Regibus libri sex (p. 8, 95). Позже за этим сочинением утвердилось название «Антаподосис».

^о Имеется в виду «Chronographia» Сигеберта из Жамблу.

^н Под этой невнятной ссылкой подразумевается издание: Annalium de gestis Caroli Magni Imperatoris libri V. Opus auctoris quidem incerti, sed. . . Poetae antiquissimi etc. Studio et opera Reineri Reineccii Steinhemii. Helmaestadii, A. 1594.

³ Точнее: Georgi Hornii Saheb Kiran sive orbis politicus. Вместо сар. 3 нужно сар. 2 (p. 37—51). Добавим, что России посвящены и с. 100—104 этой книги.

⁴ Один из немногих случаев, где Марций сильно искажает мысль своего источника. На самом деле Герберштейн (fol. II verso, Viennae, 1549) приводит пять толкований названия русских и России, не выражая предпочтения какому-либо из них.

^н Joh. T z e t z e s. Chiliades. Nic. Gerbelius Basileae, 1546.

^н Многие из перечисленных ниже сочинений Герберштейна, Матвея из Мехова, Одерборна, Иовия (Джовио), Гваньини, Гейденштейна, «Epitome genealogiae» и ряд других собраны были в одном томе: Rerum Moscoviticarum auctores varii. Francofurti, 1600.

^н Якоб Шпигель, немецкий юрист первой половины XVI в., действительно комментировал сочинения Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II). Возможно, речь идет о «Космографии» последнего.

^н Иоанн Майр издал: Epitome Cronicorum seculi moderni. Das ist: Kurtzzer begriff and inhalt aller gedenck-würdigen sachen, so von 1500. . . sich erlauffen. München, 1598.

вий (De Moscovitarum legatione), Лаврентий Сурий (Commentarii regum, p. 31 sqq., кельнское издание), также писатели и по истории Польши: Александр Гваньини (Descriptio Moscoviae) и Рейнгольд Гейденштейн (De bello Moscovitico), Антоний Поссевин (кельнское издание^o), «Epitome genealogiae Ducis Moscoviae», Павел Пясецкий,¹ епископ в Перемышле, и особенно Адам Олеарий, прошедший через Московию и татарские земли в Персию и своими глазами видевший эти места, обычаи и нравы; Герман Фаброний Моземан (cap. 13, Historia Moscoviae^p) (Винцент Плакций, Syntagma pseudopumorum, p. 205, знает о его имени и произведениях как раз столько, сколько положено знать самым несведущим людям; стараясь вытащить из неизвестности на свет имена стольких авторов, он не имеет и отдаленного понятия о том, что это за человек и какие сочинения им написаны, в частности о его «Moparchia saesarea» и «Descriptio imperiorum»). О религии у русских и также о других установлениях, кроме упомянутых уже писателей — Герберштейна, Поссевина, Иовия, Гваньини, — пишут Иоганн Фабр (Liber de religione Moscovitarum^o), Мартин Крузиус (Theologia Moscovitica), Давид Хитрей (De statu ecclesiarum Graeciae etc.), Адриан Реневольский (Syntagma Ecclesiarum Slavonicarum), Обер Мирей (De statu religionis Christianae), Эдуард Брирвуд (Scrutinium religionum). Я сейчас не в состоянии сказать положительно, можно ли справляться и судить о русском церковном каноне по Митрофану Критупулу.² Во всяком случае, кроме «Исповедания» Митрофана, сюда относятся Послание к епископу римскому Иоанна, митрополита русского,³ а также Послание Иеремии, патриарха константинопольского (последнее было в 1576 г. послано виртембергским теологам).⁴ Не стану здесь задерживаться

^o «Moscovia» Антония Поссевина вместе с другими его сочинениями в Кельне издавалась в 1587 и 1595 гг.

¹ Здесь и ниже (passim) Марций ссылается на «Хронику» Пясецкого: Chronicon gestorum in Europa singularium a Paulo Piasccio, episcopo Praetensliensi accurate ac fideliter conscripta. Cracoviae, 1645.

^p Германн Фаброний Моземан (писал и под псевдонимом Harminius de Mosa и др.) посвятил русской истории цитируемую здесь 13-ю главу в своем сочинении «Neue Summarische Welt-Historia. . .» (S. 230—245).

^o Словарь псевдонимов Плакция (Plakke) вышел в 1674 г. Это сочинение, как и некоторые из тех, что названы ниже, были собраны в сборнике: De Rusorum. . . religione. . . e diversis scriptoribus. Spiraе, 1532.

² Латинское название сочинения Митрофана, которое было издано в 1661 г. в Гельмштедте: Confessio Catholicae et Apostolicae in oriente ecclesiae. . . edita et latinitate donata a Joanne Horneio. О Митрофане Критуполе см.: Realenzyklopädie f. protestantische Theologie und Kirche, Bd. 13, s. v.

³ Имеется в виду Послание митрополита Иоанна II (1080—1089 гг.) к папе Клименту III (Гиберту), носящее в славянском переводе название «К архиепископу римскому о опресноцех» (см.: А. П а в л о в. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 58—62 и прил. VII, с. 169—186). Выдержка из «Правил церковного» того же Иоанна помещена была у Герберштейна.

⁴ Под виртембергскими теологами (нынешнее название Вюртемберг официально принято только с 1803 г.) подразумеваются прежде всего Якоб

на опрометчивости Алляция,^x которая, как мне известно, давно уже осуждена, хотя это весьма ученый человек и менее всего новичок в древностях. Что же касается права и законов Московии, то я до сих пор не встречал там людей, которые хоть что-нибудь написали об этом. Надежду на осуществление такого труда дал мне, а вместе и потомству Иоганн Гравинкель, человек живого ума, который — только бы замыслу этому суждено было свершиться — имеет намерение издать как московскую хронику, так и свод законов царской державы, называемый Уложением (Uloschenie). Он собирается рассказать, как удалось заложить там некоторые основы свободы для нашей веры, а также о всех действиях графа Вальдемара в этом направлении.³ Остается еще прибавить, что Россия имеет названия: Черная, или Малая, а также Червоная — это области, подвластные Польше, — и так называемая Белая, иначе Великая, о которой говорят как о принадлежащей массагетам, роксоланам или мосхам, что отмечает и Иоганн Авентин (Annales Voiorum, lib. 4, p. 360; ср.: Лука де Линда. Descriptio geographica Poloniae et Moscoviae⁴). И об этих русских повествовали греческие писатели Кедрин, Зонара, а, следуя им, также Туан⁵ под 1558 г., кроме того, брат Иероним Роман⁶ (Republicas del mundo, 3 part., cap. 11—16, изд. в Саламанке); Гаспар Энс (Thesaurus politicus, apotelesma 72^m), где, однако, автор приписывает кое-что ложное, и, наконец, эльзевировское описание Московии.⁷

4. Итак, народ это древний и писать об этом пространнее не зачем. Единственно ради ясности дальнейшего решаюсь я, при этом удобном случае, кратко рассказать еще и о том, как москвиты боролись за отечество и свободу, как они сбросили с себя татар, под игом которых находились около 300 лет,⁴ и как объединились в государство, ни в чем не подвластное скифам.

Андрез и Мартин Крузиус, профессора в Тюбингене. Переписка их с Иеремией II Траносом была собрана в томе «Acta et scripta Theologorum Wirtembergensium et Patriarchae Constantinopolitani D. Hieremiae quae utrique ab Anno 1576 usque ad Annum 1581 de Augustana Confessione inter se miserunt. . .» (Witebergae, A. 1584).

^x Из сочинений Льва Алляция здесь стоит назвать: *Leonis Allatii de ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione libri 3. . . Coloniae Agrippinae, 1648.*

¹ Название всего труда: *Descriptio orbis et omnium eius rerum publicarum. Lugduni Batavorum, 1655.*

⁴ Туан (Жак Огюст де Ту), автор труда: *Historiarum sui temporis ab A. D. 1543 usque ad 1607, libri CXXXVIII, Francofurti, 1625.* — Ниже Марций неоднократно ссылается на это сочинение.

³ Хербнимо Роман-и-Самора, августинский монах. В Саламанке его сочинение было издано в 1595 г.

⁶ Гаспар Энс является переводчиком этого сборника на латинский язык. Слово *apotelesma*, по-видимому, получало иногда значение «раздел, часть книги».

⁷ *Russia seu Moscovia, itemque Tartaria. . . Lugduni Batavorum, A. 1630.*

5. И зачинателем, и свершителем этого был Иоанн III. Он не только подчинил единой власти Россию, прежде разделенную между многими князьями, но и восторжествовал над татарами, которые завладели было этими землями, и так преобразил облик государства, что от татарского владычества не осталось и следа. За это, как говорят, получил он прозвание Великого, сыну же своему, Василию, дал пример для подражания и указал ему тот славный путь, на который он сам так счастливо ступил. Василий действительно проявил силу и бодрость духа; он очень скоро распространил свою власть на Смоленское княжество, а подчинив Псковую, мог еще более укрепить границы своего царства. Столь же великим и достопамятным было и другое его предприятие, когда он чуть не захватил Казанское царство. Некоторые говорят, что ему первому был дан титул царя, который сохраняется и поныне, но украшен еще более пышно после присоединения сыном его Иоанном царств Казанского и Астраханского. Я решительно утверждаю — и я должен сказать об этом, так как это заслуживает упоминания, — Василий этих царств не захватил и в свой титул их не ввел.

b. Павел Иовий (*De Moscovitarum legatione*) приводит титул, принятый в канцелярии Василия в такой форме: великий государь Василий, божией милостью властитель и повелитель всея Руси, великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверский,^н югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, повелитель и великий князь новгородский низовской земли, черниговский, рязанский, волошский, ржевский, бельский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, абдорский, кондинский и иных. Тот же титул приводит и Петр Бердий (*Breviarium orbis terrarum*, p. 56), хотя названия областей, из которых состоит титул, приводятся у него не в таком, как у Иовия, написании. О том, как дать правильное и согласное с географией начертание, можно справиться хотя бы в эльзевировском описании Московии, а полную форму титула и то, каковы теперь обычай и образец, принятые официально, взяв после Олеария разъяснить Иоганн Фридрих Пэппинг (*Orbis illustratus*, lib. 2, p. 404). Титул очень разросся. После имени «великий государь и великий князь» и еще некоторых слов, заключающих начало титула, повелитель Московии зовется и царем казанским, астраханским, сибирским, а под конец — государем и господином царей карталинских и грузинских. Гораздо короче титул, который можно прочесть у Гольдаста; как раз им пользовался император

^н См.: *Pauli Jovii Novocomensis libellus de legatione Basilii magni. . . Basileae, 1527, p. 9.* — Мы следуем нашей поправке: *Tfferia* (встречаются также написания *Tweria*, *Zweria*, *Tiverra*) вместо *Ifferia*, как пишет Марций вслед за Иовием. Этописание можно было бы понять иначе, если бы *Iveria*, или *Iverlandia*, не появилась в титуле русских царей позже («иверский»); притом она помещалась на другом месте, в конце титула.

Рудольф II: светлейшему и владетельнейшему князю Федору Иоанновичу, царю и великому князю русскому, владимирскому, московскому, новгородскому (см. tom 3 Constitutionum imperialium,⁴ под годом 1594). Иоганн Кристоф Бекман в сочинении, снискавшем большой успех (*De titulis regum dissertatio*, 1 cap. 2, п. 6.), говорит, что Иоанн Васильевич был первый, кто стал называться царем. Не станем отрицать: он расширил царский титул, присоединив царства Казанское и Астраханское. Но мы — не в обиду учейнейшему Бекману — отнесем его утверждение не к Иоанну Васильевичу, а к отцу его, Василию. Всем хорошо известно, с каким упорством держатся московиты титулов. Их послы⁵ утверждают, что стоит им случайно ошибиться в написании титула, приходится расплачиваться за это головой. В прошлом, 73-м году, своим свидетельством подтвердил это шотландец Павел Менезиус, барон Витфоделз, который, выполняя дипломатические поручения, имел при себе данные на этот случай бумаги, где говорилось, что он — посланник светлейшего и владетельнейшего царя, всея Руси самодержца к императору римскому, курфюрсту саксонскому и бранденбургскому, а также в Венецианскую республику и к римскому первосвященнику.⁶ Поучительна также история с Николаем Гейнзиусом, человеком необыкновенного дарования и познаний. Исполняя в 1670 г. должность посла в Москве, столице ругенов, он убедился, как трудно было уговорить или смягчить царя, когда зашла речь о приеме и о порядке сопровождения посла во дворец; так что и на этот раз все осталось по-прежнему и не захотели отойти ни на шаг от старинного обряда и допустить хотя бы малейшие изменения в старом обычае.⁶ Рассуждая обо всем этом, мы не должны умолчать о том, что титул «царь» по существу равносителен обозначению королевского достоинства (*rex*).¹⁰ Однако — такое мнение и нынче имеет хождение в Москве — в царском титуле достоинства больше, чем в королевском (об этом прекрасно рассказывает барон Герберштейн). Сюда же относится то, что утверждает составитель «Галльского Меркурия», том 3: Михаил Федорович якобы через своего посланца велел объявить Матвею, что он происходит из древнего рода кесарей. Это ложно, но, кроме того, я сомневаюсь и в добросовестности этих сведений; да и вообще мне известно, что много ложного вкралось в «Галльский Меркурий» и что Габриель Бартоломей Грамонд не зря уличал во лжи его издателя (см.: *Historia Galliae*, lib. 10, p. 474).⁸ Павел Пясецкий, пожалуй,

⁴ Имеется в виду 3-й том труда Мельхиора Гольдстама: *Constitutionum imperialium collectio*. Francofurti, 1613, vol. 1—4.

⁵ Марций дважды употребляет здесь слово *orator* в значении *посол*, *посланец*, *дипломатический агент* вообще.

¹⁰ Герберштейн (*fol. 10 recto*) привел в доказательство этого следующий филологический аргумент: в славянской библии царями называются те, кого в Европе называют *rex* или *könig*.

⁸ Марций цитирует это сочинение в эльзевировском издании (Амстердам, 1653). Упрек сделан Грамондом в другой связи. Между тем в «*Mercurio*

упомянул бы о таком деле, если бы что-либо подобное имело место: ведь он делает отступления и особенно о московских делах; к тому же в другом месте он рассказывает, что Федор, великий князь московский, обращался к римскому папе с просьбами о королевском титуле (см.: Chronica, p. 112). Однако тут мы могли бы привести доводы, в силу которых расходимся и с Пясецким: из истории того времени ясно видно, что Федор не так относился к папе, чтобы просить его о титуле. Это прекрасно известно всякому, кто хотя бы бегло прочел записки Герберштейна о Московии, насколько они соотносимы с тем временем, когда якобы произошли эти события. Непоследовательны и сообщения Павла Иовия, который говорит, что папа Климент VII по собственному почину давал Василию королевское достоинство, только бы тот согласился на воссоединение с римской церковью. Но тут же добавляет, что Василий жаждал получить королевский титул с соизволения папы; а немного дальше без особенной уверенности пишет о слухе, что Василий требовал титул такого же рода от императора Максимилиана (см.: De Moscovitarum legatione, базельское издание).⁴

6. Иоанн, по отчеству Васильевич, был не менее деятелен, чем его отец; он не упустил ни одной возможности увеличить свою державу, но, поскольку он был немилосерден и считал, что это единственный способ укрепить власть, оказался причислен к тиранам. То, что во многих делах он часто отступал от обычаев доброго государя, а нередко даже преступал законы, как божественные, так и человеческие, не вызывает сомнений. Однако необходимо с определенностью сказать, что многое говорилось о нем не столько из подлинного знания его деяний, сколько по злобе к нему, а между тем он неоднократно предпринимал дальние походы и одержал ряд блестящих побед, подчинил себе царства Казанское и Астраханское, каковыми деяниями доказал, что величием духа он оказался достоин своего державного назначения.

с. Из суждения Якоба Августа Туана о Павле Одерборне (под 1584 г.) сразу становится ясно, что тот преувеличивал деяния Иоанна Васильевича с тем, чтобы наиболее ярко изобразить его тираном. В том же подозревает Александра Гваньини и повторяет это вслед за Туаном эльзевировская Московия (с. 114), которая в дальнейшем дает деятельности этого царя чрезвычайно высокую оценку, считая, что ему должны подражать государи, желающие расширить свою державу (с. 150, ср. с. 180). Впрочем, у меня есть одна рукопись, которую Туан несомненно не видел, между тем здесь сообщается то же, что и у Одерборна. Ей следует англичанин

Français» под 1613 г. (p. 262—264) находим сообщение о том, что посольство, прибывшее в Вену к императору Матвею от Михаила Федоровича, общало, между прочим, что новый царь «происходит из древнего рода царей» (*de l'ancienne famille des Czars*), т. е. подчеркивалась прежде всего связь прежней и новой династий, а не происхождение от кесарей.

⁴ См. с. 7—8 сочинения Иовия, которое цитировалось выше.

Горсей, посланный к Иоанну Васильевичу Елизаветой;⁶ с ним можно объединить голландца Л. ван дер Боса,⁷ они оба сходятся в описании зверств царя; Олеарий повторяет то же самое, чтобы как-нибудь не отступить от Гваньини. Так что совсем неудивительно, что Эразм Францисци подписался под этим в своем «*Theatrum actogum Iugubrium*», XVI.⁸ И все-таки Туан не боится в другом месте высказать то, что он писал раньше, а в опровержение ходячего мнения дает по этому вопросу свое заключение, в котором показывает могучий дух и великую душу царя (см. под 1606 г.). При этом Туан, снискавший себе величайшую похвалу как необыкновенной своей ученостью, так и опытностью в государственных делах, конечно, не мог не знать того, что об Иоанне Васильевиче многие писали слишком сурово, то ли забуждаясь, то ли подстрекаемые злобой, то ли не зная, что тиранами называют тех, кто совершил большее, чем несколько тиранических поступков.

7. Зато как только Иоанна Васильевича не стало, началось сильное смятение. Судьба Феодора была несчастливой, власть — непрочной, а к тому же, как это обыкновенно бывает, бездетность его вызвала презрение.⁹ Когда в 1598 г. он умер, не оставив детей, под видом сына Иоанна Васильевича явился некий Григорий Отрепьев,¹⁰ выдававший себя за младшего брата Феодора — Дмитрия, который еще раньше был погублен козлями Бориса. На своем порочнейшем пути к трону он пользовался внешним сходством с Дмитрием, которое вводило всех в заблуждение. Однако эта дерзость не прошла ему даром. Он потерял не только власть, но и жизнь, а после и тело его было отдано на глумление: его проволкли на веревке, продетой через срамные части, и подвергли истязанию. Душа содрогается при виде этого сурового примера, тем более что некоторые все-таки считают Отрепьева, о котором идет речь, настоящим Дмитрием и утверждают, что после смерти Феодора Иоанновича он по праву рождения должен был править москвитями, но был свергнут, а затем в нарушение всех челове-

⁶ Сочинения Джерома Горсея и ван ден Боса известны Марциу, видимо, по краткому изложению у Эразма Францисци (см. прим. «8»).

⁷ Точнее — Lambert van den Bos (или Bosch), он же Lambertus Silvius (также Sylvius), голландский историк и литератор (1610—1698 гг.). Отметим, что он интересовался и Разиньим. Кроме перепечатки голландского текста «Сообщения. . .» в своей «Истории нашего времени» (изданной под именем L. Sylvius в 1685 г.), он еще раньше включил «Сообщение. . .» в сборник, который издал под своим псевдонимом именован: L. van den B o s. *Het toonell der vorstelycke gunstelingen. . . t'Amsterdam, 1676.*

⁸ Действительное название: *Der Zweite Traur-Saal steigender und fallender Herren, durch Erasmus Francisci. Nürnberg, 1673.*

⁹ Мы предпочли понять *orbitas* как «бездетность [Феодора]», а не как «сиротство [царевича Дмитрия]».

¹⁰ У Марция Отрепьев называется *Strepius*. Форма имени, как и сам рассказ, заимствован Марцием у де Ту и из эльзевировского издания «Истории Московии».

ских и божеских законов скверно и позорно убит. Об этом говорят многие, но не вполне уверенно. Зато свидетельство хотя бы одного Петра Патерсона^{2*} из Упсалы (d) вполне убедило остальных в том, что Отрепьев был самозванец и только выдавал себя за Дмитрия и, таким образом, вполне заслуженно был лишен достоинства, не принадлежавшего ему по происхождению, и позорно заклеямен как государственный преступник.

d. Туан видел и читал его сообщение, поскольку под 1606 г. упоминает его. После Туана этим занялся Пясецкий, но не смог дать ничего более убедительного, чем Туан, который скорее упоминает вышеназванное сообщение, чем принимает и одобряет его. Пясецкий под 1604 г. пишет, что о происхождении Дмитрия «неясно, истинно ли оно или это измышление». Между тем, если бы он мог что-нибудь выяснить вполне и так передать потомству, он изучил бы это, исследовав дело внимательнейшим образом. Михаэль Каспар Лундборг (*Continuatio Sleidani, lib. 3, под 1606 г.*) так и оставляет это под сомнением. Я, насколько мне дано судить об этом, считаю, что русские поступили в этом деле не вполне правильно и беспристрастно. Анонимный автор, составивший «*Bellum Polono-Moschicum*»,³ слишком наивен и доверчив: по тому, как он пересказывает то, что обычно говорят о самозванце Дмитрие, видно, что он не ведает никаких сомнений.

8. К этому времени положение дел в Московии было чрезвычайно трудным: печальны были воспоминания о прошлом и не видно было средств избавиться от новых бед. Трудно поверить, какие безобразные и коварные злодеяния совершил Борис, до основания разрушив строившийся веками великокняжеский дом; устранение Феодора (подозревают, что это Борисово злодеяние) и умерщвление Дмитрия (неизвестно, его ли это рук дело или же Василия Шуйского) стали началом многих очень тяжелых потрясений. Ведь после убийства Дмитрия, вдохновителем которого был Шуйский, место оказалось свободным, так что у Шуйского явилась возможность захватить власть в Московии, которую он удерживал вплоть до 1610 г. Свергнув его, знать призвала из Польши Владислава, сына Сигизмунда. Только ему присягнули, а уж стало ясно, как непрочен этот мир и неверно это подчинение. Ни природа, ни то, что считается еще сильнее — привычка, не могли приучить москвитов к правлению и нравам поляков. Было ли им подозрительно отсутствие Владислава, ими избранного, или они испугались той власти,

^{2*} *Petersonus* (также *Patersonus*) и *Peterejus* представляют собой различные варианты латинизации имени Петра Персона из Упсалы, об этом см.: Ю. А. Л и м о н о в. *История о великом княжестве Московском Петра Петрея*. — Скандинавский сборник, Таллин, 1967, вып. 12, с. 260—261. — Адвэлунг считал Патерсона и Петрея разными авторами.

³ Здесь и ниже (в экскурсии «f») Марций называет это сочинение, в отношении которого мы не смогли установить, где и когда оно было издано и на каком языке было написано.

к которой не чувствовали внутреннего расположения, — во всяком случае чужеземная власть им постыла и они стали жаловаться, что терпят несправедливость. Поэтому они в конце концов отказались от Владислава и, склонившись душою к Михаилу Федоровичу, остановились на нем; так что в том же 1612 г.⁶ он был всенародно избран преемником престола. По материнской линии он восходил к Иоанну Васильевичу, кроме того, он имел тогда большую силу и мог по заслугам назваться спасителем своего народа. Действительно, твердый духом, приступил он к правлению государством, 28 лет державно и мудро правил и, положив много сил на то, чтобы защитить отечество и подавить всякую смуту, оставил окрепшую державу своему сыну Алексею Михайловичу.⁷

е. Природа страны влияет на характер, так что народы проявляют самые несхожие наклонности, и все то, чем очень дорожат одни, может представляться другим вредным и неприятным. Чтобы взглянуть на дело с этой стороны, можно пользоваться трудом Рейнгольда Гейденштейна, который в своей «*Historia regum Polonicarum*» (lib. 3, p. 123) так описывает москвитов, что сразу же видно, насколько их духовный уклад и нравы чужды польским и сколь многое враждебно им друг в друге. Последним взялся изобразить это в своем сочинении «*Censura candidatorum sceptri Polonici*» Андрей Ольшовский,⁸ один из самых образованных людей в Польше, очень сведущий в государственных делах и снискавший вышеназванной книжкой не только большую похвалу, но и пальму первенства среди всех тех, кто уделил внимание этому вопросу, ср. то, что пишет автор сочинения «*Lineamenta Sarmatica*», § 23.⁹ Держась такого мнения, знающие люди готовы не верить в договор, заключенный совсем недавно между Московией и Польшей, особенно если припомнить прошлое.⁸ Впрочем, думают, что как пошли на договор, так и сохраняют его, тем более что Алексей Михайлович не стремится более преобладать, а страх перед Турцией одинаково велик как у него, так и у поляков. Разве только случится так, что страх перед турками исчезнет, а Подолия станет предметом новых споров. Я не стану, конечно, утверждать, что это невозможно, и не удивлюсь, если так и будет, раз уж сановники (мы имеем в виду бояр) с легкостью могут пользоваться в своих интересах снисходительностью к ним нынешнего царя и его на-

⁶ Эту дату (1612 г. вместо 1613-го) дает целый ряд европейских авторов, например цитированные выше Марцием (с. 57—58) «*Mercurie Français*» и «*Хроника*» Пясецкого.

⁷ Это сочинение Андрея Ольшовского было издано в 1669 г.

⁸ Виттенбергская аудитория Марция в 1674 г., видимо, не нуждалась в том, чтобы ей напоминали об Альберти, авторе этого сочинения, и о Шурцфлейше, который председательствовал на диспутации Альберти за 4 года до диспутации Марция. См.: *Lineamenta Sarmatica, sub praesidio C. S. Schurzfleisch publice asserenda a Johann Christoph Alberti, hab. in Audit. Publ. A. 1670. Wittenbergae, 1672.*

строениями. Действительно, — я признаю это открыто — он более занят делами духовными, чем государственными, не считает несоместимым со своим достоинством принимать советы от бояр и не противостоит им с твердостью.⁹ Но это уже совсем другое: я ведь собирался говорить о прошедшем, а не о будущем.

f. Государство Московское было уже на краю гибели, когда Михаил Федорович пришел ему на помощь: потушил пожар гражданских войн и без промедления подавил растущую силу того, кто — вот уже в другой раз — выдавал себя за Дмитрия, а на деле, вне всяких сомнений, был самозванец и снова сеял смуту (см.: Павел Пясецкий, под 1612 г.). Затем он вооружился на внешних врагов, и, хотя в борьбе с поляками счастье часто покидало его, разум подсказал спасительное решение: в 1634 г. он заключил с Польшей мир, а Владислав отказался от всяких прав, полученных им при предшествующем избрании, и стал воздерживаться от титула великого князя Московского (см.: тот же, уже цитированный в (d), анонимный автор, составивший «Bellum Moscho-Policum», р. 41).

9. После стольких тяжелых бедствий, перенесенных Московией, дела, казалось, устроились согласно общему желанию, и восшествие на престол Алексея Михайловича в 1645 г. было в глазах всех очень важным событием; причём верили, что он будет достоин своей великой судьбы и станет наравне с самыми могущественными властителями. Он был уже близок к вершине славы, когда, подстрекаемый близкими к нему людьми, решил развязать войну, поставив тем самым Московское государство перед страшной опасностью.¹⁰ Сначала напал он на Польшу — и не безнаказанно; затем устремился на шведов и на своем горьком опыте узнал, с каким упорным и стойким в войне народом имеет дело. Когда же он умиротворил, наконец, своих врагов, возникла внутренняя опасность — бедствие, равных которому еще не было (g): буйства и мятежи, зачинщиком которых был Степан Разин. Страхом была охвачена не одна Московия — вся Европа некоторое время жила в ожидании того, какой оборот примут эти события.

g. Мы не будем здесь останавливаться на том бунте, который случился в 1648 г. и окончился гибелью придворных Плещеева и Тихоновича.¹¹ Могло бы показаться удивительным, что эти люди, которые при своем врожденном почитании царей еще и свыклись с рабством, способны взбунтоваться так неожиданно. Однако известно, что нрав этого народа изменчив. Власть может держать его в узде, но стоит обойтись с ним чересчур несправедливо, как он повергается в отчаяние и «в отчаянии свирепеет», как это тонко замечает и подкрепляет глубокомысленными суждениями Габриель Зинано¹² в своей «Гераклеиде», ученой итальянской поэме, касающейся вопросов гражданской жизни.

¹² *L'Eracleide di Gabriel Zinano. Venetiis, 1623.* — Настоящее имя автора — *Giovanni Battista Manso, Marquis di Villa (1560—1645).*

10. Теперь ближайшая моя задача изложить, откуда пошли все эти события, а также сказать, почему и благодаря каким силам удалось Разину собрать такое множество мятежников. Как я узнал, родом он был казак и прежде не был известен в Москве как злоумышленник или преступник, но, напротив, известен как человек преданный и, судя по делам, ничем не провинившийся — все это до тех пор, пока Долгоруков проявлял как воевода известную мягкость. Но стоило ему обойтись с казаками несколько строже и, не сообразуясь с их желаниями, попробовать удержать, в то время как они просили отпустить их, они тотчас ушли против его воли. Возмущенный Долгоруков посылает вдогонку ушедшим большой отряд, чтобы их вернули, и сам казнит их начальника — это был брат Разина — для острастки. Разин увидел в этом свирепость. С этого времени он изменил образ мыслей и прежние свои взгляды и стал помышлять только о том, как отомстить, снять с себя этот позор и вовлечь в замышляемое преступление как можно больше сообщников.¹²

h. Излишне доискиваться, откуда пошло название «казаки», потому что мнение Пясецкого, исследованиями которого по этой части мы не можем пренебрегать, почти убедило меня в том, что словом этим называют козу. Может быть, дело здесь в том, что подвижностью и упорством в лазанье казаки (Cosaci) схожи с этим животным (см.: *Chronica*, p. 45). Рейнгольд Гейденштейн считает, что слово это обозначает «разбойник» и имеет персидское или турецкое происхождение (см.: *Rerum Polonicarum historia*, lib. XI).¹³ Для моей цели достаточно заметить одно: под казаками я подразумеваю тех, что живут по Танаису. У нас их принято называть донскими, по другому названию этой реки, близ которой они селятся. Люди они очень непостоянные, беспокойные от природы и охотники до разбоя: великому русскому государю они подчиняются не по принуждению, а по своей воле, причем им дарованы большие льготы. Начальник избирается у них ими же самими. Недавно, когда возникла возможность бунтовать под предводительством Разина, они бунтовали, а потом, когда он был побежден, вернулись к послушанию. Что же касается казаков, которые до сих пор были подвластны Королевству Польскому, то нам очень хотелось бы, чтобы они вновь признали прежние свои гражданские обязанности и неизменную готовность добровольно подчиняться полякам и, отказавшись от турецкого покровительства, вернулись бы в дружественную им польскую державу. Утверждение Пясецкого о том, что казаки, подчиняющиеся польским законам и юрисдикции, не имеют самоуправления, неоспоримо; тут дело говорит само за себя. В настоящее время этими правами располагают казаки донские и подвластные Московии; того же можно пожелать тем, которые до сих пор находились под властью Королевства Польского. Ведь естественно, что после того как по воле короля Стефана их обучили военному искусству и они стали служить

в регулярной армии,¹⁴ а потом отвернулись от поляков и Польши и подняли в 1648 г. мятеж, честь и достоинство поляков требуют вернуть их к исполнению своего долга и исправить то, что приведено было в смятение движением Хмельницкого. Поляки — и это особенно важно — понимают, что для турок нет ничего приятней и милее, как удерживать власть над этим племенем, покровительствуя ему (чего, по их словам, они добились при Дорошенке), и, вынудив поляков уйти из Провинции (там она называется Украинской), обратил ее в оплот своего могущества, страшный для москвитов и всего христианского мира не меньше, чем для поляков.¹⁵ О казацких движениях, поскольку они относятся к Польше, см. Иоахим Пасторий (*Bellum scythico-cosacicum*), а также «*Commentarius regum per tempus rebellionis Russicae gestarum*,¹⁶ изданный в Кенигсберге в 1653 г.; Адольф Брахелий (*Historia, lib. 7, под 1648 г.*) и, наконец, сочинение о казацком восстании, написанное по-немецки. Восстание донских казаков, не только живущих на общих и равных с москвитами правах, но и пользующихся, как я уже сказал, многими льготами, получило повод в 1665 г., а началось в 1667 г. Об этих событиях совсем недавно появилось одно немецкое сочинение; как мне известно, упоминания о них имеются также в «*Theatrum Europaeum*» и в «*Diarium Europaeum*».¹⁶

11. Ожидания не обманули Разина, человека хоть и безродного, но на редкость искусного и ловкого, готового на любое дело, кроме того, жестокого и свирепого даже на вид. Сложения он был крепкого, закален в тяготах войны, в расцвете лет и здоров (i), так что казаки сочли его человеком, который годится им в военачальники, полагая, что он станет упорным мстителем за нарушение их прав и вольности и за собственную свою обиду. Разин не стал отказываться. Он хотел воспользоваться этим случаем одновременно и для мести, и для достижения власти. И вот, как раз когда он более всего стремился отомстить Долгорукову, неприятно и невыгодно обернулось для москвитов то, что казаки, ссылаясь на свою привилегию не выдавать бежавших к ним, стали принимать к себе и таким образом укрывать от наказания всякого рода преступников и подлый люд, для которого у русских была уже определена мера наказания. И вот у них скопилось великое множество всякого сброда.¹⁷ Совершенно очевидно, что к Разину они отправились не из какой-то тяги к нему, а потому что надежда избежать кары закона толкала их на это. Чем негоднее был человек, тем скорее он присоединялся к мятежному вождю.

i. Многое подтверждает, а пример Разина ярко показывает, что это очень крепкая порода людей; впрочем, им не уступают валахи, и свидетельством этому — Иван Подкова,¹⁸ человек низкого

¹⁴ Имеется в виду сочинение «*Rerum in Magno Ducatu Lithuaniae per tempus Rebellionis Russicae gestarum commentarius*» (*Regiomonti, 1653*), принадлежащее Войцеху Вьюку Кояловичу.

происхождения, но такой силы и телесной крепости, что, как рассказывает Рейнгольд Гейденштейн (*Res Polonicae*, lib. 2, p. 119), он мог сломать подкову. Для турок это знак высокого происхождения. Вспомнить хотя бы то, как Фридрих III, саксонский курфюрст, явился в Палестину и как султан по крепости рук его понял, что он происходит из славного рода, см.: *El. Reusner. Stemma Witikindi*, p. 43.º На примере Филиппа Великодушного, ландграфа гессенского,¹⁹ мне ясно, что это бывает также признаком людей с сильной и могучей душой. Гессенская хроника сообщает о том, как в Гайне, в монастыре, он показал силу и крепость своего тела. Но в варваре это признаки отваги и жестокости, которые у Разина соединились с безбожием, что он и доказал, издеваясь над священниками, глумясь над храмами, презирая святых. Исповедания он был или магометанского, или никакого.

12. События развивались, казаки не считались ни с каким правом, законами, судом, вообще ни с какими правилами. Разин человек неукротимый то ли от природы, то ли по обычаям своего племени, не успокаивался. Напротив, ему удалось еще сильнее взбудоражить казацкие умы, и без того развращенные своей безнаказанной дерзостью, сыграв на оскорблении, которое нанесено было главе московского духовенства. И это не потому, что он имел правильное понятие о церковных делах или показывал пример подлинного благочестия, но лишь для того, чтобы, найдя благовидный предлог, выставить дело так, как будто самое главное для него — мстить за беды страны, якобы угнетенной и почти что замученной. Главой духовенства был тогда Никон, человек выдающийся по своему влиянию и осведомленности, насколько это вообще возможно для москвитя. Решительный и деятельный, он настолько был близок к великому князю, что было невозможно представить себе, чтобы его положение могло сильно поколебаться. Но вдруг обстоятельства сложились так, что и он не уберется от обвинений: поступил донос на некоторые его постыдные дела. Он оказался под угрозой потери своего сана и положения и, наконец, был смещен. Разину, добивавшемуся власти, выгодно было то, что суровостью этого своего решения, принятого по наущению людей, которым менее всего следовало бы доверяться, великий князь потерял расположение к себе простого народа. И действительно, те, кто довел дело до изменения патриаршей судьбы, были и раньше врагами патриарха и только о том мечтали, чтобы он лишился своего сана — так несносно было им то необыкновенное влияние, которое Никон оказывал на царя. А чтобы нельзя было уличить их в какой-либо несправедливости, они представили дело на рассмотрение патриархам Антиохийскому и Александрийскому, желая, чтобы те стали либо их союзниками, либо пособни-

^o Сочинение Рейснера: *El. Reusner. Genealogiae Regum. Electorum, Ducum. . . qui origines suas a. . . Wedekindo deducunt. Lipsiae, 1610.*

ками в этом разбирательстве. Приглашенные в Москву, те явились; подкупленные и задаренные, вынесли они свое решение. И хотя можно усомниться в том, так ли они думали, как постановили, однако совершенно несомненно то, что могущество врагов Никона одержало верх над его доводами и рассуждениями.

к. Этот патриарх не только пользовался славой святейшего, но и на деле трудился, используя все свое влияние ради общего блага и попечения о народе. Однако бояре извратили это и направили все свои усилия на то, чтобы лишить Никона его положения и места, чего они легко достигли несправедливыми обвинениями, опорочив его во мнении царя. Ничто не могло быть так на руку Разину: неуверенный в удаче, он искал поддержки и нашел ее, когда к нему присоединились те, кто негодовал на обиду, нанесенную патриарху.²⁰ Чуть только представилась им возможность отомстить, они сочли, что нельзя прощать бояр, обращающих свою личную ненависть на погибель государству и чувствующих в себе достаточно силы, чтобы дерзко пренебречь правотой и невиновностью патриарха. Сюда относится то, что я нашел в неизданных записках. Автор записок — человек весьма ученый и добросовестный — говорит: «Разин знал, что мщение за понесенную патриархом обиду и мнимое возмездие за нее найдут полнейшее одобрение в народе, потому что тот был несправедливо низвержен с высоты своего сана по злобе боярства. Именно поэтому на реке Волге было у Разина судно, на котором имелось изображение патриарха, как бы присутствующего здесь. Это должно было убеждать в том, что патриарх плывет с ним, между тем как тот, заточенный в монастырь, был далеко, а слух этот послужил лишь тому, что его стали строже охранять».²¹ В действительности, как видно из дальнейших событий, боярам нужен был патриарх по-проще и неумудренный никакими науками, чего они и достигли, убрав Никона и поставив на его место Иосифа,²² человека не то чтобы дурного, но простого и мало смыслящего. Конечно, у бояр было чем попрекнуть Никона: и чрезмерное его вмешательство в гражданское управление, и то, что он превратным образом стал вводить некоторые новшества в греческую церковь. Что касается тех честолюбивых замыслов, в которых его уличали, и прочих вещей такого рода, сейчас не время толковать об этом. Добавлю только, что год, в который злоба бояр погубила патриарха, был 1666-й.

13. Мало этого, надежды и самоуверенность Разина еще больше окрепли, когда — уж неизвестно, волею ли судьбы или случайно — на царя обрушилась новая беда. Был у него сын, которого звали Алексей Алексеевич, семнадцатилетний юноша, на редкость приветливый, а это свойство очень ценится в простом народе и завоевало ему необыкновенную любовь. Когда отец объявил его своим истинным и законным наследником и в 1667 г. выводил его показывать народу, со всех сторон слышались радостные привет-

ствия и одобрение. Но радость эта была недолгой, и то, что пришло безутешное горе отцу, оказалось очень кстати Разину и заговорщикам. Теперь они стали повсюду утверждать, что сын царя вовсе не умер, но бежал от тех козней, которые готовились на его голову, и — цел и невредим — находится при Разине.²³ Так и пошел слух, что бояре, ненависть к которым была непримирима, пытались захватить в свои руки всю власть, задумали убить царевича (так называют сына государя) и, ставя по своему обычаю ложь выше правды, бессовестно производят смуту в государстве. Терпеть это и дальше — значило бы коснеть в малодушии, совсем позабыв о спасении государства. Таким образом, заявляя, что дело идет о всеобщем благе, Разин обещает свое покровительство и защиту и, подобно Катилине,²⁴ убеждает всех, кто хочет мстить, а не повиноваться боярам, сходиться к нему и воздать им за их беззаконие, сознавая, что это единственный путь вывести государство из его развращенного состояния и восстановить в правах истинного наследника престола.

1. По рассказам весьма серьезных людей я знаю, что Разин, тайно и переодевшись, чтобы не быть узнанным, приходил в Москву и разослал отсюда своих людей, чтобы они узнавали, каковы настроения русских, и подстрекали их к мятежу под предлогом борьбы за прежнюю свободу против боярского засилья.²⁵ Здесь пора дать более точные указания времени отдельных событий, о которых говорилось, и заодно показать их в их последовательности. В 1666 г. бояре ополчились на Никона и добились того, что он лишен был своего сана и достоинства. Затем в 1667 г. Степан Разин двинул уже подготовленных к мятежу людей²⁶ и вступил на путь тирании, выдавая свое гнусное предприятие как раз за ненависть к ней (он понимал, что нужно пользоваться случаем, а не мешкать). 17 января 1670 г. скончался царский сын, еще в 1667 г. назначенный отцом в престолонаследники; Разин обвиняет в этом бояр и, чтобы оклеветать их совершенно, подлейшим образом вменяет им в вину эту смерть, а себя объявляет мстителем за Алексея Алексеевича, прикрывая красивыми словами самые дурные дела; теперь он созывает и приманивает к себе всякий сброд, старательно собирая людей того же сорта, что и он сам, чтобы смести тех, при чьей жизни ему никак не захватить власти в государстве.

14—15. И Разин не отказался от своих планов. Напротив, свою власть, с самого начала основанную на беззаконии, он замыслил укрепить злодеянием. Поэтому он вместе с заговорщиками устремляется большими переходами к реке Волге, которая у древних называлась Ра. Первым делом этого тирана было разграбление в 1667 г. судов, шедших вниз по реке и груженных разными товарами. Осмелев на этом грабеже, он осадил город Яик и, поскольку город не получил поддержки, легко вынудил его сдаться. Оттуда, подготовив все необходимое для дальнего похода, он вывел свое

войско прямо на Каспийское море, где всячески бесчинствовал, а вскоре снова вернулся на Волгу и стал сжигать русские селения и деревни, особенно те, что живут рыбной ловлей. Затем, будто обезумев, он бросился к крайним пределам Российской державы, чтобы захватить город Терки, что на границе с Персией. По этим действиям можно понять, что Разин, совершенно отказавшись от мысли о милости царя, начал теперь войну не в одной какой-нибудь области, но в целом Русском государстве. По крайней мере несомненно то, что Разин решил нигде, особенно в тылу у себя, не оставлять ничего такого, что могло бы вредить и вообще хоть как-нибудь мешать ему. Так он замышлял, мечтая распространить свою власть до крайних пределов России, но совсем неожиданно его победное шествие задержал город Терки, мужественно и твердо оборонявшийся против насилия и беззакония. Тогда, рассвирепев, он отошел оттуда со своим войском, сперва, однако, опустошив близлежащие селения и города. Здесь же перебил он множество ни в чем не повинных персов из тех, что живут в пограничных русских областях, соблазнив их надеждой сбыть съестные и прочие товары. После этой бойни он пришел в пограничные с Мидией места и, не встретив сопротивления, позволил своим людям грабить и насильничать до той поры, пока русские и персы, собрав отовсюду отряды, не появились перед ним, готовые встретиться с ним в бою, если бы он пожелал попытать счастья и померяться с ними силой. Но в том-то и была ловкость этого варвара, что он принимал решения, сообразуясь с моментом и обстоятельствами; вот и теперь он своевременно отступил, заняв острова в Каспийском море, где можно было расположиться с войском в безопасности, остерегаясь возможных неудач и потерь.²⁷ Отсюда он всячески пытался пополнить свои продовольственные запасы, но, испугавшись, что хлеба не хватит, и не доверяя больше себе и своим силам, он стал молить царя о прощении и клятвенно обещать, что будет послушен ему, и добился той безнаказанности, которая впоследствии стала соблазнять его и толкать на еще большую дерзость, так что он запятнал себя еще большим числом чудовищных преступлений. А все потому, что известие о мнимом и притворном исправлении побудило царя смиростивиться над Разинным поспешнее, чем этого можно ожидать по отношению к государственному преступнику, в чем впоследствии царь имел достаточно причин раскаиваться.²⁸ Действительно, добившись своего, Разин сразу явился в Астрахань. Там, как человек опытный в воинском деле, он произвел смотр и, оценив положение, дал утомленному от долгого пути войску время отдохнуть и залечить раны. А поскольку еще раньше заметил, что очень многие готовы отвернуться от него из-за его жестокости, он решил расположить их к себе и привлекать на свою сторону более мягким обращением, которое в цене и у варваров. Ради этого он стал осыпать деньгами простой люд, считая, что это будет выгодно ему, поскольку может

вызвать недоброжелательство к царю, подогреет внутренние раздоры и настроит царское войско против начальников.

* Выше мы назвали Степана Разина русским Катилиной. Нечто весьма похожее находим и в Германии, и тому свидетельством — Вильгельм Грумбах,²⁹ который в прошлом веке исполнился такой дерзости и гордыни, что угрожал спокойствию не одной только Саксонии, но и всей Германии. Открыто отбросив почтение к императору и империи, он, подобно Катилине, уготовлял погибель отечеству, но по велению императора под предводительством Августа и с согласия Иоганна Вильгельма, благочестивых и твердых князей, был схвачен и понес заслуженную кару. Об этом см. «Historica descriptio susceptae a Caesarea maiestate executionis», а также «Necessaria ac vera responsio», изданные в 1567 и 1568 гг. Первый из этих документов можно найти у Симона Шардия (t. 4, p. 34 sqq.)¹¹

16. И вот Разин — причина всех этих бед, — вернувшись на Дон, распалился сверх всякой меры: свирепствовал против честных и невинных людей, грабил и осквернял храмы и все, что принесено и посвящено богу, при этом изгонял духовных лиц из их владений. Вообще не было ничего столь безобразного и ужасного, что он считал бы недозволенным для своей жестокости, которой не могли избежать все действительно порядочные люди, причем не составляли исключения и служители церкви. Все прочие подвергались истязаниям или смерти, когда отказывались выполнять приказания тирана.

17. Когда его войско наконец отдохнуло, Разин в виде благодарности за кротость и милосердие своего государя стал решительно наступать и, сосредоточив свои силы, занимает места, расположенные по Волге. Но, когда войска, готовые оказать ему сопротивление, уже приближались, он стремительно подошел к городу Царицыну, взял его хитростью и, разбив части, посланные против него, свирепою казнью казнил их военачальников и большую часть пленных. Теперь, когда никто больше не осмеливался противостать ему, он повел свое войско на другие города. Заняв Черный Яр, он безжалостно перебил оставленных там для защиты солдат вместе с их начальником. Положение его достаточно укрепилось, и у него появились основания надеяться, что он завладеет Астраханью. Когда-то этот город был татарской столицей, средоточием и очагом скифского могущества. А теперь градоначальник, не сумев удержать в подчинении подкупленных врагом солдат, омрачил год сдачей города. Хотя сам он мог бы честно пасть, смело сразившись с врагом, однако, испугавшись заговора в гарнизоне, попал в руки Разину, который схватил его прямо в церкви во время службы и обошелся с ним не как

¹¹ Schardius Redivivus sive Rerum Germanicarum Scriptores Varii olim a D. Simone in IV Tomos collecti. . . Giessae, 1673.

с противником, а как с каким-то негодяем, велел сбросить его с городской башни.* Но это был еще не конец свирепствам; точно преступники, были подвергнуты мучениям и оба его сына. Не считаясь ни с возрастом их, ни с достоинством, Разин приказал на виду у всех раздеть их и подвесить за ноги. Но им не дали умереть от этого наказания: одного он убил, прежде истерзав самым утонченным образом, а другого жестоко били плетью, а потом чуть живым отдали митрополиту.

18. Удача так развратила душу этого коварного человека, что он был неумолим в своей жестокости. Вывезя из Астрахани городские сокровища, разграбив имущество купцов и граждан, он еще больше рвался в бой. В самом деле, провиантом он был теперь обеспечен вполне, в большей части своего войска, весьма храброго и бодрого, он мог быть уверен. Зато дисциплина в его лагере совершенно вывелась — его люди не воздерживались ни от убийств, ни от насилия. Распущенность и наглость, с которыми они оскверняли все вокруг, становились знаком того, что за омерзительным началом последует омерзительнейший конец.³⁰

19. И Разин не стал медлить, понимая, что залог его успеха — в быстроте действий. Всеми силами и средствами он старался добиться того, чтобы как можно шире распространить свою власть. Поэтому он, не мешкая, отправляется в поход, и, возвратившись в Царицын, непрестанно говорит о себе и о невинно страдающем царском наследнике, о правом деле патриарха, и прежде всего снаряжает два судна — ради той хитрости, о которой я уже упоминал: внушить, что они оба прибегли к его покровительству, посажены им на суда, стоящие на виду у всех, и что здесь они в полной безопасности от козней бояр. Всем этим он укрепил своих сотоварищей и приспешников в их прежнем к нему отношении, других же вдохновил действовать заодно и убедил тех, кто стал под его знамена, не оставлять их.

* Предводитель мятежников устроил такое представление: на один корабль, имевший на корме возвышение, убранный в красное, он посадил того, кого выдавал за сына государя, а на другом корабле, шелковое украшение которого было черным, находилось подобие патриарха. Тот, блиставший в красных шелках, происходил из семейства пятигорских черкасских князей, был побежден и взят в плен во время бесчестного набега, а затем, лишенный достоинства и всех своих прав, оказался средством для этого бесстыдного подлога. Что касается Никона, то нам здесь нечего добавит.

20. Все это было знаком того, что в будущем бунт станет еще страшнее. Действительно, мятеж, ослабить который не было средств, должен был кончиться гибелью либо царя, либо Разина. Попав в такое положение и потеряв надежду на хороший исход,

* Имя его — князь Иван Семенович Прозоровский.³¹

Разин отваживался зато на самые гнусные дела, не признавая иного права, кроме буйства, и считая, что бесчестное дело следует вести нечестными же средствами. Так пошел он в глубь области, населенной черемисами, мордвой и татарами, где очень многие пристали к нему, и подчинил своей власти эти земли и племена. К этому времени положение царских войск было тяжелым: одни были перебиты, другие разбрелись, а некоторые перешли в лагерь изменников. Дело было почти проиграно, когда появился князь Барятинский; он рассеял отряды заговорщиков и нанес им такой удар, что Разина, раненого, едва вынесли с поля боя. В скором времени в сильное замешательство привела его и неудачная осада города Симбирска, оборону которого возглавлял Иван Богданович, мужественный человек, ни за что не согласившийся сдать город.³² Попад в такое опасное положение, Разин немного отступил, чтобы дать своим возможность собраться. Речь шла об исходе всего дела, и того, чего он не смог добиться в открытом бою, он старался теперь достигнуть, используя неудовольствия граждан и внутренние раздоры, чтобы потом, обратив все в пустыню, расчистить себе прямой путь к царской власти, которой он жаждал.

21. Вот о чем неотступно думал тиран. Он нанял и разослал разведчиков, которые должны были сообщать, что творится в Москве. Кроме этого, он отобрал самых отъявленных негодяев, которые должны были тайно ходить по русским землям и, где только смогут, устраивать пожары. Он надеялся полным разорением поставить царя в безвыходное положение и в то же время посеять новые мятежи. Страхи нигде в это время не были так велики, как в Москве. В особенности двор имел основания для таких опасений, поскольку здесь тайно взвешивали все сведения о понесенных потерях и о мятежах, возникавших повсюду. Потомство вряд ли поверит тому, что один человек за столь короткое время занял такую территорию и опустошил такие области, что на прострaнстве в 260 германских миль³³ всё пришло в совершенный беспорядок.

* Разин и разорил эти области, и осквернил их убийствами, пожарами, грабежом, жестокостью и казнями. В записях по русской истории я нашел города: Саратов, Самара, Алатырь, Арзамас и многие другие, а также и села, лежащие на Волге, но нет смысла приводить здесь их названия.

22. Вот как обстояли дела. Имущество, жизнь, судьба жен и детей, а самое главное честь знати и достоинство царя — все было под угрозой. Приходил час последних испытаний, неся царю свидетельства непрочности его судьбы, а Разину — свидетельства его взлета. Настроения простого народа были различны и в Москве: часть начала разбегаться, радуясь мятежу, другие в ужасе глядели на надвигающуюся опасность и не могли думать о ней без отвращения. Некоторые уже считали себя жертвами

разинской тирании, хотя тирании они еще не знали; предчувствие бедствий усугубилось, когда стало известно, что сторонники бунтовщиков с факелами уже в городе и, наслаждаясь мщением, в своем безудержном гневе уже совершили несколько поджогов. Мне самому было видно, как недалеко все от гибели, особенно же царские сановники, — ведь именно их Разин обвинял во всех бедах и многих из них требовал выдать, так что их ожидала верная смерть, если бы отважный Долгоруков, сам более чем кто-либо другой находившийся под угрозой, не выручил всех.

23. А потому для укрепления порядка и законности были приняты меры, состоявшие в строгости наказаний и более всего подходящие для исправления этого племени, которое, пожалуй, только портится от мягкого и снисходительного обращения. Вскоре призваны были войска и число защитников сильно увеличено с тем, чтобы горожане не оказались добычей Разина или, оказавшись без защиты при вести о его приближении, с перепугу сами не отворили бы ему ворота, как открывали подступы и дороги.³⁴

24. Эти меры возымели самое счастливое для государя и его сановников действие. Оттого ли, что Разин утрачен был сознанием своего преступления, или оттого, что он решил сначала успокоить их, чтобы потом обмануть в нужный и выгодный для себя момент, но во всяком случае спустя немного времени он решил вступить в переговоры с царем, выставляя определенные условия. Но было слишком поздно, ибо всякому милосердию пришел конец, а требованья человека, посягнувшего на верховную власть, было непристойно слушать, опасно обдумывать и гибельно принимать.³⁵

25. Итак, во главе войска теперь был поставлен Долгоруков. Он должен был положить конец беспорядкам и вступить в бой с Разиным: победит — хвала ему, а его победят — собственной своею кровью заплатит этой воре, питающей к нему особую ненависть. Долгоруков, русский князь, не стал медлить: напротив, употребив свое мужество и опыт, он своевременно позаботился обо всем, что могло стать нужным, и, выйдя со всеми своими силами навстречу бунтовщикам, добился успеха, с ходу обратив в бегство пятнадцатитысячный их отряд, которому Разин дал неподходящего предводителя.³⁶ От Разина требовались предусмотрительность и забота о том, чтобы объединить силы и действия отрядов, чтобы не возникали раздоры между ними, так что он совершил роковую ошибку, лишив войско своего присутствия в тот самый момент, когда решалась судьба всего дела. Упустив возможность действовать успешнее, он уже не мог добиться своей цели: ведь теперь полки его — в раздоре друг с другом — шли куда им вздумается, да и вообще сборище сорвавшихся со своих мест казаков, стоит им оказаться без начальника, можно разогнать без особого труда.

* Полное его имя и титул: князь Юрий Алексеевич Долгоруков. Удачнейшим образом сдержав напор заговорщиков и расположившись лагерем под местечком Арзамас, он сосредоточил все свои усилия на том, чтобы всякий раз подавлять бунтовщиков без промедления. Не меньше Долгорукова в общем русском деле отличился и соратник его, которого русские называют окольным (ослопиза). Свое мужество показал он во многих схватках, обращал заговорщиков в бегство и заботился о том, чтобы государство и войско не понесли ущерба.³⁷ Это я мог узнать из записей по русской истории.

26. В дальнейшем основные действия русских войск развернулись в двух сражениях; одно произошло под местечком Мурашкино, где очень отличились пемцы: русским пришлось бы уйти с поля боя (они уже начали отходить), но немецкая конница подошла к ним на помощь и, врезавшись в самую гущу мятежников, смешала их ряды и обратила в бегство. Число убитых было огромно, а всех, попавших в плен, перебили. Второе сражение произошло у местечка Лысково; здесь пали лучшие силы мятежников, и сражалось уже не столько войско, сколько беспорядочная толпа, страшная только совершенным своим отчаянием.³⁸ И действительно, резня была ужасающая, а тех, что попались живыми в руки победителей, ожидали в наказание за государственную измену жесточайшие муки: одни пригвождены были к кресту, другие посажены на кол, многих подцеплял за ребра багор — так постыдно они погибли. Но никого не наказывали строже, чем казаков мордвинов, если не считать некоей женщины, которую сожгли за то, что монашеский чин, к которому раньше принадлежала, она сменила на военные одежды и дела.³⁹ Тех, что сначала смогли бежать, а потом были схвачены, свирепо казнили прямо на месте, а бежавших в безлюдные места (solitudines)^p заморили голодом.

27. Так решилась судьба бунтовщиков, а главу их, Разина, загнали в тесные и пустынные места, и сотенный начальник Корнила Яковлев ласковыми речами убедил его в том, что война, как он сам видит, пришла к концу и что теперь нужно вместе отправиться к царю и там самому молить о прощении, самому защищать себя, самому рассказать о тех обидах, которые были ему нанесены. Разин, потерявший уже веру в себя и отчаявшийся в своем деле, слушается советчика. А поскольку поначалу с ним обходились ласково и почти так, как если бы он был свободен, то стараниями Корнилы в сопровождении многочисленного отряда — на самом деле это была стража — удалось привезти его в столицу рутенов Москву.⁴⁰

28. Он не достиг еще города, когда навстречу были высланы две тысячи стражи, чтобы охранять его покрепче: они схватили

^p Solitudines, может быть, просто «стени».

его, надели оковы на шею и ноги и поставили под виселицу, возвышавшуюся прямо на повозке. За ним, привязанный цепью, шел его брат Фролко, обвиняемый по тому же делу и тоже законанный, чтобы подвергнуться наказанию наравне с братом. Их обоих доставили в Москву.⁴¹ На допросах Разин так твердо переносил пытки, что, несмотря на множество избивавших его улик и свидетельств, не мог рассматриваться как изблеченный и осужденный на основании собственных своих показаний.⁴² Но поскольку предстояло слишком долго вести следствие по делу, и без того ясному, то решено было, что в интересах государства надо поспешить с казнью и положить конец ходившим в народе толкам о причинах и истоках этих событий, чтобы не будить ненависти ко двору и новой угрозы для царя. И вот его привели к месту казни. Он выслушал смертный приговор, но, решительно не умея измениться к лучшему, еще более держался своей непокорности. Так что можно поверить, что он совсем забыл себя и думал не об искуплении своей вины, не о предстоящей ему перемене, но только о своем нынешнем позоре.

29. И действительно, когда его передали палачу, он нимало не озаботился тем, чтобы душой приготовиться к смерти; напротив, движения его выражали гнев и ненависть, и видно было, что он предпочел бы, чтобы Россия погибла от злой напасти, чем спаслась его погибелью. Казнь была публичной, и, чтобы мучения его были страшнее, сначала отрубили ему руки, потом ноги; но он принял эти удары, ни одним вздохом не выдав своих страданий. Он был так непреклонен духом, что не слабел в своем упорстве и не страшился худшего, и, уже без рук и без ног, сохранил свой обычный голос и выражение лица, когда, поглядев на оставшегося в живых брата, которого вели в цепях, окрикнул его: «Молчи, собака!».* Таково было неодолимое бешенство тирана: раз он не мог прибегнуть к оружию, он решил мстить молчанием, и даже пытками не могли принудить его рассказать о злодейских путях и тайнах его преступных дел. Именно поэтому в смертный час он попрекнул и выбралил своего брата, считая для себя горестным, а для брата постыдным, что тот, прежде его сотоварищ и помощник во всех делах, теперь не в состоянии был отнестись к смерти с презрением. Действительно, тот стал просить, чтобы ему позволили говорить с царем, и варвар понял это так, что из страха смерти брат решил выдать все его дела, тайну которых он хотел сохранить. О чем тот говорил царю, когда его отвели с места казни, точно неизвестно.⁴³ Мне довольно и того, что для Разина неприятно и совсем не безразлично было заподозрить — вполне, впрочем, основательно и справедливо, — что брат откроет

* По-русски *multschi sabacka*. По-русски же и боевые кличи: *notschay* («неожиданно») — в бою под Мурашкином и *hou'd'a rodiom* («давайте пойдем») — в сражении у Лыскова.

его желания и цели. Царь потом смягчился этим признанием и не казнил его тогда, считая, что достаточно держать его под стражей, потому что он заслужил, чтобы потомки отличали его от брата не только по его раскаянию, но и по мере наказания.

30. После этого Разин, непреклонный перед мучениями и самой неизбежностью, был предан казни; голова, руки и ноги насажены были на заостренные колья, а обрубок тела брошен псам. Безобразно разодранный и истерзанный, он являл отвратительное зрелище, ему самому в поношение, а другим в виде урока,* иного конца и не заслужил тот, кто изменил своему государю, был врагом и предателем своего отечества.

Комментарий

¹ Борисфен — древнегреческое название Днепра, а не Днестра.

² Гирканское море — древнегреческое название Каспийского моря.

³ Иоганн Гравинкель — пастор реформатской церкви в Москве. Умер в 1676 г. Вальдемар, принц датский, сын короля Христиана IV, прибыл в Москву в январе 1644 г. с целью бракосочетания с царевной Ириней Михайловной. Свадьба не состоялась из-за отказа Вальдемара удовлетворить требование о принятии православия. Однако правительство, уничтожившее в 1643 г. по просьбе русского духовенства три лютеранские церкви в Белом и Земляном городе Москвы, с целью привлечь Вальдемара вновь разрешило поставить кирку за Земляным городом (Д. Цветаев. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, с. 71—78).

И Уложение разрешало ставить кирки «за городом» «от церквей божних в дальних местах» (Уложение, гл. XIX, ст. 40), а также в случае исков к иностранцам «иноземцев к вере приводит по их вере в приказах же» (гл. XIV, ст. 3).

⁴ Татарское иго на Руси длилось не «около 300 лет», а примерно 240 лет (1237—1480).

⁵ Менезий Павел, шотландец, приехал в Россию около 1660 г. и был оставлен при дворе. В 1672 г. отправлен посланником к германскому императору, курфюрсту бранденбургскому, в Венецию и к папе просить помощи полякам против турок. Миссия прошла успешно, за что Менезий был пожалован в генерал-майоры и определен в наставники к Петру Алексеевичу.

⁶ Николай Гейнзиус, голландский филолог, был резидентом Генеральных штатов в Швеции и послан в 1669 г. в Москву для посредничества между Швецией и Россией. Еще в Швеции Гейнзиус тяжело болел, в Москве ему стало хуже, однако, невзирая на это, ему не разрешили нарушить обычай и приехать ко двору в карете.

⁷ Очевидно, Марций приписывает Михаилу то, что по праву может принадлежать его отцу, Филарету, энергичному и властному человеку, руководившему правительством более 10 лет. Общее число лет царствования Михаила равно 32 годам (1613—1645), а не 28, как указано у Марция.

⁸ Имеется в виду Андрусовское перемирие 1667 г.

⁹ Алексей Михайлович действительно отличался приверженностью к церкви и богомольям, но разрыв с Никоном, претендовавшим на приоритет церковной власти над светской, показывает, что интересы крепнущей самодержавной власти царя были в политике Алексея Михайловича определяющими.

¹⁰ Имеется в виду Русско-польская война 1654—1667 гг. Она явилась не следствием подстрекательства бояр, как утверждает Марций, а стала

* Это было о 6 июня 1671 г.

неизбежной в результате воссоединения с Россией Украины, до того входившей в состав Польши.

¹¹ Тихонович — П. Т. Траханиотов, окольный и глава Пушкарского приказа, которого автор в отличие от судьи Земского приказа Л. С. Плещеева назвал не по фамилии, а по отчеству. Оба были убиты во время московского восстания 1648 г.

¹² Ссылка на казнь князем Ю. А. Долгоруковым брата С. Разина — Ивана как на причину выступления Разина против царя получила широкое хождение за рубежом (см.: с. 120 данного сборника; Записки иностранцев, с. 107, 120). В русских источниках эта версия не находит подтверждения, по всей вероятности, потому, что русские источники преимущественно правительственного происхождения.

¹³ Взгляды Марция на этимологию слова «казак» совпадают с тем, что утверждал автор «Сообщения. . .» (Записки иностранцев, с. 107), но при этом Марций называет источник, откуда почерпнуты сведения, — сочинения Павла Пясецкого. Следуя своей манере, Марций указывает и свое мнение, принадлежащее Рейнгольду Гейденштейну (см. с. 63), которое несомненно ближе к действительности. Слово «казак» («козак») тюркского происхождения, означает «вольный», «гуляющий человек», на половецком языке — «страж». В русском языке того времени «казак» — вольный человек, воин, свободный от тягла (государственных повинностей).

¹⁴ Зажиточная часть украинского казачества была включена при польском короле Стефане Батории (1576—1586) в так называемый «казацкий реестр», т. е. список казаков, состоящих на военной службе и получающих государственное жалование. Украинские казаки, находившиеся под властью польского короля, действительно не имели в отличие от донских права выбирать своих начальников.

¹⁵ П. Дорошенко, ставший в 1665 г. гетманом Правобережной Украины, опираясь на военную помощь татар и турок, разгромил польские войска и овладел Правобережьем. В 1672 г. Турция при поддержке П. Дорошенко, перешедшего в турецкое подданство, начала войну за захват Украины. Русские войска с участием нового гетмана Левобережной Украины И. Самойловича нанесли поражение турецкому войску (Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. — Ученые записки МГУ, 1946, кн. II, вып. 94). В данном случае высказывания Марция являются непосредственным откликом на текущие события. Сожаления автора об уходе украинских казаков Правобережья из-под власти Польши отражают общеевропейскую тревогу перед агрессивней со стороны Турции.

¹⁶ 1665 г. — казнь брата С. Разина — Ивана. 1667 г. — поход донского казачества под предводительством С. Разина на Волгу, ознаменовавший начало Крестьянской войны. Немецкое сочинение о С. Разине — «Сообщение. . .», напечатанное в 1671 г.: «Kurtze doch Wahrhaftige Erzählung von der blutigen Rebellion in der Moscau. . . Emden, 1671 (Записки иностранцев, с. 84, 106—119).

¹⁷ «Преступный подлый люд» и «сброд» — в подавляющей массе крестьяне центральных и южных уездов, бежавшие от крепостной неволи к казакам на Дон. Сочинение Марция дает еще одно свидетельство массового бегства крестьян на Дон, где они образовали костяк отрядов С. Разина.

¹⁸ Иван Подкова (ум. 1578) — предводитель запорожских казаков, а затем молдавский господарь. Во главе отряда казаков и молдаван выступил против турецкого господства, занял г. Яссы и провозгласил себя господарем. В 1578 г. был разбит турецкими войсками и местными боярами. Казнен во Львове.

¹⁹ Филипп I Великодушный (1504—1567 гг.), ландграф гессенский (с 1518 г.). Один из вождей князей-протестантов в их борьбе против императора Карла V в 30—50-х годах XVI в.

²⁰ И. Марций едва ли не первый из иностранцев дал хотя и краткую, но не лишнюю интереса характеристику Никона, его деятельности и объяснение обстоятельств отрешения от патриаршего престола. Эти объяс-

нения не во всем отвечают действительности. Перед нами скорее не ход событий, а атмосфера придворных интриг, эскиз обстановки, в которой идет борьба за влияние на царя.

²¹ Рукопись, из которой Марций приводит выдержку относительно Никона, нам неизвестна. Неизвестен и ее автор, но Марций дает ему весьма лестную характеристику. В данной рукописи мы, очевидно, имеем новое оригинальное свидетельство об использовании Разина дела Никона и самого имени патриарха. Первое свидетельство такого рода находим в анонимном «Сообщении . . .» (Записки иностранцев, с. 114). В нем говорится, что, по известию, исходящему от Разина, на одном его судне находится Никон. Орывок рукописи, использованный Марцием, текстологически отличается от соответствующей части «Сообщения. . .», и в нем речь идет о наличии у разинцев изображения патриарха, а не его самого, что позволяет считать это свидетельство самостоятельным. В целом оценка Марцием и автором цитированной им рукописи стремления Разина использовать дело Никона в своих интересах отличается крайним рационализмом, который едва ли в такой мере мог быть присущ предводителям крестьянских восстаний того времени.

²² Имя нового патриарха неверно. Иосиф был патриархом до Никона (1642—1652), а ему наследовал Иоасаф (1667—1672).

²³ Факт использования повстанцами в агитационных целях имени умершего царевича Алексея Алексеевича, якобы бежавшего от произвола бояр, подтверждается русскими источниками. См., например, приговор по делу Степана и Фрола Разиных (Кр. война, т. III, с. 86). Отдельные «прелестные» письма писались от имени царевича Алексея, а в ряде захваченных повстанцами селений народ «целовал крест» царевичу Алексею (там же, т. II, ч. 2, с. 168, 186).

Из «Сообщения. . .» известно, что в стане Разина за царевича Алексея выдавали «потомка одного из пятигорских черкесских князей», каковым, вероятно, был князь Андрей Черкасский, сын кабардинского мурзы Камбулата Пшимаховича (Записки иностранцев, с. 114, 123).

²⁴ Катилина Луций (ок. 108—62 гг. до н. э.) — римский политический деятель, организатор дух заговоров. Пытался поднять обездоленные массы и использовать их восстание, чтобы провести конфискацию земель богатых и знатных и захватить власть в Риме. Был изгнан и погиб в битве против армии консула Цицерона. Созданный в речах Цицерона и сочинениях Саллюстия образ Катилины послужил причиной преувеличения роли его заговора.

²⁵ Хотя Марций и ссылается на рассказы «весьма серьезных людей», других свидетельств, за исключением сообщений западноевропейских газет (см. с. 36), о появлении сторонников Разина в Москве в период восстания с целью разведки положения дела не имеется.

²⁶ Свидетельство о том, что С. Разин в 1667 г. «двинул уже подготовленных к мятежу людей», важно, так как показывает понимание событий современниками и имеет значение для определения хронологических рамок Крестьянской войны.

²⁷ Лаконичный очерк действий Разина в первый период восстания (поход на Волгу и Каспийское море) в основных чертах соответствует действительности. Под возвращением отряда Разина на Волгу подразумевается, очевидно, то обстоятельство, когда Разин, покинув в марте 1668 г. Яик, вышел в Каспийское море, но к персидским берегам пошел не сразу, а первоначально направился к устью Волги, где имел стоянку недалеко от Астрахани.

Говоря о совместном выступлении персов и русских против Разина, автор, очевидно, совмещает два одновременных обстоятельства — сражение войска шаха с разинцами и выступление навстречу им из Астрахани отряда воеводы С. И. Львова. О действиях отряда Разина в Персии см. с. 166—174 настоящего издания.

Мидия — в древности страна в северо-западной области Иранского пагорья.

²⁸ В действительности не С. Разин «стал молить царя о прощении», а, как свидетельствует участник этих событий Л. Фабрициус, астраханский воевода С. И. Львов, высланный с большими силами в Каспийское море навстречу Разину, передал ему «милостивую грамоту» царя, которую Разин принял, так как его отряд находился в бедственном положении.

²⁹ Грумбах Вильгельм (1503—1567 гг.) — потомок одного из рыцарских родов Восточной Франконии. Поднял восстание имперского рыцарства против князей и императора. Убил вюрцбургского епископа, который отнял от него земли. После осады и взятия императорскими войсками Готы, оплота повстанческого войска, Грумбаха был четвертован.

³⁰ Автор далек от истины, утверждая, что в войске Разина не было дисциплины. Л. Фабрициус, находившийся в повстанческой войске в Астрахани, свидетельствует по этому поводу: «Как бы неслыханно этот разбойник ни тиранствовал, все же среди своих казаков он хотел установить полный порядок. Проклятия, грубые ругательства, бранные слова. . . — все это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить. Ибо если кто-либо уворовывал у другого что-либо хоть не дороже булавки, ему завызывали над головой рубаху и насыпали туда песку и так бросали его в воду» (Записки иностранцев, с. 53—54). То же самое подтверждает другой очевидец, Стрейс: «В некоторых других вещах он (Разин, — А. М) придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд» (Стрейс, с. 201).

³¹ Весь § 17 представляет собой переложение соответствующей части «Сообщения. . .» (Записки иностранцев, с. 109—110). Повторены и неточности, имеющиеся в «Сообщении. . .». В действительности воевода И. С. Прозоровский попал в соборную церковь, где был захвачен повстанцами, после того как был ранен в живот при обороне Вознесенских ворот (Попов. Материалы, с. 251).

Старший сын И. С. Прозоровского был убит, но тело его отправлено в Москву. А младший сын после подвешивания за ноги отдан матери Прасковье Федоровне (ПСРЛ, М., 1968, т. 31, с. 217).

³² Выступление воеводы Бярятинского и ранение Разина имели место при осаде повстанцами Симбирска, оборону которого возглавлял Иван Богданович Милославский. Марций же так строит свое изложение, что складывается впечатление об отсутствии связи между этими событиями и об их последовательности.

³³ Германская миля — $7\frac{1}{2}$ км.

³⁴ Указание на сосредоточение войск в Москве на случай возможного прихода Разина вполне согласуется с тем, что целью его похода была Москва.

³⁵ Сведения о том, что С. Разин после поражения под Симбирском, но в разгар борьбы в Среднем Поволжье пытался вступить в переговоры с царем и выставлял определенные условия, неоднократно появлялись на страницах западноевропейских газет (см. с. 137), откуда их, очевидно, и почерпнул наш автор. Однако эти сведения представляются маловероятными и, надо полагать, являлись вымыслом.

³⁶ Сведения об успехе Ю. Долгорукова «с ходу» неточны. Долгоруков 1 сентября 1670 г. направился из Москвы в Алатырь, но сопротивление повстанцев заставило его остановиться в Арзамасе, где он и занял оборонительную позицию. Лишь с середины октября его отряды начали наносить удары отдельным группировкам повстанцев (Кр. война, т. II, ч. I, с. 161, 169, 171, 192 и др.). Первое крупное столкновение Долгорукова с отрядом повстанцев произошло у с. Путятина Арзамасского уезда. Повстанцы потерпели поражение, а атаман Семен Савельев был казнен (там же, с. 86—87, 92).

³⁷ Вторым полковым воеводой, товарищем Ю. Долгорукова, был князь окольничий К. Щербатов.

³⁸ Сражение под с. Мурашкиным в октябре 1670 г., которому предшествовали осада и взятие Макарьевского Желтоводского монастыря, и под с. Лысковым наряду со сражением под г. Шацком были крупнейшими бит-

вами, которые положили конец распространению восстания на запад (в направлении центральных уездов), локализовав его по линии р. Оки. Выделяя роль иностранных войск в сражении под Мурашкином и сообщая о действиях их конницы, Марций дополняет сведения, содержащиеся в «Сообщении. . .», в котором в связи с этим сказано лишь, что немецкие офицеры заслужили одобрение царя за умелое командование своими людьми (Записки иностранцев, с. 112).

³⁹ Имеется в виду старица (монахиня) Алена, которая была предводительницей одного из повстанческих отрядов. Алена была схвачена в одном из сражений и сожжена по приказу Долгорукова (Кр. война, т. II, ч. I, с. 367).

⁴⁰ С. Разин, как известно, попал в руки войскового атамана Корнилы Яковлева не в результате уговоров, а после того как в апреле 1671 г. домовитые казаки во главе с Яковлевым осадили и сожгли казачий городок Кагальник, в котором находился Разин (Кр. война, т. II, ч. I, с. 100, 101; т. III, с. 33—34, 44, 50).

⁴¹ Описание привоза Разина в Москву в основных чертах совпадает с тем, что имеется у других иностранцев — очевидцев событий: Рейтенфельса (с. 119), автора «Сообщения. . .» (Записки иностранцев, с. 114) и Т. Хебдона (Записки иностранцев, с. 130). Новое у Марция заключается лишь в указании количества стражи (две тысячи), высланной из Москвы для конвоирования Разина и его брата. Наиболее детальное и, вероятно, точное описание конвоя Разина содержится в письме Т. Хебдона (Записки иностранцев, с. 130).

⁴² Данное замечание автора любопытно со стороны судопроизводства того времени. Разин своей стойкостью и молчанием при попытках сорвал основной довод доказательности — признание вины подсудимым, даже если признание получено в результате применения пытки.

⁴³ Фрол Разин при виде казни брата крикнул: «слово и дело государево», — после чего его повели в застенок Приказа тайных дел (Записки иностранцев, с. 115). Эти слова несомненно слышал Степан Разин, когда, будучи лишен конечностей, крикнул брату: «Молчи, собака!». На новом допросе Фрол сказал: «Как де его пытали во всяких ево воровствах, и в то де время он второях и от многой пытки в память не пришло». Он сообщил, что его брат запрятал в засмоленный кувшин «воровские письма» и закопал их на одном из островов Дона (Кр. война, т. III, с. 94). Предпринятые по наказу царя поиски закопанного кувшина не дали результата (Кр. война, т. III, с. 170). Казнь Ф. Разина была отсрочена почти на шесть лет.

ИЗВЕСТИЯ О ВОССТАНИИ С. РАЗИНА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И ХРОНИКАХ XVII в.

Среди иностранных источников о восстании С. Разина особое место занимают известия, появившиеся на страницах тогдашних газет и других продолжающихся изданий. Эти сообщения служили в свое время основным видом информации западноевропейской читающей публики о событиях в России и уже в силу этого представляют несомненный интерес для историков.

Публикуемые ниже газетные заметки и составленные на их основе рассказы тогдашних исторических хроник воссоздают хотя и неточную, и противоречивую в деталях, но в целом весьма широкую картину народного движения, сотрясавшего на протяжении ряда лет крупнейшее государство Европы.

Во второй половине XVII в. сообщения о событиях в России появлялись на страницах западноевропейских газет более или менее регулярно,¹ в особенности после установления в 1660-х годах почтовых линий, соединявших Россию с Западной Европой. Одна из этих линий шла из Москвы через Псков и Ригу и далее по Балтийскому морю в Гамбург, а другая соединяла Москву через Вильно и Варшаву с Центральной Европой. Срок поступления известий из России в Германию составлял 3—4 недели,² во Францию — до 1,5 месяца.

¹ По подсчетам М. Вельке, на 36 000 страницах сохранившихся немецких газет 1609—1649 гг. о России говорится 750 раз, т. е. одно упоминание о России приходится на 48 страниц. В 1650—1689 гг. количество информации о России увеличивается примерно втрое: о «московитских делах» упоминается на каждой шестнадцатой странице немецких газет (M. Welke. *Russland vor Peter dem Grossen im Spiegel deutschen Presse des 17 Jahrhunderts.* — *Jahrbuch der Wittheit zu Bremen*, 1969, Bd. 13, S. 109—112).

² В заметке из Москвы от 17 августа 1668 г. гамбургская газета «Северный Меркурий» («Nordischer Mercurius») сообщала: «Его царское величество установило хороший порядок в почтовом деле, так что впредь письма из Гамбурга сюда [в Москву] будут приходить совсем иначе, чем прежде, и смогут

Наряду с известиями, поступавшими непосредственно из Москвы, сообщения о событиях в России содержались и в письмах, прибывавших из соседних с Россией стран — чаще всего из Польши (Вильно, Варшава) и из балтийских земель (Рига, Ревель, Стокгольм). Некоторые газетные заметки восходили к рассказам немецких, голландских, польских, шведских дипломатов и купцов, возвращавшихся из России. Впрочем, в большинстве случаев известия были анонимными и установить их авторство не представляется возможным.

Так же трудно установить место первоначальной публикации того или иного сообщения, ибо тогдашние газетчики регулярно заимствовали друг у друга интересовавшие их материалы, причем заимствования эти охватывали не только отечественную прессу, но и газеты других стран. Одно и то же сообщение (иногда точно воспроизведенное, а иногда деформированное при переводе или по другим причинам) кочевало из газеты в газету, из страны в страну, становясь, таким образом, общим достоянием западноевропейской прессы.

Публикуемые фрагменты немецких, французских и голландских газет и хроник дают представление о том фонде известий о восстании С. Разина, которым располагали западноевропейские издатели в 1670—1672 гг. Это представление не является исчерпывающим, поскольку газеты и хроники XVII в. сохранились очень плохо и рассредоточены по фондам различных советских и зарубежных библиотек.³ Поэтому данная публикация, отражая современный уровень знания о европейской прессе XVII в., не исключает появления в будущем новых интересных находок.

Несколько заметок о восстании С. Разина извлечено из гамбургских газет 1670—1671 гг. — «Северного Меркурия» («Nordischer Mercurius») и «Европейской субботней газеты» («Europäische Sambstägige Zeitung»). «Северный Меркурий» был одной из самых известных и распространенных в то время газет. Основанный в 1655 г. гамбургским издателем Г. Грефлингером (Greflinger), он выходил в свет вплоть до конца XVII в.⁴ Гамбург был крупнейшим центром почтовой связи немецких земель с другими странами (в том числе и с Россией), и поэтому издатель «Северного

быть доставлены за 20 дней или, самое большое, за 21 день. Если учесть длину пути, то это и вправду очень хорошо.

³ Нами были обследованы фонды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Государственной библиотеки СССР им. Ленина, Библиотеки Академии наук СССР, библиотеки Тартуского университета, а также ряда библиотек Берлина, Дрездена и Лейпцига. Пользуемся случаем выразить благодарность сотрудникам Отдела истории немецкой прессы Государственной библиотеки в Бремене (Staatsbibliothek Bremen, Deutsche Presseforschung) Э. Блюм и М. Вельке, любезно выславшим фотокопии хранящихся в их библиотеке газет.

⁴ Die deutschen Zeitungen des 17 Jahrhunderts, Bd. 1. Bremen, 1971, S. 184.

Меркурия» располагал обширной информацией, зачастую переходившей из его газеты на страницы других изданий.

Впрочем, мы не имеем возможности установить, являлись ли публикуемые заметки «Северного Меркурия» первоначальными вариантами соответствующих известий о С. Разине или они были заимствованы Грефлингером из других газет. Так или иначе эти известия были широко распространены в тогдашней немецкой прессе, о чем свидетельствует включение их в состав изданий, представлявших собой компиляции сообщений, напечатанных ранее в немецких и зарубежных газетах.

Роль подобных «копилок новостей» играли «ярмарочные известия» (*Messerelationen*), возникшие в конце XVI — начале XVII в. в качестве предшественников еженедельных и ежедневных газет, а затем продолжавшие существовать наряду с газетами и выполнявшие функции своеобразных обзоров прессы.⁵

Дважды в году во Франкфурте-на-Майне и трижды в году в Лейпциге происходили крупнейшие в Европе ярмарки, посетители которых живо интересовались всем, что делалось в мире. Учитывая этот интерес, немецкие издатели стали регулярно выпускать сводки известий о событиях, происшедших в промежутке между ярмарками.

Во Франкфурте эти сводки выходили весной и осенью под названием «Продолжение исторических известий» (*«Relationis historicae continuatio»*). На титульном листе франкфуртских известий продолжало сохраняться имя их первого издателя — Я. Франка.

Лейпцигские «ярмарочные известия» выходили к новому году, к пасхе и к михайлову дню и назывались «Десятилетним историческим рассказом» (*«Zehnjährige Historische Relation»*), ибо в пределах каждого десятилетия отдельные выпуски (*Continuationen*) имели самостоятельную нумерацию. На протяжении большей части XVII в. лейпцигские известия выпускались под именем их основателя — Г. Винтермоната.⁶

«Ярмарочные известия», черпавшие материалы из газет, являлись в свою очередь одним из важнейших источников ежегодных исторических хроник, представлявших собой еще более обширные компиляции газетных сообщений, официальных документов и других печатных и письменных известий о событиях истекшего года. Наиболее известная из этих хроник носила название «Европейский дневник» (*«Diarium Europaeum»*) и издавалась в 1651—

⁵ А. Л. Гольдберг. Известия о России в западноевропейских периодических изданиях XVII в. — Вопросы истории, 1961, № 7, с. 205.

⁶ L. S a l o m o n. Geschichte der deutschen Zeitungen. Bd. 1. Oldenburg, 1900, S. 23—31; K. S c h o t t e n l o h e r. Flugblatt und Zeitung. Berlin, 1922, S. 225; W. S c h ö n e. Drei Jahrhunderte Leipziger Presse. — Zeitungswissenschaft, 1936, № 11, S. 557.

1681 г. во Франкфурте-на-Майне Мартином Майром (Maур) под псевдонимом Irenicus Elisius.⁷ Ежегодная сводка повостей выходила и на голландском языке в Гаарлеме под названием «Голландский Меркурий».⁸

В 1676—1680 гг. в Альтоне, близ Гамбурга, регулярно выходило в свет в качестве приложения к «Альтонским известиям» («Altonaischen Relation») издание, именуемое «Поучительные досуги». Составитель этого издания — священник Иоганн Фриш (1636—1692 гг.) — придал ему форму беседы двух вымышленных лиц — Евгения и Марино (Eugenius, Marino) — о наиболее примечательных текущих событиях. Материалы для этих бесед Фриш заимствовал из современных ему газет, хроник, брошюр и т. д. Очевидно, некоторые из использованных Фришем источников до сих пор не стали достоянием исторической науки, поскольку в ряде случаев события описываются им более детально, чем в какой-либо другой из известных нам тогдашних публикаций.

Это относится, в частности, к «26 беседе» за 1677 г., один из разделов которой посвящен восстанию С. Разина. Отвечая на вопрос «Евгения» об обстоятельствах казни Разина, «Марино» рассказывает историю восстания начиная от взятия Астрахани вплоть до расправы над Разиным в Москве. Большая часть рассказа представляет собой дословное воспроизведение заметок, опубликованных в 1670—1671 гг. в газетах и ярмарочных известиях. Исключение составляет яркое описание судьбы сподвижницы Разина «старичы Алены». По сравнению с известным эпизодом казни Алены в «Сообщении касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным»,⁹ рассказ Фриша вносит дополнительные черты в обрисовку образа этой народной героини.

Публикуемые материалы позволяют проследить процесс воспроизведения известий о восстании С. Разина в изданиях различного типа.¹⁰ Так, например, наиболее раннее известие о начале восстания (из Москвы, 14/24 августа 1670 г.), помещенное в «Европейской субботней газете», было перепечатано в весеннем выпуске

⁷ G. M e n t z. Die deutsche Publizistik im XVII Jahrhundert. Hamburg, 1897, S. 5.

⁸ Hollandtsche Mercurius, vervaetende de voornaemste Gheschiedenissen, voorgevallen niet alleen in Christenryck, meer oock in Asia, Africa en America. Haarlem.

⁹ Записки иностранцев о восстании С. Разина. Под редакцией А. Г. Манькова. М., 1968, с. 112—113.

¹⁰ Публикуется, как правило, лишь наиболее ранний из сохранившихся вариантов известия, а последующие его перепечатки не воспроизводятся. Лишь в тех случаях, когда позднейшие варианты существенно отличаются от первоначальных, они приводятся в подстрочных примечаниях. В особенности это относится к материалам из «Голландского Меркурия», во многом совпадающим с более ранними немецкими и французскими корреспонденциями.

франкфуртского «Продолжения исторического рассказа»¹¹ и в «Европейском дневнике».¹² Известие из Риги от 22 августа/1 сентября, публикуемое ниже по тексту «Северного Меркурия», также вошло в «Европейский дневник».¹³

Другое известие из Риги — от 26 августа/5 сентября, — опубликованное в «Северном Меркурии», приводится во франкфуртском «Продолжении исторического рассказа» в сокращенном виде,¹⁴ но в «Европейском дневнике» восстанавливается первоначальный текст.¹⁵ Столь же полно воспроизводит «Европейский дневник» и известие от 9/19 сентября с Нижней Эльбы,¹⁶ сохранившееся на страницах «Северного Меркурия».

Более трудно восстановить историю распространения в немецкой прессе известия о казни С. Разина. Публикуемый «Подробный отчет» об этой казни хранится ныне в городском архиве в Штральзунде в составе комплекта гамбургских газет 1671 г. и представляет собой, по-видимому, приложение к «Северному Меркурию». Точно такой же текст (без отдельного титульного листа и без изображения С. Разина) напечатан в ганноверской «Европейской понедельничной газете»¹⁷ в качестве корреспонденции из Москвы от 10/20 июня 1671 г.¹⁸ В дальнейшем часть этого текста попала на страницы франкфуртских и лейпцигских «ярмарочных известий», а также в «Европейский дневник» и в «Голландский Меркурий», однако во всех этих изданиях рассказ о расправе над Разиным оказывается гораздо более подробным, чем в газетах.¹⁹ Причем если источником «Голландского Меркурия» послужило «Сообщение. . .»,²⁰ то определить весь круг источников описания казни С. Разина в немецких хрониках пока нет возможности.

Допустимо лишь предположить, что эти версии рассказа о расправе над Разиным, так же как и многие другие сообщения «ярмарочных известий» и погодных хроник, восходили к газетным материалам, находившимся в распоряжении тогдашних франкфуртских и лейпцигских издателей, но до нашего времени не дошедшим. В таком случае, знакомясь с публикуемыми ниже текстами «ярмарочных известий» и «Европейского дневника», мы

¹¹ Relationis historicae semestralis vernalis continuatio, Franckfurt, 1671, S. 68.

¹² Diarium Europaeum, Bd. 23, 1671, S. 56—57.

¹³ Ibid., S. 57—58.

¹⁴ Relationis historicae. . ., S. 68—69.

¹⁵ Diarium Europaeum, S. 59—60.

¹⁶ Ibid., S. 97.

¹⁷ «Europäische Montags Zeitung», 1671, № XXX, S. 3—4.

¹⁸ Эта информация любезно предоставлена также М. Вельке.

¹⁹ Ввиду важности этого рассказа ниже публикуются все его варианты.

²⁰ Записки иностранцев. . ., с. 84, 106.

через их посредство получаем представление о той информации, которая в доступных нам немецких газетах отсутствует.²¹

Наряду с материалами немецких газет видное место занимают сообщения о восстании С. Разина, извлеченные из французской «Газеты» («La Gazette»). В 1670-х годах ее издавали сыновья знаменитого врача и писателя Теофраста Ренодо, основавшего «Газету» в 1631 г. «Газета» выходила 2—3 раза в неделю и по общему объему информации занимала едва ли не первое место в тогдашней европейской прессе.²²

Со времени Т. Ренодо газета являлась по существу официальным органом и отражала позиции французских властей по вопросам внутренней и международной политики. Отличительной чертой заметок, помещаемых в этой газете, была их крайняя лаконичность и полное отсутствие красочных деталей, характерных для многих немецких изданий.²³

Некоторые известия о восстании С. Разина поступали к издателям «Газеты» непосредственно из соседних с Россией стран (из Польши, Швеции), а иногда «Газета» ссылалась на корреспонденцию из Москвы и Риги, полученную в Гамбурге или в Бремене. Очевидно, в последних случаях издатели «Газеты» заимствовали материалы из немецкой прессы, причем в процессе перевода и обработки эти заметки значительно отдалялись от текста оригинала, и поэтому содержащиеся в них сведения требуют серьезной критической проверки.

Важным дополнением к публикации материалов европейской прессы о С. Разине являются переводные известия о Крестьянской войне, находившиеся в составе рукописных «Ведомостей» («Курантов») XVII в., хранящихся в ЦГАДА.²⁴

Рукописные «Ведомости» XVII в. возникли в условиях укрепления Русского государства и роста его международного значения, когда интересы правящей феодальной верхушки требовали постоянной информации не только о событиях за рубежом, но и о том, что думают о России, в каком тоне о ней пишут. Одним из средств этой внешнеполитической информации и явились русские рукописные «Ведомости» XVII в. («Куранты»), составлявшиеся в Посольском приказе.²⁵ Изучение сохранившихся ори-

²¹ A. L. Goldberg. Deutsche Quellen des 17 Jahrhunderts über S. Razin. — Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1970, № 28/IV, S. 211.

²² E. Natin. Histoire politique de la presse en France, t. 1. Paris, 1859, p. 67.

²³ А. Л. Гольдберг. Известия о России в газете Т. Ренодо. — Труды Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, 1963, т. XI (14), с. 139—141.

²⁴ ЦГАДА, ф. 155/1, «Куранты», 1671, д. 7.

²⁵ Русские рукописные газеты XVII в. назывались по-разному: «Переводы с ведомостей», «Перевод с немецких вестовых писем», «Переводы с голландских вестовых курантов», «Переводы с цесарских и голландских курантов»

гиналов рукописных «Ведомостей» показывает, что их источниками являлись не только переводные извлечения из зарубежных газет XVII в., как это отмечалось в работах некоторых дореволюционных и советских исследователей, но и в значительной мере также «Вестовые письма», т. е. донесения русских послов, дипломатических агентов России за границей (русских и иностранных), иногда записи в Посольском приказе «расспросных речей» лиц, прибывавших из-за рубежа.²⁶

Пометы, встречаемые в рукописных «Ведомостях» XVII в., показывают, что круг их читателей был весьма ограничен (царь и правительственная верхушка).²⁷ Получаемые Посольским приказом иностранные газеты держались в строгой тайне «для того, чтобы ни один частный человек не узнал прежде двора, что происходит внутри государства и за границей».²⁸ Однако отдельные извлечения из русских рукописных газет попадали иногда в рукописные сборники XVII в. и распространялись таким образом за пределы Посольского приказа.²⁹

Рукописные «Ведомости» XVII в. еще мало изучены.³⁰ Между

и т. д. Название «Ведомости» по отношению к рукописным газетам XVII в. употреблялось как идентичное «Курантам». В указе Петра I о печатании «Ведомостей» от 15 декабря 1702 г. говорилось: «Печатать куранты, по-нашему ведомости» (ЦГАДА, ф. рукописей Московской синодальной типографии, д. 67, л. 125). По В. Далю, «Куранты» — старые газеты, ведомости (Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, с. 221). Название «Куранты» происходит от латинского *currens* — бегущий, текущий. Так обыкновенно называли газеты в Голландии в XVII в. и в других странах Запада.

²⁶ В фонде ЦГАДА (155/1) мы часто находим на полях рукописных «Ведомостей» пометы, указывающие фамилии переводчиков. На оригиналах иностранных газет встречаются пометы «переведены». Например, под 1669 г. (д. 10, л. 2) читаем: «Переводил Иван Тяжкогорский». Из оригиналов рукописных «Ведомостей» XVII в. видно, что поступавшие от иностранных и русских зарубежных агентов донесения, вестовые письма и всякого рода другая информация направлялись на имя начальника Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокина (1667—1671 гг.), а с 1671 г. — на имя А. С. Матвеева, с 1676 г. — на Л. И. Иванова и т. д. Из работы С. А. Белокурова «О Посольском приказе» известно, что в этом приказе был большой штат переводчиков; среди них он называет подьячего Симоновского, в ведении которого находилась вестовая почта — вестовые письма в 70—80-х годах XVII в. (М., 1906, с. 53). По материалам ЦГАДА можно установить довольно широкий круг лиц, занимавшихся в Посольском приказе рукописными «Ведомостями» XVII в.

²⁷ Пометы эти сохранились в ЦГАДА (ф. 155/1); см. также: А. А. Покровский. К истории газеты в России. — В кн.: «Ведомости» времени Петра Великого, вып. 2. М., 1906, с. 28—29; С. Я. Марлинский. Первая допетровская рукописная газета. — Исторический журнал, 1954, № 5, с. 74.

²⁸ Ю. Килбургер. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась через всю Россию в 1674 г. СПб., 1820, с. 149.

²⁹ Записки Желябужского с 1682 по 1709 г. СПб., 1840; С. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII ст. М., 1903, с. 193.

³⁰ Краткую справку о рукописных «Ведомостях» XVII в. мы встречаем в статье А. Я. Булгакова, где он пишет, что «самые старинные „Ведомости“

тем в них встречается ряд важных материалов о России второй половины XVII в., преимущественно о ее внешней политике. В меньшей мере рукописные «Ведомости» XVII в. содержат отклики на события внутренней жизни страны.

Среди материалов рукописных «Ведомостей», до сих пор не использованных и не опубликованных, имеются переводы зарубежных известий о Крестьянской войне под предводительством Разина. Таких откликов за период последней трети 1670 г. и за первую половину 1671 г. насчитывается свыше 30. Лишь незначительная часть из них не включена в публикацию, как дублирующая известия, извлеченные из самих газет. Но те из них, которые хотя и дублируют известия, почерпнутые из газет, но содержат при этом дополнительные сведения, включаются полностью. Включаются также и те дублирования, которые не представляют собой дословного перевода, а путем вольного переложения отражают отношение русской стороны к описываемому событию. Вот один из характерных примеров.

Корреспонденция из Варшавы от 31 января 1671 г. переводится следующим образом: «Из Москвы ведомость, что смущение тамо еще настояло и будто Разин Астрахань и Казань взял. . . И будто

сохранившиеся в Московской государственной коллегии иностранных дел архиве от 7129 г. (1621). . . заключаются в рукописных, так называемых столбцах и не что иное суть, как переводы их современных европейских ведомостей о разных в Европе военных действиях и мирных постановлениях» (Ответ на библиографический вопрос. — Московский телеграф, 1827, № XVI/13, отд. I, с. 7). Почти через 30 лет А. Ф. Бычков в специальной работе, посвященной печатным «Ведомостям» начала XVII в., существенно дополнил поверхностные, чисто внешние наблюдения А. Я. Булгакова, указав, что важным источником рукописных «Ведомостей» являлись посольские донесения и находившиеся при них приложения (Первые русские «Ведомости», печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855, с. 6—7).

В начале XX в. А. А. Покровский сделал попытку разобраться в сохранившихся в архиве Министерства иностранных дел рукописных «Ведомостях» XVII в. (ныне хранятся в ЦГАДА). В своей работе «К истории газеты в России» он исследовал ряд вопросов, касавшихся составления и отчасти содержания рукописных «Ведомостей» XVII в. (с. 11—37). Несколько позже А. Н. Шлосберг в работе «Происхождение периодической печати в России» (СПб., 1914) использовал хранившиеся в Библиотеке Российской академии наук копии отдельных списков рукописных «Ведомостей» XVII в. (с. 12—13).

Советские исследователи хотя и мало занимались исследованием рукописных «Ведомостей», но подошли к ним по-новому. В. Д. Кузьмина в своей специальной брошюре касается классового содержания рукописных газет XVIII в. и отмечает, что они являлись первым звеном в зарождении и становлении периодической печати в России (В. Д. Кузьмина. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII веке. М., 1948, с. 5). П. Н. Берков в специальном исследовании более подробно остановился на анализе рукописных газет XVII в., причем отметил, что рукописные «Ведомости», или «Куранты», изучены очень мало (История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 31). Оригиналы рукописных «Ведомостей» XVII в. частично использовал в своей диссертации С. Я. Марплинский (см. его автореферат: Петровские «Ведомости» как исторический источник. Одесса, 1950, с. 6—7).

тамо приехал посланник швейцарской для договора, именуя ево царем астраханским. Так же будто шах персической в то смущение примешивается некоторых ради разств о Хвалимском море. . .». И еще: «А про войска царского величества в письмах твердят, будто все побиты». Передача содержания корреспонденций при помощи условной формы «будто» вполне отражает негативное отношение русской стороны к ряду известий западной прессы. В большинстве случаев перевод не дословен, а представляет собой приблизительное переложение содержания оригинала с акцентом на тех местах, которые привлекли особое внимание Посольского приказа. Таким образом, значение предлагаемых материалов «Ведомостей» как источника сводится по крайней мере к трем моментам: они пополняют объем информации о восстании Разина, содержащийся в публикуемых материалах европейской прессы; дают представление об объеме и характере информации о восстании, получаемой из-за рубежа русским правительством; наконец, показывают отношение русской стороны к известиям зарубежной прессы о Разине.

Переходя к оценке всего материала прессы как источника, следует подчеркнуть, что объем достоверных сведений в известиях западноевропейских газет о ходе восстания С. Разина не очень велик. Многие сведения этих известий преувеличены и нередко вымышлены. К разряду таких известий можно отнести, например, сведения о том, что армии Долгорукова и других командующих были разбиты, а сам Долгоруков взят Разиным в плен, что в Москве поднялось восстание бояр, а некоторые из них находятся в связи с Разиным. Самому движению Разина придавалась определенная политическая окраска — Разин рассматривался как претендент на русский престол. Отсюда вымышленные сведения о присвоении Разиным княжеского и даже царского титула и о шести пунктах его требований, якобы предъявленных царю (см. с. 125, 137).

Сам характер требований показывает, что за рубежом природу движения Разина понимали превратно, как борьбу за русский престол или вообще за власть над какой-либо территорией. Рисовались картины возможного расчленения России. Правда, к чести западноевропейских репортеров, следует отметить, что они сами не всегда выдавали свои сведения за достоверные и не всегда были уверены в этом. И все же создается впечатление, что дело не обошлось без определенного и преднамеренного искажения сведений о положении в России и нагнетания ужасов с целью создания за рубежом общественного мнения, подготовленного на случай вмешательства европейских государств во внутренние дела России. Такие сообщения иногда заканчивались сентенцией о том, что на Западе русских «утешали надеждой на помощь союзных народов», в частности на помощь даже со стороны французской короны, государства, игравшего далеко не первую роль в дипломатических,

а тем более военных отношениях России в 60—70-е годы XVII в. (см. с. 120, 124).

Публикуемые материалы исключают какие-либо сомнения в том, что в дипломатической борьбе за пересмотр условий перемирия 1667 г. польская сторона возлагала большие надежды на внутренний кризис в России, на возможное ее ослабление. Дело дошло до того, что в одной из корреспонденций сообщалось о намерении Разина просить Польшу не оказывать помощи царю и об обещании при этом условии вернуть сейму земли и города, отошедшие к России по Андрусовскому перемирию.

Ту же позицию занимала и Швеция. К сожалению, мы не располагаем, за небольшим исключением, корреспонденциями из шведских газет, но то, что известно из немецкой и французской прессы и зафиксировано в русских «Ведомостях», недвусмысленно говорит, что и шведское правительство в расчете на ослабление России готовилось вырвать уступки с ее стороны. А «Ведомости» сообщают о том, что шведский король питал намерение оказать военную помощь Разину. Зарубежная печать писала о подобных планах и со стороны персидского шаха (см. с. 137). Наконец, степень беспомощности царского правительства намеренно преувеличивалась в известиях, отражавших мнение кругов, заинтересованных в ослаблении Русского государства (польские и шведские власти, верхи немецкого населения прибалтийских городов).

Безусловно, от русского правительства требовалось немало дипломатического искусства, чтобы сохранить status quo отношений с соседними государствами в столь сложной внутренней и внешней обстановке. Стремясь нейтрализовать повышенный интерес иностранных держав к восстанию Разина, правительство обязывало своих послов говорить за рубежом о силе царского войска и его успехах в борьбе с Разиным. В арсенале дипломатических средств была и очевидная дезинформация. Русский посланник, полковник ван Стаден, прибывший в марте 1671 г. в Ригу, охарактеризовал положение в России в самых радужных тонах, сообщив и о пленении Разина, хотя подобное событие произошло месяцем позже (см. с. 138, 139). Русская сторона даже в разгар тяжелых сражений с повстанцами предпринимала определенные демарши в ответ на происки зарубежной дипломатии и враждебные выпады европейской прессы. В ноябре 1670 г. в ответ на предложение союза со Швецией, привезенное тем же ван Стаденом, царь поручил ему помогать, чтобы наказаны были газетчики, распространяющие непристойные речи о государе, бывшем патриархе Никоне и С. Разине.³¹

Во время переговоров в Посольском приказе в декабре 1672 г. шведскому посланнику А. Эвершильту был также заявлен протест

³¹ Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России по 1800 г., ч. IV. М., 1897, с. 190—191.

относительно враждебных к России статей в «Курантах». Указывалось и на то, что шведский король по требованию русской стороны не разыскал и не вернул воровской лист, посланный Разиным в Карельскую и Ижорскую земли.³²

Даже позднее, когда события Крестьянской войны были далеко позади, в 1676 г., во время переговоров русских и шведских послов о союзе против Турции и Крыма, со стороны России был предъявлен перечень нарушений условий Кардисского мира; в их составе находился пункт о том, что во время восстания Разина в Риге и в других шведских городах печатались «авизы», в которых унижалось достоинство царя. «И такие-то полные лжи Куранты подданными короля распространялись по всей Европе».³³

Но бесспорно и другое. Русское правительство не отвергало возможности использования военной помощи соседних держав в борьбе с Разиным, если бы сам ход событий привел к этой необходимости. Уже в начале Крестьянской войны, в 1667 г., прибывшие в Москву польские послы — черниговский воевода Беневский, референдарий Бростовский и секретарь Шмелинг — заключили договор об образовании союзной армии по 25 тысяч с каждой стороны на случай выступления против турок, татар и бунтующих казаков.³⁴ Наконец, иностранные наемные офицеры и солдаты широко использовались в составе русского войска в сражениях с отрядами Разина.

Такова подоплека той негативной стороны в освещении русских событий, которая является преобладающей в зарубежной прессе. И в этом плане публикуемые материалы служат важным источником, показывающим, в какой мере особенности подачи материала для западноевропейского читателя были увязаны с внешнеполитическими событиями того времени. Но и в чисто позитивном плане предлагаемые материалы сообщают ряд ценных сведений. Из ряда сообщений газет очевидно, что участие иностранных войск, в том числе офицерства, в подавлении восстания Разина было гораздо большим, чем думали до сих пор. Названы имена офицеров, погибших в сражениях с отрядами Разина, и в частности тех, которые были склонны к измене царю (см. с. 132). Таким образом, известия прессы, а также факты, приводимые Марцием, показывают, в каких широких масштабах использовались иностранные офицеры в борьбе с Разиным. Ценными являются сведения о том, что жестокости и тирания Долгорукова вызвали массовый переход жителей районов сражений на сторону разинцев. Следует подчеркнуть также значение новых сведений о героической

³² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Составитель Е. А. Шведова. Т. III. М., 1959, с. 285—286.

³³ Г. Ф о р с т е н. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. 1648—1700. ЖМНП, 1899, июнь, с. 321.

³⁴ Н. Б а н т ы ш - К а м е н с к и й. Обзор внешних сношений. . . , ч. III, с. 140.

старице Алене, о которой мы знаем пока очень немного. Несомненное значение имеют газетные сообщения о привозе С. Разина в Москву и о его казни. Они принадлежат иностранцам — очевидцам события — и, хотя по понятной причине во многом совпадают с теми описаниями, которые нам уже известны, отнюдь не сводятся к ним целиком.³⁵ Существенной деталью новых описаний казни служит указание на то, что иностранцы, допущенные к лобному месту, стояли так близко, что были обрызганы кровью казненного. Имеется ряд других частных — количество конвоя, положение Разина на повозке и др., что позволяет рассматривать газетные описания казни как самостоятельные. Любая из этих корреспонденций не обходит молчанием мужество и стойкость С. Разина при пытках и казни. Заключая краткое введение, отметим, что публикуемые материалы газетных сообщений и хроник служат прежде всего важным источником для изучения международного резонанса Крестьянской войны под предводительством С. Разина.³⁶

³⁵ Записки иностранцев. . . , с. 114, 115, 125, 130, 131.

³⁶ Выражаем благодарность В. Г. Тришман за участие в переводе текстов из «Голландского Меркурия».

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ И ХРОНИК

«Europäische Sambstägige Zeitung», 27 VIII 1670, № 35

In Moscovien war, dem Verlaut nach, eine grosse revolte entstanden, und ob gleich der Czar an die Rebellen einen Brieff, worinnen Er sie zum Gehorsam ermahnet, geschicket, so hätten sie doch denselben zerrissen und verbrennet, auch die Überbringer selbigen Schreibens auffhencken lassen, wesswegen Seine Czarische Mayest. in der Stadt Moscauw die Canonen auff die Wälle bringen lassen.

«Nordischer Mercurius», 6 IX 1670

Riga, vom 20 Augusti.

Auß Moßkau verlautet vom 2 Augusti nochmals was jüngst wegen der Tartarischen Rebellion ist übergeschrieben worden, daß, nämlich, die Tartarn über 100000 Mann starck ganz Astracan und selbige Haupt-Stadt mit Gewalt eingenommen, auch vor 50000 Mann Munition und Gewehr darin gefunden hätten. Und ob schon der Groß-Fürst 16000 Mann dargegen geschickt hätte, so wären doch solche biß auf einen Mann umgekommen; Ob nun schon hierbey verlautet: Daß der Groß-Fürst solche Rebellen mit etlichen Tonnen Goldes befridiget hätte, so melden doch junge Briefe von Moßkau ein anders. Heutige Briefe aus Narva von 5 Tage alt melden eben daßelbige von der Rebellion.

«Europäische Sambstägige Zeitung», 1670, № 38

Moscow, 14 Augusti.

Es ist grosse Nachricht einkommen, dass der bekandte Rebelle, Stephan Teimoficz Raisin nicht allein an Volck und Mannschafft täglich zunehme, sondern auch im Astracanischen grosse progres-

sen thäte, gestalt er denn auch, nachdem von ihm die wider ihn ausgesandte Strelitzen in die Flucht geschlagen, und etliche Tausend derselben erleget, hierauff die Stadt Astracan selbst berennet, und weil die darin sich befindliche Guarnison wider des Commandanten Willen ihm die Thore geöffnet, selbige eingenommen, und den Commandanten, nebst denen Kniassen und Bojaren, so dem Gzar trew verblieben, auffhencken lassen. Die Plünderung der Kirchen war durch den Metropolitenden daselbst noch verhindert worden. Gemelter Rebell hatte eine Missive an den Archimandriten nach Casan abgehen lassen, mit dem Begehren, dass derselbe ihm bey seiner Ankunfft mit gebührender Ehrerbietung entgegen kommen solte. Man besorget, dass er sich gleichfalls der vesten Stadt Terki, so die eusserste ist, womit des Czaren Gebiet gegen dem Caspischen Meere sich endiget, sich zu bemächtigen suchen werde, und weil dieser Ort ferne von hier gelegen, auch der Secours bey so unbestellten Sachen schwerlich erfolgen dörrfte, als stehet zubefahren, dass sie auch in des Rebellen Bottmässigkeit gerahen werde, und dörrften also die Commerciën mit Preussen und Reussland auff einmahl weggehen, auch würde Moscow dergestalt in grosse disordre gerahen, weilln bisshero von der Seiten her alle die gesaltzene Fische, der diese Nation, wegen so vieler Fasttage, sehr benöthiget, nie auch das Saltz anhero gebracht worden. Ingleichen sind Jährlich 40000 Pferde auss denen Quartieren dem Czaren zukommen.

Der wider die Rebellen aussgecommendirte Moscovitische General Dolhoruki begehret eine Armee von 100000 Mann, sonst er dem Feinde unter Augen zu gehen sich nicht getrawe: Der Hoff aber befindet solche Macht für unmöglich auffzubringen, weilln die Gemeine den fünfften Pfenning hiezu, auss Fürwendung der wahren Unmöglichkeit, nicht contribuiren wollen.

«Nordischer Mercurius», 1670

Riga, vom 1 Sept.

Es continuirt, daß Astrakan durch die Rebellen, als Cosacken und vermengte Tartarn von der Mosskau sey abgerissen worden. Von Casan verlautet dergleichen. Ist solches auch weg, so ist auch ganz Siberien verlohren. Auf solchen Fall ist der Moskowiter in seinem alten Stande, wie er Anno 1554, gewesen ist, und muss er den Astracanern Contribution geben, um einen freyen Handel zu haben. Diese Rebellen sollen in 150000 Mann starck und derer Haupt ein alter heimlicher Feind von Mosscau, Nahmens Stepan Timothemus Raisin seyn. Was wir aus der Mosscau selbst hiervon haben ist folgendes vom 14 Augusti. Es hat der Rebell Stepan erstlich Saringa und andere Plätze, an dem Wasser Wolga, darnach auch auf der Höhe von Astrakan einige Oerter überwältiget, und darauf mit seinem

groben Geschütze die Passage von selbiger Revire verhindert. Wie nun der Gouverneur von Astrakan 6000 Mann unter dem Vice Gouverneur ihm entgegen geschickt und der Rebelle solche mit einem sonderlichen Stratagemate ganz geschlagen, so hat er sich darauff erkühnet die Vestung Astrakan selbst anzugreifen.^a

Alls nun solche Besatzung durch die 6000 geschlagene sehr geschwächet, und auch wegen schlechter Bezahlung unwillig gewesen, so hat solche sich wenig zur Gegenwehre gestellet, ist also der Rebell fast ohne einige Resistenz am 5 Jul. dieses considerablen Platzes Meister geworden. Der Gouverneur mit den Seinigen und einige fremde Officirer haben sich etwas gewehret, man hat sie aber bald überwunden, und ihnen Händen und Füsse abgehauen, hernach aufgehangen. Einer auss Nederland, Nahmens Botteler lag mit seinem Schiffe daselbst, und wehrte sich lange, endlich wurde er doch auch übermanned und mit den Seinigen getödtet.

Die Kirchen Plünderung ist durch der Geistlichen Bitte noch abgewendet worden. Wie es scheint, so haben diese Rebellen den Vorsatz alle grosse Reusische Herren, und zwar meistens die militärische Häupter hinzurichten. Sie haben in Astrakan einen grossen Krieges Vorrath sonderlich von Geschützen bekommen. Es gibt dieser Verlust allhier grosse Bestürtzung, weil ein vierdter Theil dieses Reiches damit verlohren, und der Handel von dannen nach Persien, wie auch das abbringen von Saltz, Fischen und andern Wahren gesperret ist. Man sorgt, dass dieser Rebell sich weiter hieher begeben werde, weil er an den Metropolit von Casan geschrieben hat; dass er Ihm auff dem Wege begegnen sollte, als Possessor von Astrakan, und man vermärckt es, dass der Zulauff zu ihm selbst von hier gross sey.

Befindet man sich also fast sehr entblöset, ihm mit rechter Macht zubegegnen, ob man schon alle Mittel eyferigst bedencket und hervor suchet, und soll unter einem Knäsen Jurian Alexius Dolgarincka genant ein Läger formiret werden.⁶ Das Geld aber gebracht und excusirt sich die Gemeine mit ihrer Unvermögenheit.

So viel auss der Mosskau. Wie es ferner ablauffen werde soll nicht unvermeldet bleiben.

Wir Liefländer hoffen hiedurch die von Mosskau uns schwer gemachte Tractaten bald etwas leichter zu befinden (S. 569—574).

^a Cp.: «*Hollandsche Mercurius*», *Het XXI Deel*, 1671, S. 113: «Stefan Razin had. . . omtrent Astrachan, 't welck ghebeurde door een stratagema die hy ghebruyckte, om dat den Gebieder van Astrachan, sich al te onvoorsichtigh engagerende door desen Rebel wierde bedrogen, die sijn Schuyten in Pramen aen Lant had laten leggen, veynsende te willen vluchten».

⁶ «*Hollandsche Mercurius*», *Het XXI Deel*, 1671, S. 113—114: «De Czaerse Majesteyt oock beducht voor desen Rebel, die seer beleeft was; en veel van de beste Moscovise Officiers in zijn handen en tot zijne devotie hadde ghekrege, oock der Moscou een groote Stadt dreygde, doch onstercke Plaets was, dede aenstonts met goeden yver onder Knes Jurian Dolgorincka een vliegent Leger by een rucken. Maer mede hy den ged. Rebels soodanigen oorbant gaf, datter veele van de zijne het weer om komen vergaten».

Riga, vom 5 Sept.

Man hat von Französ. Seiten mit Moskau eine Zeitlang sonderliche Correspondenz gepflogen, vielleicht in Armis eine Diversion zu machen. Es wird aber nun schwerlich geschehen, denn alle Reisende aus Moskau die Rebellion confirmiren. Das Haupt hiervon läst sich nun tituliren: Fürst Stephan Razin Ottoman. Er hat nun beyde grosse Königreiche Astracan und Casan so gut als in seiner Gewalt, und nimt eine Stadt nach der andern ein. Er ist ein schlechter Kerl gewesen, und hat vormahls vor einen Hackenschützen bey einem Obristen gedienet, auch mit den Cosacken auf dem Caspischen Meer gestreiffet. Weilen nun dessen Bruder durch Befehl des Dolhoruckii in Moskau ist gehänckt worden, so kommt dieser also hervor seines Brudern Tod zurächen. Er hat erstlich 40 à 50 Cosacken an sich gezogen, die haben ihm bis an 6. a 700 Mann geholfen, womit er seine Macht erstmahls gebrauchete und die, welche nicht gut Razinisch schienen, oder ihm als einen neuen Fürsten gehorchen wollten, tödten lies. Dieses machte ihm einen grossen Anhang, dass er also hiemit die Stadt Astracan und ein mehrers gewann. Er hat in Astracan des Gross-Fürsten von vielen Jahren her gesammelten Schaz, und sonsten auch einen grossen Reichthum bekommen, alle Deutsche und Schweden daselbsten in die Dienste genommen, und aus denselben, wie auch aus denen vorzeiten gefangenen Pohlen die Klügste an sich gezogen, Reichs-Rähte davon gemacht, und einen völligen Stat fundiret. Seine Macht ist jetzt über 100000 Mann starck. Er begehrt den Dolhoruckii als Mosskowitischen Generaln, und noch 14 andere Grosse, oder Er will sie selbstnen hohlen.

Der Gross Fürst hat 3 Gesandte an ihn geschickt, und ihn von solchem beginnen abgemahnet, er hat aber ihnen allen Steine an die Hälse binden, und sie also ins Wasser werffen lassen, vorgebende, dass ihre Briefe seinen Fürstlichen Titul nicht auffgehabt hätten. Alle Völcker, die der Gross-Fürst wieder ihn sendet, fallen ab, und ergeben sich dem neuen Fürsten. Aller Handel dahin ist nun verlohren. Alles Saltz, was in Mosskau gebrauchet wird, kam von Astracan. So kamen auch jährlich etliche tausend Lasten Saltz-Fische, item Caviar und anders. Der Holl: Envoyje, Mr. Heinsius, ist vor 5 Tagen aus Mosskau ahier angekommen, welcher alles dieses confirmiret (S. 587—588).

Nieder-Elbe, vom 19 Octob.

Den 14 dises sind vier nach Hamburg gehörige Schiffe aus der Mosskau glücklich daselbst angekommen, derer Leuthe alle ein-

hellig die grosse Revoulte des oft gedachten Stephan Rassin, alss des Häubts diser Rebellion wider Mosskau, berichten. Sie haben aber bey ihrer Anwesenheit in Archangel allein von Eroberung des Königreiches Astrakan gehöret. Dass diser Rebell ein schlechter Kerl gewesen und wegen seines gehangenen Bruders zu solcher Rebellion gekommen sey, haben sie genug vernommen und dabey gehöret, dass vil Menschen, alss Tartarn, Cosacken und Mosskowiter, die oft um Ihn gewesen sind, von ihm gesaget hätten: dass er wegen seines unförmlichen Leibes, aber doch guten Verstandes, noch etwas sonderliches begehnen würde. Dann er soll kurz von Statur seyn, einen kleinen Leib aber doch zweer Männer Schultern haben.^b

Was er erobert soll er nicht vor sich zum Schaze behalten, sondern alles unter seine Anhänger vertheilen. Den Zar soll er, nach der Thomas Aniello Weis, hochachten, und sagen, dass er nichts mit Ihm, sondern nur mit seinem Feldherrn dem Dolorucko und einigen von seinen Officirern zu thun hätte.

Ganz Mosskau soll sich vor Ihm fürchten und niemand mit dem Dolorucko wider ihm aufziehen wollen. Am Gelde soll es zu einer rechtschaffenen Armee Formierung sehr gebrächen und sollen solches die fremde Patriarchen, welche der Zar aus grosse Unkosten von Constantinopel, Antiochia und Jerusalem verschriben hatte, des alten Mosskowitz. Patriarchen Lehre und Sachen zu beleuchtigen, ex auri sacra fame häufig mitgenommen haben, dieses letztere berichten die Riger (S. 638—639)..

Umständiger Bericht von dess grossen Rebellen wider Mosskau Stephen Razins Hinrichtung; Geschehen in der Stadt Mosskau der 6 Junii st. v. 1671

Es wird Zweifels ohne bereits in aller Welt erschollen seyn, wie ein Rebell des Nahmens Stephan Razin ein Cosack vor einem Jahre sich Rebellischer weise zum Haupt einer grossen Anzahlen von Cosacken und Tatraren auffgeworfen, die Stadt Astrackan und selbiges gantzes Königreich mit Gewaltt erobert und andere dinge Tyranischer weise verrichtet, dass er auch endlich die Dohnische Cosacken auff seine Seite zu bringen und also mit mächtiger Hand wider Mosskau zu agiren sich äusserst bemühet habe; so dienet nun hie-rauff auch zu wissen, dass die besagte Dohnische Cosacken sich zwar also angestellet haben, ihm bey zu fallen: Sie thaten aber solches zur List, um einen Fuchssen mit dem andern zu fangen.

Wie sie nun wusten, dass er sich mit seinem Bruder in einem schlechten Orte auffgehalten, und nichts beförchtet hatte, da haben

^b Cp.: «Hollandtsche Mercurius», *Het XXI Deel*, 1671, S. 141: «Binnen Hamburg werden doen Penninghen van het Beelt van desen Rebel geslagen, zijnde een wonderlijck postur, kort en dick, breet van schouderen, dick van buyck en billen, soo dat hy seer na de ghedaente van Esopus soude gehad hebben».

sie ihn samt dem Bruder überfallen und also beyde gefangen genommen. Ist er also am vergangenen Freytage mit 1000 Mussquetiren hieher gebracht und heute vor 2 Stunden, nach dem ich dieses schreibe, nach seinem Verdienste abgestrafft worden. Man hatte ihm hier zu einer sonderlichen Wagen von 7 Schuhe hoch verfährtiget, hierauff stundte er, dass ihn alle Menschen, derer mehr als 100000 waren, sehen kunten.

Auff dem Wagen war ein Galgen gemacht, darunter er stundte. Er war mit Ketten wol verwahret, und hatte auch eine um seinen schmale Lenden, welche sehr gross war, die Füsse waren auch damit gross beschweret, so hatte er auch eine um den Halss, welche um den Galgen umgelegt war. In der Mitten des Galgens war ein Holtz übergemacht, da Er das Haupt anlegte, die Hände waren aussgestreckt und jede an den Seiten des Wagens angenagelt.

Sein Bruder war auch mit Ketten an Händen und Füßen wohl verwaret, und waren auch seine Hände an dem Wagen angenagelt, womit Er also beyher gehen muste. Mann befundte diesen Beygänger, alss den Bruder, sehr zaghaft, dass ihm also von dem andern Haupt-Rebellen oftmalss ein Hertze eingesprochen wurde und zwar einmahl mit diesen Worten: Du weist es, da wir solches anfangen, dass wir uns auch bey widrigen Successen kein bässer Ende vermutheten, und blib diser immer bey einer Coleur und Tyranischen Miene, furchete auch den Tod gantz nicht.

Es wurde von Ihr. Zarischen Majestät uns Deutschen und andern fremden Nationen, nebst einem Persianischen Gesandten die Gnade gethan, dass uns viel Soldaten nahe hinbeyführen musten, um solche Execution vor andern recht anzusehen, und den unsrigen davon Bericht zu geben. Wie dann auch einige von dem Blute besprizet wurden. Erstlich wurden ihm die Arme, hernach die Füsse, und letztlich der Kopff abgehauen, welche fünff Stücke auf Pfahle gesteckt wurden. Der Rumpf soll auff den Abend den Hunden vorgeworffen werden, Nach ihm wurde noch ein Rebell gerichtet, und soll morgen auch sein Bruder gerichtet werden; dieses in Eyle. Wass mehr passiren wird, soll kunfftig gemeldet werden: Mosskau, zwo Stunden nach der Execution, den 6 Junii st. v.

«Nordischer Mercurius», 1671

Moscau, vom 22 Julii.

Einer von den principalesten Rebellen, genant Schortehues ist gestorben, und sind die Seinigen unter Symbirsky geschlagen worden, dass sie sich nach Jardorff haben reteriren müssen, damahl ist von Bogdanovircz Myloslaffskoy mit den Seinigen auch aldar angekommen, und ist von dannen ferner gegangen, um die Rebellen zuverfolgen, und der Städte sich wider zu bemächtigen.

Vor gewiss wird auch gesagt, dass 170 Persohnen von den Rebellen zu Symbirsky sich eingefunden, welche selber ihre Beile mit

gebracht, und sich erbeten hätten, so ferne Ihre Zarische Majest: ihnen keinen Perdon geben würde, sie sich selbst untereinander hinrichten wollten, allein es ist Befehl, dass denjenigen welche sich selber übergeben, Gnade und Leben sol geschencket seyn.

Sonst ist geviss, dass der jüngst hingerichtete Rebell das rechte Haupt Stephan gewesen sey, sein Bruder ist an denen in der Marter aussgestandenen Verreckungen wider curiret worden, und soll ehrst nach Astracan verschicket werden, um die vorgegebene vergrabene Schätze seines Bruders zuentdecken (S. 567).

Relationes historicae semestralis vernalis continuatio. Jacobi Franci Historische Beschreibung der denckwürdigsten Geschichten: So sich in Hoch- und Nieder-Teutschland, auch in Italien, Hispanien, Franckreich . . . Moldau, Moscau, Türckey . . . vor und zwischen jüngst verflössener Franckfurter Herbst-Meß deß 1670 biß in die Fasten-Meß dieses 1671 Jahrs hin und wider in der Welt zu Wasser und Land glaubhafft zugetragen. . . Durch Sigismundi Latomi, sonsten Mäurers genannt, Seel-Erben fortgeführt und verlegt. Franckfurt-am-Mayn. Gedruckt bey H. Friesen. 1671

Glaubwürdiger Bericht
von der Rebellion in
Moscovien

Von dannen (aus Copenhagen) schreibt eine gewisse Person unterm Dato dritten Octobr. «Sie habe durch Gottes Gnade ihre Räise auß der Statt Moscau, biß hieher, inner fünf Wochen abgelegt, und daselbsten von deß Stephan Razzins Rebellion viel Wunders gehöret. Er sey ein grosser Tyrann, und habe in Eroberung der Statt Astracan den Weywoden auf selbigem Schloß vom Thurm herabstürzten lassen; dessen Gemahlin und Fräulein Töchter selbst genothzüchtiget, hernach gantz nackend ruckwerts auf die Pferde binden lassen, und den Malmücken (welches die heßlichste Tartarn sind) zur Schändung übergeben. Vielen Teutschen Officiern habe er Hände und Füsse abhauen, sie in einen Sack stecken, und damit in die Wolga werffen lassen: Ihre Frauen aber habe er selbst auch geschändet, und darnach den Malmücken übergeben. Dieses alles seye geschehen, wie sie noch in Moscau war, und seye besagter Tyrann damalen von Astracan nach Casan gangen; Dargegen der Czaar ein grosses Volck, und alle Teutschen, habe auffbieten lassen. Über das habe der Tyrann zu ihrer Zeit die Wolga auch schon besetzt, daß nichts auß Siberien kommen können. Wo er nicht bald überwinden werde dörrfte es in Moscau einen schlechten Zustand gewinnen, wie dann bereits alles Volck darüber in Schrecken sey (S. 57).^r

^r Cp.: *Diarium Europaeum, T. 23, S. 98.*

Moscau will darüber fast kleinlaut werden

Dannenhero geben andere Schreiben auß Moscau vom 4 Septembr. diese Nachricht: Dieses Landes Zustands mit wenigem zu gedencken, so sey derselbe auff dieses mal so schlecht, als er jemahlen kan oder gewesen seyn mag, dann alle Handlungen ligen darnider, und könne noch niemand dieses Elend übersehen. Sie hätt en zwar Vertröstung gehabt, daß von der Cron Franckreich einiger Beystand geschehen solte, weil es aber damit sehr langsam hergethet, als fange diese Hoffnung an zu verschwinden (S. 69).

Relationis historicae semestralis autumnalis continuatio... Historische Beschreibung der denckwürdigsten Geschichten, so sich ... vor und zwischen jüngst verflommenen Franckfurter Fasten biß an und in die Herbst-Meß dieses lauffenden 1671 Jahrs ... zugetragen. Franckfurt-am-Mayn, 1671

Schlechte Zeitungen aus Moscau

So wurde auch der Zustand in der Moscau, absonderlich aber in der Hauptstadt Moscau sehr schlecht außgegeben, als von dannen man Brieff erhalten, welche berichten, daß zwischen dem Rebellen Radzin und deß Czaaren Armee abermahlen ein hartes Treffen vorgangen, wodurch diese gantz ruinirt, auß dem Felde geschlagen, und der Feld-Herr Dolorucko gefangen genommen und auff ein festes Schloß geführet worden.

Hierauff habe man viel fürnehme Cavalliere, so mit im Treffen gewesen, nach bemeldten Statt Moscau gebracht, welche zum theil verwundet gewesen.

Wie im gleichen vuß der Wilda

Über das wird auß der Wilda vom 30 Jan. dieses gemeldet: Dieses Landes Zustand werde von Tag zu Tag schlechter, und greiffe der Rebell Radzin noch immer weiter umb sich, was sich nicht gutwillig ergeben will, bezwinge er mit Feuer und Schwert, verstärcke sich auch dermassen, daß vor menschlichen Augen ohnmülig schein, demselbigen zu begegnen. Ihre beste Mannschafft sehe meistentheils ruinirt, erschlagen und von denselben gefänglich weggeführt: So seye auch der Zufall zu demselben fast unbeschreiblich: Seine Macht bestehe anjetzo über 30 000. Mann, fast lautere exercirte Soldaten, welche richtig bezahlt und wolgehalten werden: Aller Handel und Wandel sey ins stecken gerathen: Man habe sie lang auff auxiliär Völcker vertröstet, es schein aber, daß es hiemit nichts seyn werde: Es habe zwar der Czaar versucht gedachten Rebellen mit der Güte zu gewinnen, welcher aber bey demselben nichts verfangen wollen (S. 45).^A

^A Cp.: *Diarium Europaeum, T. 23, S. 358.*

Moscowitischer Rebellion blutiger Effect

Von unterschiedlichen Orten an den Moßkawitischen Gränzten wurde für gewiß berichtet, daß vor mehr gemeldter Rhazin viel grosse Moskowitische Häupter geschlagen, mit welchen auch einige tapffere Teutsche, als Obrister Mönchhausen, Obrister Quehl und Obrister Straßburg gefallen, andere auch wol bekandte Leut weiß man noch nicht, wo sie alle hinkommen (S. 46).

6 Punkten dem Moskowitischen Czaar von seinem Rebellen zum Vergleich vorgeschlagen

Hiebey continuirete noch immer fort, daß daß GroßFürsten in der Moskau Armee gantz geschlagen, und habe der Rebell nachfolgende 6 Punkten demselben vortragen lassen: 1. Wofern er, der GroßFürst, für ferner Verfolgung verschonet bleiben wolte, daß er ihn für einen König über Casan und Astracan erkennen. 2. Den Patriarchen wieder einsetzen. 3. Zwanzig Millionen an Geld erlegen. 4. Zehen von seinen Knesen außliefern. 5. Sein Bildnüß auffrichten. 6. Jährlich einen gewissen Tribut geben solte: Was nun hieran, oder nicht, davon hat man deß Außgangs zu erwarten. Unterdessen wird außgegeben, der Czaar habe zween Currierer, als einen nach Schweden, den andern nach Pohlen abgefertiget vermuthlich daselbst umb einige Hülffe anzulangen (S. 46—47).

Erzählung wie der Ertzrebell Stephan Ratzin, beneben seinem Bruder, fest gemacht, nach der Moscau gebracht, und daselbest durch eine grausame Art des Tods hingerichtet worden

Von dem Welt-Beschrienen Ertz- und Haupt-Rebellen wider Moßkau, Namens Stephan Razin, wird unterm Dato 1 Julii, vermittelt eines Extract-Schreibens aus Riga in Lieffland dieses vermeldet: Daß derselbe in Hafften gebracht, davon werde dis Orts fast nicht mehr gezweifelt, in dem alle Briefe solches bestätigen, und habe man bey letzter Post hievon folgendes: Die Art, wodurch oft bemeldter Rebell in Hafften gebracht, seye diese gewesen: Daß wie er in seinen Progressen die Dönische Cosacken auff seine Seite zu bringen, und also mit mächtiger Hand wider den Czaar zu agiren, sich eusserst bemühet, bemeldte Dönische Cosacken sich angestellet, als wann sie seinem Begehren willfahren und beyfallen wolten, gleichwol mit der Intention, durch diese List einen Fuchs mit dem andern zu fangen. Wie sie nun gewust, daß er sich mit seinem Bruder, in einem schlechten Ort, da er sich nichts befürchtet, auffhalte, haben ihn dieselbe überfallen, und sampt dem Bruder gefangen genommen, allermassen sie denn auch beyde Freytags denn 9.19 Junii, under einer Wache von tausend Musquetirern, in der Hauptstatt Moscau gefänglich eingebracht worden.

Dem Bericht nach auß bemeldter Stadt Moscau, unterm Dato 16. Junii ist selbigen Tags die Execution an dem Haupt-Rebellen Stephan Razin vollzogen worden. Damit nun dieselbe von männlichen (weilen über hundert tausend Menschen zugegen waren)

desto besser möchte gesehen, und der Übelthäter umb so viel grössere Schmach außzustehen hätte, hat man ihn auff einen Wagen, sieben Schuh hoch, und überaus breit, gestellet. Auff dem Wagen war ein Galgen gebaut, darunter stunde der Razin mit Ketten wol verwahret, deren er eine umb den Halß; die zweyte umb die Lenden; die dritte umb die Füß hatte, womit er an den Galgen geschlossen. Beyde Hände waren mit Nägeln an beiden Seiten des Wagens angenagelt, aus welchen viel Bluts geflossen. In Mitte des Galgens war ein Holtz gemacht, da er das Haupt anlegte. So war auch sein Bruder mit Ketten an Händen und Füßen verwahret, und an den Wagen genagelt, wobey er also hergehen muste, und sich sehr übel gehube, in dem er in solcher Schande, vor so viel tausend Menschen sich sehen müssen: Wie Ihn dann der Bruder selbst immer ansahe, und weil er mehr und mehr zaghaft wurde, auß Grimm gantz verbittert ihm also zu sprach: Bruder, was entsetzest du dich viel? Das hätten wir zuvor, ehe wir dieses Spiel angefangen, bedencken sollen; Nun ist es viel zu spät: Darumb werffe diese Furcht von dir: Was wir einmal hertzhafft unternommen und angefangen, dabey müssen wir bleiben. Fürchtest du den Tod? Wir hätten doch einmal sterben müssen: Oder besorgest du, es möchte den übrigen unsern Mit-Rebellen und Anhängern auch schlimm ergehen? Sie werden sich schon besser vorsehen und nichts destoweniger in ihrem Vorhaben vom Himmel gestärcket werden, daß sie sich vor solcher Straffe nichts zu befürchten haben. Über welche grimmig außgestosene Reden der Bruder noch mehrers verblasste: Razin aber liesse sich noch darzu vieler Betrohungen gegen die Moscoviter vornehmen, bis er endlich an den bestimmten Ort seines Todes gebracht worden.

Daselbsten beehrten einige fürnehmẽ Teutsche, deßgleichen unterschiedlicher Provintzen Legaten, und der Persianische Abgesandter, ihnen die Ehre zu thun, und sie mit einer starcken Conwoy von Soldaten, durch das antrungende Volck an den Wagen begleiten zu lassen; so ihnen auch verwilliget worden, damit sie alles wol außsehen und hören und demnach von der vollstreckten Execution desto gründlicher referiren könnten, gestalt sie denn auch so nahe gewesen, daß einige von ihnen gar mit des executirten Blut besudelt zurücke kommen. Mit solcher execution nun ist es folgender gestalt hergangen: Anfangs hat man ihm beyde Arme, darnach beyde Füße und letztlich den Kopff angehauen, und diese fünf Stücke auff fünf unterschiedliche Pfähle auffgesteckt, allen frembden daselbst vorüber reysenden zum abscheulichen Exempel: Der also zerstückelte Leib aber ist des Abends denen hierzu außgehungerten Hunden zu fressen vorgeworfen worden: Welches also der Außgang dieser Execution gewesen (S. 85—87).

*Relationes historicae semestralis vernalis Continuatio...
So sich ... vor und zwischen... Herbst-Meß den 1671,
biß in die Fasten-Meß dieses 1672 Jahrs ... zugetragen...
Frankfurt-am-Mayn, 1672*

Beschaffenheit der Re- Sonsten den Moscovitischen Zustand
billion wider Moscau belangend, bliebe die Zeitung immer fest,
daß deß Czaars Parthey von den Rebellen
geschlagen und keine Hoffnung sey, die Stadt und das grosse Kö-
nigreich Astracan wieder zu erobern, weil die Rebellen' selbiges
Regiment wol gefaßt und der alte Patriarch, so ein verschlagener
Kopff, sich bey ihnen befinde.

Die Moscoviter hätten erwehntes Königreich vor 116 Jahren
mit der Einwohner gutem Willen an sich bracht: Wofern sie es nun
wieder einnehmen wolten, müsten sie über 500 Meilen durch wüste
Länder marchiren, dahin man aber, im Sommer wegen der grossen
Hitze, im Winter für grausamer Kälte und grossem Schnee, schwer-
lich fortkommen könne (S. 67).^o

*Continuatio VII der Zehen-Jährigen Historischen Rela-
tion Gregorii Wintermonats. Das ist: Warhafftige Beschrei-
bung aller Denckwürdigen Historien ... so seithero der
verflossenen Leipziger Neu-Jahrs-Messe biß auf den ietzi-
gen Oster-Marckt 1671 hin und wieder in der Welt ... sich
zugegetragen. Allen Liebhabern der Historien zur Nachricht
... aus denen einkommenden Zeitungen, auch Particular-
Schriften mit Fleiß zusammen getragen und in öffentli-
chen Druck verfertiget. Leipzig, 1671*

Januar, 1671.

Von der grossen Unruhe in Moscau, woselbst der Woywoda
von Culm und der Weltliche Littauische Referendarius, Prostowski,
als Commissarien von der Cron Polen, nun mit ehesten erwartet
wurden, wolte verlauten, dass über dieses alles nicht allein die Cron
Schweden dem Czar gleichfalls den Krieg angekündigt, sondern
auch noch dazu dem Rebellen Steffan Razyn (der annoch grosse
Progressen thäte, und die Königreiche Astracan und Casan mit
ihren Haupt-Städten biss dato in seiner Gewalt behielte) den
Titul eines Königs über besagte. 2. Königreiche zugeeignet hätte,
welche jedoch vor gewiss noch nicht an zu nehmen war: Mittlerweile
aber kamen die meisten Brieffe von dannen gleichwohl in diesem
überein, dass der Zustand allda sehr schlecht, und der Czar, indem
so viel starcke Troupen, die er wieder den Rebellen ausgeschickt,
ihm zu gefallen, ietzo so scheu gemacht wäre, dass er ihm weiter
keine entgegen schicken wolte; ja es solte gar Nachricht verhanden
sey, als wären neulich viel Todte und Verwundete, und zwar sehr

^o Cp.: *Diarium Europaeum*, T. 24, S. 499.

vornehme, in der Stadt Moscau einbracht, der Feld-Herr Dolhorucki gefangen, und seine Armee meist ruinirt worden, dass man also aus Weiss-Russland die Moscoviter fast gantz vor verlohren schätzte (S. 36—37).

Februar, 1671.

Wegen der Rebellion in Moscau lieffen die Zeitungen biß dato noch sehr variabel, darunter gleichwohl das neueste dieses war, daß der Rebell Stephan Razin letzthin den 4. Septembr am Strohm Wolga die Stadt Siembieski mit einer Macht von 20 000 Mannen belagert und 15 gewaltige Stürme hinter einander drauff gethan. Die drinnen liegenden aber hätten unter dem tapffern Gouverneur Iwan Bagdanowits Milloslafski solche allerseits tapfer abgeschlagen, indem sie durch die Ankunfft des Feldherrn Knees Jurgen Mikitowits Barrowenskie secundirt, und längst dem Strohme her die Stadt also entsetzt worden: Wie er denn hierauff so gar mit denen Belagerten zugleich auff den Rebellen angefallen und ihn dermassen geschlagen, daß sie entweder das Schwert oder Wasser kiesen müssen, sintemahl der gantze Hauffe der Rebellen, biß auff 600, die gefangen und darnach ebenfalls todt geschlagen worden, geblieben wäre.

Er der Rebelle selbst solte ziemlich verwundet mit sehr wenigen auff einer Schluppe noch mit gnauer Noth entkommen seyn, und sich nach dessen Niederlage alle Plätze, so er zuvor eingenommen, vor S. Zarische Maj. (welche nun mit sehr grosser Pracht und Solemnität am 21 passato mit der Zariza Natalia Korilofna, des Geschlechts Norieskina, zu sonderbarer Freude und Vergnügen der Einwohner getrauet worden) wieder erkläret haben.

Wie man über diß vernahm, so befunde sich obgemeldter Herr Gouverneur, Iwan Bagdanowits, zu der Zeit in der Stadt Moscau, und wäre er vor seine gute Dienste von dem Zar mit einem ansehnlichen Ammte beschencket worden: So solte auch der Dolhorucki, der mit seinem Lager bißher bey Casan gelegen, vor einigen Tagen wieder da ankommen seyn, und dabey erzehlet haben, daß die Strassen und Wege von Räufern nunmehr gantz und gar gesaubert, und die Negotien anietzo aus Moscovien auff dahin, gleich wie zuvor im Schwange gingen (S. 59—60).

Martius, 1671.

Was auch eine Zeit her von des Rebellen in der Moscau gantzlichen Niederlage verlauten wollen, solches continuirte nun gar nicht, sondern man hatte im Gegentheil sichere Nachricht, dass beyde Theile wegen des Winters und grossen Korn-Mangels sich nur eine Zeit lang auff eine grosse Ferne von einander begeben hätten (S. 78).

Continuatio VIII der Zehen-jährigen Historischen Relation ... biß auff den jetzigen Michaelis-Marckt 1671 ... Leipzig, 1671

April, 1671.

Mit einigen Passagirern aus der Moscau erhielt man von dem Rebellen Stephan Razin so viel Nachricht, dass seinet wegen allda noch immer gute Aufsicht muste gethan werden, und dass so viel erschlagene, gefangene, gehangene und ersäuftte nicht von des Razin Armee, sondern lauter neue rebellirende Moscovitische Bauren gewesen wären (S. 8).

Junius, 1671.

So viel letztlich die Rebellen in Moscau belangte, meldeten Brieffe von dannen selbst, dass man solchen Rebellen noch letztlich gefangen kriegt, und ihn nun in kürzten nach der Stadt Moscau bringen würde; ja es solten auch über dies sich alle Städte selbiger Gegend, biss auff Astracan hierauff wieder den Czar, als ihren Herrn, ergeben haben, wovon die Confirmation zu erwarten (S. 52).

Julius, 1671.

... Auff diese Weise wären sie in die Stadt Moscau gebracht, und so fort gerade zu nach dem Richt-Platz, woselbst ein Feuer angelegt gewesen, geführt worden. Wie sie nun dazu kommen, hätte man den Haupt-Rebellen mit denen Armen empohr gezogen, und ihm 18 biss 20 Schläge mit einer Knotze gegeben, die er aber nicht gross geachtet, inmassen er auch dieses gar Männlich ausgestanden, dass man ihn hierauff mit dem Rücken auff's Feuer geleet, und denselben etwas braten lassen, wobey er indessen vom Bojar Dolgerock und etlichen andern über unterschiedliche Dinge befraget worden, auf derer etliche er gar frisch geantwortet, auff einige aber auch gantz keine Antwort geben wollen, und zwar solte er, als die Rede ging, hierbey etliche Grandes beschuldiget haben, dass sie mit ihm correspondiret, welches aber annoch in geheim gehalten würde.* Endlich wäre er den 16 diss darauff nach dem grossen Mar-

* «*Hollandtsche Mercurius*», *Het XXII Deel*, 1672: «... Aldus zijn zy ter tortuyre ter midden der Moscouw ghevoert, alwaer om de koelte een Vuyr was ontsteken. Desen Steynke Radsin wierdt daer or gehaelt, en kreegh op sijn uytgereckte Leden ettelijcke slagen met keen stuck Houts, en vermits hem dit noch weynigh scheen te kreunen, wierdt hy tegen't Vuyr aen-geleyt, echter hy stont alle tormenten wreedelijck deur. Onder dies wierde hem door den Heer Dolgeroock Boyaer cum suis versheyden zaken af-gevraegt. Op welke eenige Poincten hy resolute antwoort gaf, maer op de reste hieltt het met tacitus. Men wilde oock (dan onseker) den gewesen Patriarch Nickan beschuldigen, als ware die een aenhitser van dese Radzin geweest. Hy Rebel Radzin wierde eyndelijck door de Moscovise Gerechte verwenen, en den 16 deser geexecuteert op de groote Marckt, en nae veel abraeckens den Kop af-gehouwen. Sijn romp en stomp is aen d'ander sijde van het water op pennen en raders geset» (bl. 78).

ckte zu völliger Execution gebracht worden,³ woselbst man ihm, nach vieler nochmahls angethanen Marter, Arme, Beine und Kopff abgehauen, und solche Stücke nebst dem Rumpffe hernach auff Pfäle gesteckt, das Eingeweide aber vor die Hunde geworffen, dabey Ihre Czarische Maj. denen Teutschen und andern frembden Nationen, als auch dem Persianischen Gesandten, die Gnade gethan, dass er sie durch viel Soldaten nahe hinzu führen lassen, umb solche Execution vor andrn recht mit anzusehen, und denen Ihrigen davon bericht zugeben, gestalt denn einige so nahe gestanden, dass sie auch von dem Blute besprützt worden: Was aber seinen Bruder anlangte, so hätte man selben zwar auch sehr gepeiniget, doch aber ihn noch letztlich perdoniret, alldieweil er versprochen, alle Schätze, die sein Bruder Stencko an interschiedenen Orten vergraben, anzuweisen, als die vor sehr gross gehalten wurden, und in Gelde, Kleynodien und andern bahren Mobilien bestehen solten. Ob nun wohl an solcher Execution, dass selbige nemlich erzehlter massen geschehen, ferner kein Zweiffel war, so wolten dennoch die meisten noch biss dato nicht glauben, dass er der rechte Haupt-Rebelle Razin gewesen, sintemahl er selbst an seinem Ende annoch diese Worte gesprochen haben solte: Ihr tödtet eurer Meynung nach den Razin, ihr habt aber den rechten nicht, und es sind noch viele Razins, so meinen Todt rächen werden (S. 74)

August, 1671.

Brieffe aus Moscau vom 16 Passato bekräftigen auch nochmahls des offerwehnten Haupt-Rebellen, Steffan Razins Todt, meldeten aber daneben, dass seine Armee darum nicht innen hielte, rebellisch zu verfahren, und fast mehr als zuvor tyrannisiren, gestalt sie denn in der Stadt Astrackan den Metropolitzen, den Rath und die vornehmsten Burger, die auff die Zeitung von des Razins Gefängnüß sich wieder gut Moscovitisch bezeigen wollen, unmenschlich hingerichtet hätte (S. 94).

*Continuatio X der Zehen-Jährigen Historischen Relation
biß auff den jetzigen Oster-Marçkt 1672. . . Leipzig, 1672*

Decembr, 1671.

Was die Stadt Astracan belangte, würde selbigt von Sr. Charischen Maj. Armee annoch gar starck beschlossen, und hätten die

³ *Ibid.*: «. . . Hy wierde ghevoert den 16 Junij voor't Kasteel, alwaer hy op een breet Schavot bekende alle de crimen daer hy mede was beschuldight, begaen zedert't Jaer 1667 en gerabraeckt zijnde» (bl. 118).

darinnen findliche Rebellen sich neulich deswegen auff Gnade ergeben wollen, nachdem ihnen aber solche abgeschlagen worden, solten sie darauff die Resolution gefast haben, sich biss auff den letzten Bluts-Tropfen zu wehren, und ihr Leben endlich beysammen zu lassen, wesshalben es denn auch nunmehr scharff, daher ging (S. 8).

Februar, 1672.

Von hiesiger Crone Commissarien in der Moscau wurde anher geschrieben, dass der Czar weder die Conjunction der Waffen beliebe, noch von der Restitution Kyow abstehen wolte: Weil aber indessen die wiederliche Zeitung von Astracan eingelauffen, dass nemlich die Moscovitischen Völcker zwar Stadt und Schlos schon recuperirt gehabt, dennoch aber von denen Rebellen nochmahls unversehens wieder überfallen, bezwungen, und gross- und klein davon nieder gehauen worden, so hätte der Czar solches starck apprehendirt, und darum, sich etwas zu divertiren, aus seiner Residentz sich ein Lusthauss, das nicht weit davon, begeben, an seine Bojaren Befehl hinterlassend, mit denen Polnischen Commissarien inzwischen weiter zu tractiren " (S. 50—51).

Continuatio XXII Diarii Europaei, infertis variis actis publicis, oder Täglicher Geschichts-Erzehlungen Drey und Zwanzigster Theil, worinnen erhalten theils was in dem Heil. Röm. Reich, theils auch in andern... Königreichen ... in denen noch hinterstelligen Monathen deß 1670sten und ersten dreyen Monathen des 1671sten Jahrs denckwürdigst vorgegangen ... Franckfurt-am-Mayn. In Verlegung W. Serlins, 1671

Anno 1670 Octob. Moscau
ist noch unruhig

Mitlerweil gienge es in der Moscau noch wunderlich her, dann sich bey den Rebellen auch ein natürlicher Erbe von den vorigen Königen von Astracan und Casan eingefunden, welcher die Sache mit triebe, und wurde von Smolenzko und mehrern Orten vermeldet, daß die Rebellen schon 75 bis 80 Meilen von Moscau gewesen wären und in drey Armeen vertheilt marchirten. Daß auch der Feldherr Doloruko zwar mächtig gegen sie außgegangen von vielen seiner Völcker aber, welche das Gewehr nieder geleyet und sich zu den Rebellen begeben hätten, schändlich wäre verlassen worden.

So meldeten auch Brieffe selbst auß Moscau vom 16. dito an gute Leute geschrieben, daß nun im Silber und Golde in der Stadt Moscau

▪ Cp.: *Diarium Europaeum, T. 24, S. 599—600.*

nichts zu thun stünde, weil die meisten Grossen wider den Rebellen zu Felde gegangen wären und die hinterbliebene mit dem Czar täglich rathschlagten, wie diese grosse Rebellion möchte zu dämpfen seyn (S. 146).

Anno 1670 Novemb. Auß der Stadt Moscau hatte man Brieff von dreyerley Datis, das Letzte war vom 8/18 Dito dieses Inhalts: Daß zwar der Czar annoch eine grosse Musterung unter seinen Leuten halten liesse, daß aber doch indessen die fröliche Zeitung continuirte, wie der Haupt-Rebell Stephan Razin von der Czars Armee unter dem Feldherrn Doloruko nicht allein auß dem Feld geschlagen wäre, sondern auch den Weg hin, den er gekommen wäre, verfolgt würde, und man zur Wieder-Eroberung der abgenommenen Länder grosse Hoffnung hätte. Andere wolten, daß Astracan schon wieder in deß Czars Gewalt wäre. Von auffgegrabenen Strassen aber Verwahrung mit grossen Schlagbäumenⁿ und auch einer Sorge einer sonderlichen Revolte gedachten diese Brieffe gantz nichts und hätte man genug zu thun dasjenige, was auß der Nachbarschafft spargirt wurde, auß so vielerley Vermehr- und Verminderungen gründlich zu erfahren (S. 210—211).

Anno 1671 Januar. Schlechter Zustand in der Moscau Den Zustand in der Moscau betreffend, war derselbe überauß schlecht; sintemal der Rebell Razin den Feldherren Dohloruck, den General Lieutenant Badonianowsky, den General Offan Nassokyn, und fast alle Grosse Moscovitische Herren, welche zu Felde gangen, erschlagen und ihre gantze Armee verjagt.

Seine Macht bestunde von Samoyitischen, Nakitanischen und Kalmuckischen Tartarn, wie auch denen hinter der Donez zusammen gebrachtten Cosacken, welche meist Teutsche und Schweden zu Officirern hatten.

Sie haben auch seit der Eroberung des Königreichs Casan die Fürstenthümer Wiodomica, Candone, Restica und andere erobert. Der Czar Alexius Michalowitz aber hatte die Knesen und Bojaren als Czerenosow, Labanow, Kenes Worotinsky und etliche Okolnizen annoch bey sich.

Im übrigen war ein gantzer Abfall zu besorgen, zumaln auch viel Teutsche Officirer darunter der Herr General Albrecht von Buchhofen, Obr. Harwicht, Obr. David von der Bussen, Obr. Hofart und andere mehr benennet wurden. Obr. Münchhausen aber, Obr. Quell und Obr. Straßburg waren neben einigen Grossen Moscoviten umbkommen (S. 357—358).!

ⁿ Cp.: «Hollandtsche Mercurius», *Het XXI Deel, 1671*: «Steven Razzin, den Moscovisen Rebel, versuynde teghens de Czaerse Maj. seer veel, dat hy niet fluckx op der Moscou aen en trock, welcke Houte-Stadt nu met Slagh-Boomen van d' eene Straet tot d' andere was gefortificeert» (bl. 141).

Anno 1671 Februar. Rebell Radzin macht dem Moscowiter viel zu schaffen

Den Stephan Radzin belangend, gabe derselbe dem Moscowiter annoch so viel zu schaffen, daß er mit seiner erschrocklichen Kriegsmacht auß Lieffland gantzlich zurück zu bleiben genöthiget ward, massen er zu solcher extremität gebracht, daß er auch Schwedischer Hülffe benöthiget, ausser welcher es mit demselben gantz gethan zu seyn schiene; zu welchem Ende er dann den Obristen Staden, einen gebohrnen Rigischen, nach Stockholm abgefertiget, welcher umb Contramandirung deß Succurses, den gedachter Radzin haben solte, bate, erbote sich dagegen von allen strittigen Gräntzen zu weichen und der Cron Schweden Satisfaction zu geben, wofern man ihm nur Hülffe leisten würde. Immittelst musten alle Polnische Edelleuthe, die unter dem Moscowiter wohnten, zum Entsatz aufsitzen, derer aber wenig wieder kamen, und sie gleichsam nur zur Schlachtbanck geführt wurden (S. 409).

*Continuatio XXIII Diarii Europaei . . . vom Monat April
biß November 1671 . . . Franckfurt-am-Mayn, 1672*

Anno 1671 Aprilis. Zeitung auß Moscau

Auß der Moscau lieffe Zeitung ein, theils daß der Hauptrebell nicht allein aufs Haupt geschlagen und 16 000. Mann verlohren, auch gefangen worden, theils aber daß er sich gantz auß andern Ursachen zurück nach der Wolga den Weg nach Astracan hingewendet, deßwegen die Moscowitische Armee sich auch wieder zurück begeben hätte; unterdessen würde grosser Ernst gesehen, im Frühling eine neue Armee aufzurichten, gedachten Rebellen, wann er sich etwa wieder hervor thun möchte, damit zu begegnen und einige von ihm verlassene Stadt zu besetzen, im übrigen wäre gewiß, daß grosse Theurung im Lande und viel Volck von beyden Seiten in dieser Rebellion erwürget worden (S. 43—44).

Anno 1671 Majus. Zustand von der Moscau

Den Zustand in der Moscau betreffend, so ward auß der Wilda vom 18. dito folgendes berichtet:

Alle diejenige so auß Moscau kommen, avisiren einträchtig, daß die Affairen in der Moscau sehr schlecht stehen, und viele frembde Officirer abgedanckt haben, umb sich nacher ihren Landen zu begeben, weilen sie unfazunlich tractiret worden. Der Feldmarschall Dolorucko ist mit viel Volcks außgewesen, welcher Differente Plätze und Dörffer spoliret hat und viel alte und junge Menschen aufgehangen, würgen und viel Tormenten anthon lassen, darvon er eine suspicion hatte, daß sie mit dem Haupt-Rebellen von Razin Correspondenz hielten, wodurch in die Quartiren ein grosser Schröcken kommen ist von solchen Tyrannischen Proceduren. Und thun die gemeine Völcker sich nacher dem vorgeschriebenen

Rebell meistentheils begeben, welcher sie mit aller Civilität empfanget und grosse Freyheiten gibt, so nun wol umbtrentdt in 200 000 Mann starck ist, welche längst die Revier de Wolga in die Winter-Quartier gelegen haben, wordurch die Moßcowiter grosse Mühseligkeit haben sollen, weilen bey dem Rebellen mehrere Macht ist, als vorm Jahr, also daß in den Quartieren nichts mehr als ein grosser Orlog zu erwarten ist.

Vom 21 aber ward auß der Stadt Moscau selbst geschrieben, daß der Haupt—Rebell Stephan Razin, als er sein Weib und Kinder in der Stadt Chagelnick besuchet, von den Moscowitern sey außgenommen, dann als Cornelius Jacob Leo ein Cosack durch seine Kundschaffter solches erfahren, hat er dieselbe alsobalden berennet und umgeben, und deß andern Tages einen gewaltigen Anlauff darauff gethan, weilen er aber zurück geschlagen worden, hat er hierauff auß dem Läger einen Deputirten an den Rebellen abgeordnet, und ihme vortragen lassen, ob er die Stadt und sich zu gleich gutwillig aufgeben wolte, welchen er alsobald umbringen lassen. Diese wider aller Völcker Recht verübte Grausamkeit hat er so hoch empfunden, daß er noch einen gewaltigeren und hefftigern Sturm auff die Stadt gethan und dieselbe mit stürmender Hand eingenommen, besagten Rebellen auff ein Schiff gesetzt und dem Großfürsten zugeföhret (S. 115—116).

Anno 1671 Julius. Haupt-
Rebell in Moscau wird
hingerichtet

Daß es aber der rechte Haupt-Rebell Razin gewesen sey, wolten meisten nicht glauben, gestalten er selbst an seinem Ende diese Wort noch gesprochen: ihr tödtet eurer Meynung nach den Razin, ihr habt aber den rechten noch nicht, und sind noch viel Razins welche meinen Tod rächen werden. Dannenhero dann die Innwohner zu Pleßkau kein Danck-Fest halten wollen, weilen sie nicht glaubten, daß diese Execution den rechten Haupt-Rebellen betroffen: So war auch der gemeine Mann wegen besagter Execution gantz nicht zu frieden, in Meynung, daß man mit seinem Leben wider die übrigen Lebende ein mehrers als mit seinem Tod hätte richten können, und daß dieser sein Tod nur grausamer Tyranny verursachen würde, inmassen dann die Innwohner in Astracan, so sich, auf die Zeitung deß Razins Gefangenschafft, meistentheils wiederumb Moscowitisch bezeiget, von deß Rebellen mächtigen Adhärenten unmenschlicher Weise hingerichtet, zween gefangene grosse Woywoden an statt dieser beyden jämmerlich hingerichtet worden (S. 252).

Johann Frischen: Erbauliche Ruhstunden. Das ist: Merkwürdige und nachdenkliche Unterredungen, darin allerhand nützliche und erbauliche Materien abgehandelt, zugleich auch jedesmal die vornehmste Begebenheiten gegenwertiger Zeiten kürzlich eingeführt werden. 26 Unterredung. Altona, 1677

Er [Radzyn] war ein grosser vierschrödiger Kerl, von so breiten Achseln als ich niemahn einen Menschen gesehen habe. Hingegen aber umb dem Mittelleib so schmal, als irgend eine Jungfer seyn mag. Das Gesicht erwiese gnugsam was für ein trutziges Gemüht bey ihm sey. Er behielt auch solches in unverrenderter Farbe, biß an sein Ende, und gab in dem geringsten kein Zeichen einiger Empfindlichkeit von sich.

¶ Wenig Tagen nach ihm ward ein Nonne verbrand, diese hatte sich als eine Amazonin bey ihm ungemaine Proben mehr als männlicher Tapfferkeit erwiesen. Als gedachter massen einige seiner Troupen durch den Dolhoruky geschlagen, hatte sich diese, so derselben Führerin gewesen, in eine Kirche retireret, aus welcher sie dermassen widerstand gethan, daß sie erst alle ihre Pfeile verschissen, dadurch sie noch 7 oder 8 erleget, her nach aber da sie gesehen, daß kein Widerstand mehr helfen wollen, ihren Säbel abgegürtet, dahin geworffen und sich mit ausgestreckten Armen für dem Altar auff Angesicht nieder geworffen, in welcher Positur die eindringende sie gefunden und gefangen genommen. Dies Mensch muß ungemaine Stärke gehabt haben, weil in der Dolhorukischen Armee niemand gefunden worden, der den Bogen so sie gefüret biß zum Ende anzuziehen vermögt. Ihren Muth ließ sie auch bey ihrer Hinrichtungen blicken, denn sie trat getrost auff die nach Moskowitische Manier von Holtz, Stroh und andern leicht brennenden Materien bereitete Hütte und, nachdem sie die Creutz und andere Ceremonien gemacht, sprang sie hertzhafft hinunter, und riß den Deckel nach sich zu, ließ auch, als alles in Flammen stund, nicht die geringste Stimme hören (S. 401—402).

«La Gazette», 1670

N° 119 (4 Octobre 1670).

De Riga, le 4 Septembre 1670. Nous sommes, tousjours, dans la crainte d'une rupture avec les Moscovites, depuis que le Grand Duc a temoigné qu'il ne vouloit point accepter la Mediation qu'on luy offroit sur notre Differant. On espere, neantmoins, que les Troubles qui sont dans ses Estats, l'obligeront, enfin, à traiter avec moins de rigueur: car on nous assure, que les Sujets rebelles, s'estans assemblez au nombre de plus de cent-mille, se sont emparez de la ville d'Astrachan, et mesmes, qu'ils ont fait main-basse sur 20000 Soldats, qu'ils avoit envoyez pour la secourir (p. 493).

N° 127 (25 Octobre 1670).

De Riga, le 25 Septembre 1670. Les Troubles Moscovie, s'augmentent journellement: les Rebelles, ensuite de la prise d'Astracan, s'estans, aussi, emparez de Casan, et de plusieurs autres villes importantes. Le Grand Duc fait tous ses efforts pour s'opposer à tant de Progrez: et comme il voudroit épargner le sang de ses Peuples, il a écrit au Chef de ces Rebelles, pour le gagner par la douceur: mains, bien loing de reconnoistre sa faute, on dit qu'il a fait mourir cruellement, ceux qu'on lui a envoyez, et qu'il a protesté de ne point desarmer, jusques à ce qu'on luy ait mis entre les mains, le Sieur Dolhorunky General des Troupes du Grand Duc, sur lequel il pretend vanger le mort de son Frere, qu'il dit avoir esté pendu par son ordre (p. 530).

N° 130 (1 Novembre 1670).

De Stokolm, le 30 Septembre 1670. Le 26 du Courant, le Sieur Heinsius, Envoyé Extraordinaire des Estats Generaux des Provinces-Unies des Pais Bas, arriva en cette ville, tres peu satisfait de la Negociation aupres du Grand Duc. On espere, neantmoins, que les Troubles qui continuent dans la Moscovie, serviront beaucoup à faire terminer nos Differans avec ce Prince: et mesmes, le bruit court, qu'il a dessein d'envoyer ici, une celebre Ambassade, pour renouveler les anciennes Alliances entre les deux Nations, et rétablir le Commerce, interrompu depuis si long-temps (p. 542).

N° 136 (15 Novembre 1670).

De Riga, 15 Octobre 1670. Quoy qu'il soit defendu, sous de grosses peines, de laisser sortir aucunes Lettres de Moscovie, neantmoins on en a veu, cette semaine, qui portent que le Chef des Rebelles, ayant assamblé jusques à cent vingt mille hommes, avoit ensuite de la prise d'Astracan, defait deux grosses Armées du Grand Duc, commandées par le General Dorolinsko, qui en assambloit une troisième plus forte, à laquelle on devoit joindre l'Arriere-Ban: et que si les Factieux la rompoient encor ce Prince seroit contraint d'abandonner ses Estats (p. 566).

N° 162 (!) [142] (29 Novembre 1670).

De Hambourg, le 9 Novembre 1670. On nous écrit de Riga, que les Troubles de Moscovie, s'augmentent tous les jours, le chef des Soulevez ayant, encor, depuis peu, refuse les Propositions qu'on luy a faites, quoy que tres-avantageuses, dans la creance que s'il estoit desarmé, le Grand Duc nemanqueroit pas de pretexte pour le punir de sa Rebellion (p. 594).

N° 148 (17 Decembre 1670).

De Hambourg, le 27 Novembre 1670. On nous écrit de Rigá que les Affaires du Grand Duc de Moscovie, commencent de reprendre une nouvelle face, depuis que le General Dolorenko a defait l'Armée des Rebelles, dont plusieurs ont esté tuez, et plus de 3000 fait Prisonniers. Les Lettres ajoûtent qu'ensuite de cette Defaite, la ville d'Astrachan s'est remise sous l'Obeissance de son legitime Souverain: et qu'on espere que toutes les autres qui sont dans la defection, suivront un si bel Exemple (p. 615).

N° 154 (27 Decembre 1670).

De Hambourg, le 7 Decembre 1670. Quelques Lettres de Rigá confirment l'Avantage remporté par les Troupes du Grand Duc de Moscovie, sur ses Sujets rebelles: et d'autres asseurent que tout y est dans une telle confusion, qu'elle s'est mesme, repandue jusques dans la ville de Moscou, dont les Habitans ont esté obligez de se baricader, pour se garantir de surprise, et des frequents incendies, qui donnent sujet de croire qu'il y a des Boutefeux cachez en divers endroits de la Place (p. 639).

1 6 7 1

N° 10 (24 Janvier 1671).

De Riga, 25 Decembre 1670. Le bruit qui couroit d'un Avantage remporté par les Troupes du Grand Duc de Moscovie, sur ses sujets rebelles n'estoit pas veritable: les dernieres Lettres de ce Pais-là, assurans que le Chef des Revoltez, continuoit ses progres d'une maniere qui donnoit sujet d'y craindre une entiere Revolution, d'autant plus qu'on assure que plusieurs Boyars, qui sont les Principaux du Royaume, se sont aussi soulevez (p. 57).

N° 25 (28 Fevrier 1671).

De Warsovie, le 24 Janvier 1671. Les Lettres qu'on a receues de ce Pais-là confirment les progres du Chef des Soulevez, et qu'outre Astracan, et Cassan, il s'est rendu maistre de près de cinquante Places importantes. Elles ajoûtent que Dolorenko, qui commande les Troupes du Grand Duc, estant guery d'une perilleuse maladie, assamblait une puissante Armée, pour marcher contre les Rebelles, que l'on fait monter à deux cent mille hommes: et quelques-uns disent encor, que le Roy de Perse est d'intelligence avec eux, et a promis de leur envoyer du Secours par la Mer Caspie (p. 117).

N° 42 (Extraordinaire du X avril 1671 contenant la suite des affaires de Pologne, en un lettre de Warsovie).

[Le Grand Duc de Moscovie] n'est pas peu embarrassé par la Revolte qui continue en ses Estats, et de laquelle il semble que

quelques voisins ayent dessein de profiter, pour se faire raison de ce qu'ils n'ont pû conclure aucun Traité avec luy.

Le bruit a couru pareillement, que le Roy de Perse est d'intelligence avec le Chef des Rebelles, et qu'il avoit promis de luy envoyer du Secours: mais les Nouvelles qu'on reçoit, sur ce sujet, ne sont pas des plus assurées, et presentement on n'a aucune certitude de l'estat des choses de ce costé-la.

Au commencement du mois dernier, on eut avis que les Soulevez, continuans leurs Progrez, avoyent reduit le Grand Duc, qui craignoit une Revolution generale, à proposer un Accomodement à leur General, et que celui-ci, enflé de ses Conquests, avoit refusé d'y entendre, avant qu'on luy eust accordé plusieurs Demandes insolentes, que vous avez, peut estre sçeues: à sçavoir, qu'on le reconnust sous le Titre de Prince d'Astrakan, et des autres Lieux dont il s'estoit rendu Maître, qu'on luy fist payer deux millions d'or, pour en regaler les Troupes, qu'on luy abandonnât 20 Personnes qu'il nommeroit, et qu'on rétablist un Patriarche qui estoit déposé depuis quelques années: terminant ces Propositions par la protestation de poursuivre, cependant, ses Victoires, autant que la Fortune le favoriseroit, de maniere que le Grand Duc, intimidé d'une si fiere Réponse, et se tenant peu assuré dans Moscow, se preparoit à en partir pour chercher un Azile à Archangel, sur la Mer Blanche, où les Marchands de plusieurs Nations, se disposoyent aussi, à le suivre, avec ce qu'ils pourroyent emporter de meilleur.

Depuis on a mandé que les principaux Officiers de Moscovie, s'estans mis en campagne, pour le combatre, il les avoit défaits, en sorte que poursuivant sa pointe avec toute la facilité possible, il avoit, ensuite ajoûté à la conquête du Royaume de Cazan, celle de quelqu'autres Principautez: et que plusieurs Officiers de l'Armée du Grand Duc, s'estoyent jettez dans la sienne, composée, entr'autres, de Tartares, et de Cosaques, et d'Officiers Allemands, tellement qu'il n'estoit resté auprès de sa Personne, que quelques Hauts Officiers, non moins consternez que luy, ne sçachans que resoudre en une conjoncture, où la fortune sembloit les avoir abandonnez à la discretion des Soulevez, qui d'ailleurs se promettoyent d'estre secourus par des Puissances Étrangères.

Ces Nouvelles ont esté suivies d'une autre plus favorable, sçavoir que ce Chef des Revoltez, ayant assiégé une Place vers la Riviere de Wolga, avec de tres-nombreuses Troupes, et donné pendant un mois quinze Assauts, il en avoit esté tousjours repoussé par le Gouverneur, et finalement défait tant par un puissant Corps d'Armée, qui estoit venu au secours de la dite ville, que par ceux du dedans, qui firent une Sortie: de façon que la pluspart des Assiegeans, furent tue ou noyez, à la reserve de quelques uns avec lesquels le General se sauva, à toute peine dans une Chaloupe.

On ajoûtoit à cette bonne Nouvelle, que le grand nombre de Places qu'il avoit reduites, s'estoyent incontinant apres, remises sous

l'Obeissance de leur Prince, et qu'enfin, la Rebellion avoit esté entierement étouffée par la cheute de son Chef, et les choses rétablies en leur premier estat, dans la Moscovie: mais quoy que la bruit coure mesme qu'on a reçu la confirmation d'un si merveilleux Changement, avec cette particularité, que le General de l'Armée du Grand Duc: ayant fait habiller ses Troupes à la Polonoise, et prendre des Enseignes, avec les Armes du Royaume, avoit par ce Stratageme, jetté l'épouvante parmi les Rebelles, et attiré la Victoire dans son Parti, plusieurs tiennent encore, en suspens leur creance jusques à ce que le temps leur ait davantage, developé la verité sur ce sujet. De Warsovie, 1 Mars 1671 (p. 187—188).

N° 49 (25 Avril 1671).

De Riga, le 28 Mars 1671. Le Colonel Wan Staden, est ici arrivé, en qualité d'Envoyé Extraordinaire du Grand Duc de Moscovie. . . Il parle des Affaires de ce Pais-la, si avantageusement, qu'on a peine à le croire: assurant non seulement, la défaite de toute l'Armée des Rebelles, dont plus de 50 000 ont esté tuez sur la place, mais encor que Stéfan Razin, leur Chef a esté fait prisonnier, et qu'on le conduit au Grand Duc, avec les Principaux de sa Faction (p. 213).

N° 74 (Extraordinaire du XXVI juin 1671 contenant la suite des affaires de Pologne, en un lettre de Warsovie).

Voilà aussi l'estat de nos Affaire au Dehors, et je n'ay rien y ajoûter sinon, qu'à l'égard des Moscovites, nous n'avons rien à craindre, tandis qu'ils sont engagez en leur Guerre civile, qui continue de les occuper assez, et qui leur abat, mesmes tellement le courage, que l'Envoyé du Grand Duc, qui arriva, ces jours passez ici se presenta en son Audiance, avec un air qui ne tenoit rien de la fierté ordinaire de sa Nation, non plus que les Lettres de son Maistre, que des Complimens, et des assurances d'une grande, et forte Amitié, ajoûtant qu'il avoit resolu d'envoyer deux Ambassadeurs vers le Roy de Pologne, afin que Sa Majesté envoyast aussi les siens en mesme temps, pour confirmer, et renouveler les anciens Traitez: ce qui témoigne qu'il n'est pas sans apprehension, qu'on profite de nostre coste, des progrez de ses Suiets rebelles. De Warsovie, le 19 May 1671 (p. 320)

N° 84 (18 Juillet 1671).

De Brémen, le 27 Juin 1671. Les dernières Lettres de Riga, assurent l'entière défaite des Rebelles de Moscovie, mesmes, que Stéfan Razin, leur Chef, a esté conduit prisonnier à Moskow, et que toutes les Places, dont il s'estoit emparé, sont rentrées dans l'Obéissance de leur Souverain (p. 359).

N° 99 (22 Aoust 1671).

De Hambourg, le 4 Aoust 1671. On nous écrit. . . de Moskow, que trois des principaux de la Rebellion, y ont esté écartelez, mais

que Stephan Razin, leur Chef, qu'on croyoit estre l'un d'eux, tenoit encor la campagne, où il faisoit d'étranges ravages, s'estant mesmes, vangé de cette Execution, sur deux Seigneurs Moscovites, qui estoient parmi ses Prisonniers (p. 419).

N° 113 (Extraordinaire du XXV septembre 1671 contenant la suite des affaires de Pologne, en un lettre de Warsovie).

. . . les Troubles continuent en ce Pais-là [Moscovie], nonobstant l'exécution de Stéfan Radzin, Chef des Rebelles, dont les particularitez sont assez curieuses pour vous en faire part.

Il fut amené à Moscow, precedé de 400 Fantassins, qui avoyent leurs Enseignes déployées, avec la méche allumée: et ils ayent suivis d'une Brigade de Cosaques, conduit par un Commandant, qui avoit arrêté ce Criminel. Il paressoit sur une Machine, en forme d'Echafaut, où il y avoit une Potence à laquelle il estoit attaché, par une chaîne au col. ainsi que d'une autre, par le milieu du Corps, ayant aussi les fers aux mains, et aux pieds. Son Frere le suivoit à pied, et pareillement attaché à l'Echafaut, par une chaîne au col, et plusieurs Compagnies d'Infanterie de la Garde du Grand Duc, fermoient la marche. En mesme temps qu'il fut arrivé, on l'appliqua à la Question: et ayant esté condamné à mort, il fut, apres avoir derechef esté mis à la Torture, exécuté devant le Château, avec un Ecriteau, contenant ses Crimes depuis 1663, et desquels la lecture fut faite. Ses Bras, ses Jambes, et sa Teste, furent exposez sur des Pieux, en autant de Lieux publics de la Ville, et le Tronc jetté. Ensuite de cette Exécution, son Frère qui y avoit assisté, fut conduit en Prison, jusqu'à ce qu'on luy eût fait son Procez. De Warsovie, le 16 Aoust 1671 (p. 476).

N° 114 (26 Septembre 1671).

De Stokolm, le 23 Aoust 1671. Le Sieur Ewerschildt se dispose à partir, pour aller en Moscovie, en qualité d'Envoyé Extraordinaire du Roy de Suède, sur les Differans que nous avons, depuis longtemps, avec le Grand Duc, et il y a d'autant plus sujet d'esperer un Accommodement, que les desordres continuent en ce Pais-là, quoy que le Chef des Rebelles, y ait esté exécuté, et que la Ville d'Astracan se soit remise sous l'Obeissance de son Souverain. Mais on ne laisse pas de faire marcher des Troupes dans la Livonie, pour mettre la Frontière à couvert de tout insulte (p. 477).

N° 141 (28 Novembre 1671).

De Hambourg, le 10 Novembre 1671. On nous écrit de Stokolm. . . que la resolution a été prise d'envoyer au Printemps, de nouvelles Milices dans la Pomeranie, pour en grossir l'Armée que les Suédois y veulent entretenir, et de renforcer aussi celle de la Livonie, pour

s'opposer à tout ce que les Moscovites voudroient entreprendre de ce côté-là étans devenus beaucoup moins traitables, depuis que la tranquillité est retablie en leur Pays, par la défaite des Rebelles (p. 590).

1672

N° 2 (2 Janvier 1672).

De Hambourg, le 15 Décembre 1671. On nous écrit de Moskow, que les Troupes du Grand Duc, marchoyent vers Astrachan, pour achever de défaire les Rebelles qui s'y sont retirez jusques au Printemps, qu'ils espèrent se remettre en campagne, avec une puissante Armée (p. 16).

N° 38 (26 Mars 1672).

De Hambourg, le 10 Mars 1672. Les Lettres. . . venues de Moskow, du 20 Janvier. . . ajoûtent que les Affaires sont, à présent, fort tranquilles dans la Moscovie, depuis que la ville d'Astracan s'est remise sous l'Obeissance de son Souverain, lequel a accordé une Amnistie à tous les Rebelles, dont la publication se fit sur la fin de Décembre, avec les Cérémonies accoûtumées, et fut suivie le 29 Janvier, des Actions de graces, dans toutes les Eglises¹ (p. 303).

¹ Cp.: «*Hollandtsche Mercurius*», *Het XXIII Deel*, 1672: «Terwijl doch de Stadt Astrachan weder onder de gehoorsaem heydt van den Keyser van Moscovien was gebracht. Zijn Generael Iwan Bogedanowits nam daer van de possessie, en wierden slucks de Poorten ende Wallen met Muscoviters beset. Doch den Czaar gaf een gouden Brugh, met dat hy de Rebellien-Pardon verleenden. Ende dus heeft men in der Muscou op het Slot Danck-feest en vreughde aengesteldt, 't gunt oock opentlijck wierde afgekundight» (bl. 28).

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ И ХРОНИК

«Европейская субботняя газета», 27 VIII 1670, № 35

В Московии, по слухам, вспыхнул большой мятеж, и хотя царь послал мятежникам грамоту, призывающую их к повиновению, они разорвали ее и сожгли, а тех, кто ее доставил, повесили.¹ Вследствие этого его царское величество велел выкатить пушки на стены Москвы.

«Северный Меркурий», 6 IX 1670

Рига, 20 августа.

В известии от 2 августа из Москвы подтверждается то, что уже было написано о татарском мятеже, а именно, что свыше 100 000 татар захватили всю астраханскую [землю] и ее столицу и нашли там оружие и снаряжение для 50 000 человек. Хотя великий князь послал против [мятежников] 16 000 солдат, они все до одного погибли. И хотя здесь говорят, что великий князь умиротворил этих мятежников с помощью нескольких бочек золота, однако недавние письма из Москвы сообщают совсем иное. Сегодняшние письма пятидневной давности из Нарвы сообщают о мятеже то же самое.²

«Европейская субботняя газета», 1670, № 38

Москва, 14 августа.

Пришло достоверное известие о том, что известный мятежник Степан Тимофеевич Разин не только с каждым днем присоединяет к себе все больше народа и войска, но и добился больших успехов под Астраханью. После того как он обратил в бегство посланных

против него стрельцов и уничтожил несколько тысяч из них, он стал штурмовать Астрахань, и так как тамошний гарнизон, вопреки воле коменданта, отворил ему [Разину] ворота, он взял город, а коменданта и тех князей и бояр, которые остались верны царю, велел повесить.³ Разграбление церквей было предотвращено тамошним митрополитом.

Указанный мятежник послал письмо архимандриту в Казань с требованием, чтобы тот при его прибытии вышел ему навстречу с надлежащими почестями. Опасаются, что он [Разин] постарается овладеть крепостью Тарки, находящейся на самом рубеже царских владений у Каспийского моря. А поскольку это место находится далеко от Москвы и при теперешних обстоятельствах, как это уже видно, будет трудно послать туда помощь, то возможно, что Тарки тоже окажутся под властью мятежников и торговли с Пруссией и Россией может быть прервана.⁴ Москва вследствие этого также окажется в большом затруднении, так как до сих пор из этих мест [с Каспийского моря] сюда [в Москву] доставляли всю соленую рыбу, в которой этот народ, соблюдающий множество постов, очень нуждается. Оттуда доставляли также соль и пригоняли царю из этих владений каждый год по 40 000 лошадей.

Посланный против мятежников московский генерал Долгоруков требует стотысячную армию, а иначе не решается показаться на глаза врагу. Но [царский] двор не в силах собрать такую армию, так как тяглый люд не хочет вносить на это пятину, ссылаясь на свою несостоятельность.⁵

«Северный Меркурий», 1670

Рига, 1 сентября.

Астрахань продолжает оставаться отнятой от Москвы мятежниками — казаками и различными татарами. О Казани говорят то же самое. Если она также отнята, тогда потеряна и вся Сибирь. В таком случае москвит находится в том же состоянии, в каком он был в 1554 г., и должен будет платить астраханцам дань, чтобы иметь возможность вести торговлю.⁶

Число мятежников достигло 150 000 человек, и их возглавляет старый тайный враг Москвы по имени Степан Тимофеевич Разин.

Из самой Москвы мы имеем следующее [известие] об этом от 14 августа: мятежник Степан сперва захватил Царицын и другие места на реке Волге, а затем занял несколько высот под Астраханью и, установив там большие пушки, преградил путь по этой реке. Когда губернатор Астрахани послал ему навстречу 6000 че-

ловец во главе с вице-губернатором, мятежник с помощью особой военной хитрости наголову разбил их и после этого решился атаковать саму Астрахань.⁷ Поскольку гарнизон ее был весьма ослаблен из-за [отсутствия] разбитого шеститысячного отряда и недоволен низким жалованьем, он защищался очень слабо, и мятежник, почти не встретив сопротивления, стал 5 июля хозяином этого важного города.⁸

Губернатор, его люди и несколько иностранных офицеров оказали сопротивление, но их быстро осилили, отрубили им руки и ноги, а затем повесили. Один голландец по имени Боттелер находился там со своим судном и долго оборонялся, но в конце концов и его одолели и убили, а вместе с ним его [людей]. Разграбление церквей было предотвращено по просьбе духовных лиц.⁹

Кажется, эти мятежники имеют намерение казнить всех важных русских господ и прежде всего воевод. Они захватили в Астрахани много военного снаряжения и особенно много пушек. Утрата [земель на Волге] вызвала здесь [в Московии] большое смутение, так как потеряна четверть этого царства и прервана торговля с Персией, а также прекращена доставка соли, рыбы и других товаров.

Опасаются, что этот мятежник намерен двигаться дальше, так как он писал казанскому митрополиту, чтобы тот встретил его в пути как правителя Астрахани. Отмечают также, что приток к нему [людей] из здешних мест очень велик.

[Власти] почти лишены возможности противопоставить ему надлежащую силу, хотя ревностно обдумывают и изыскивают различные средства, и должно быть собрано войско под командой князя Юрия Алексеевича Долгорукова.⁶ Однако денег не хватает, а тяглый люд ссылается на свою несостоятельность. . . Таковы [известия] из Москвы.

О том, как пойдет [дело] дальше, будет сообщено. Мы, лифляндцы, надеемся, что благодаря этому тяжелый договор с Москвой может быть вскоре смягчен.¹⁰

⁷ Ср.: «Голландский Меркурий», ч. XXI, 1671, с. 113. «Степан Разин. . . под Астраханью применил военную хитрость с тем, чтобы обмануть неосторожного воеводу Астрахани: мятежники оставили свои лодки и паромы (Prampen) возле берега, сделав вид, что собираются бежать».

⁶ Ср.: «Голландский Меркурий», ч. XXI, 1671, с. 113—114: «Царское величество очень боялось этого мятежника, который был очень обходителен и сумел привязать к себе и держать в своих руках многих лучших московских офицеров и угрожал великому городу — Москве. Однако к неукрепленным местам была спешно двинута армия под водительством князя Юрия Долгорукова, действовавшего с великим усердием. Он нанес упомянутым мятежникам такой удар (oorbant), что многие из них разбежались».

Рига, 5 сентября.

Еще одно [известие] из упомянутой Риги от 26 августа [5 сентября] сообщает следующие подробности:

Французская сторона вела некоторое время с Москвой специальную переписку, вероятно, о военном выступлении, но теперь это будет затруднено, так как все приезжающие из Москвы подтверждают [вести] о мятеже. Глава его велит себя титуловать «князь Степан Разин, атаман». Он, можно сказать, держит в своих руках оба больших царства — Астраханское и Казанское и берет один город за другим. Этот злодей служил раньше алебардщиком у одного полковника, а также плавал с казаками по Каспийскому морю. Так как его брат по приказу Долгорукова был повешен в Москве, он решил отомстить за его смерть. Сперва он собрал 40—50 казаков, они помогли ему [привлечь еще] 600—700 человек, и тогда он впервые пустил в ход свою силу и велел убивать тех, кто казались недостаточно «разинскими» или не хотели подчиняться ему как новому князю. Это сильно прибавило ему сообщников, и вследствие того он сумел взять Астрахань и многое другое. Он захватил в Астрахани сокровища, собранные великим князем за много лет, а также большие богатства в других местах. Всех тамошних немцев и шведов он взял на службу и из их числа, так же как и из бывших пленных поляков, приблизил к себе самых умных, назначил их государственными советниками и, таким образом, основал настоящее государство. Его армия насчитывает сейчас свыше 100 000 человек.¹¹

Он требует [выдать ему] московского генерала Долгорукова и еще 14 других знатных людей, а иначе он намерен их сам захватить. Великий князь отправил к нему трех послов, чтобы отговорить его от подобных намерений, но он [Разин] велел привязать им всем камни на шею и бросить в воду, так как в их письмах не был назван его княжеский титул.¹²

Люди, которых великий князь посылает против него [Разина], изменяют и переходят к новому князю. Торговля с теми местами теперь прекратилась. Вся соль, доставляемая в Москву, шла из Астрахани. Оттуда же каждый год поступали тысячи тюков солевой рыбы, икры и др.

Голландский посланник Гейнзиус пять дней назад прибыл сюда [в Ригу] и все это подтвердил.

Нижняя Эльба, 19 октября.

14 октября сюда благополучно прибыли из Московии четыре гамбургских корабля, команда которых единодушно сообщает о большом восстании упомянутого Степана Разина, возглавляю-

щего мятеж против Москвы. Однако во время своего пребывания в Архангельске они слышали лишь о захвате Астрахани.

До них дошло много слухов о том, что этот мятежник — дурной человек и поднял этот мятеж [в отместку] за своего повешенного брата. Они слышали также, как многие люди — татары, казаки и московиты, часто бывавшие с ним, — говорили, что он при его безобразном теле, но большом уме способен совершить нечто особенное. Он невысок ростом, туловище у него небольшое, но плечи вдвое шире обычного.¹³ Все, что он захватывает, он не оставляет в своей казне, а раздает сообщникам. Так же, как и Томмазо Аньелло,¹³ он высоко чтит своего государя и говорит, что против него ничего не имеет, а [выступил] лишь против его воеводы Долгорукова и некоторых его офицеров.

Вся Москва его боится, и никто не хочет идти против него вместе с Долгоруковым. Для создания настоящей армии не хватает денег, так как их забрали жадные до золота чужеземные патриархи, которых царь с большими издержками выписал из Константинополя, Антиохии и Иерусалима, чтобы рассмотреть учение и дела прежнего московского патриарха. Об этом сообщают рижане.

*Подробный отчет о казни главы мятежа против
Москвы Степана Разина, произошедшей в городе Мос-
кве 6 июня 1671 г. по старому стилю*

По всему миру уже несомненно разнеслась [весь] о том, как мятежник по имени Степан Разин год назад стал главарем множества мятежных казаков и татар, как он захватил город Астрахань и все [Астраханское] царство и совершил разные другие тиранства и как, наконец, он всячески стремился привлечь на свою сторону донских казаков, чтобы нанести сильный удар Москве. Следует знать, что упомянутые донские казаки сделали вид, будто они с ним согласны. Однако они поступили так из хитрости, чтобы поймать лису в ловушку. Когда казаки узнали, что Разин со своим братом остановился в убежище, где он ничего не опасался, они [казаки] напали на него и захватили его с братом в плен.

В прошлую пятницу 1000 мушкетеров доставили его сюда, и сегодня за два часа до того, как я это пишу, он был наказан по заслугам. Его поставили на специальную повозку семи футов вышиной: там он стоял так, что все люди — а их было более 100 000 — могли его видеть. На повозке была построена виселица, под которой он стоял. Он был крепко прикован цепями: одна очень большая шла вокруг бедер и спускалась к ногам, другой он был прикован за шею к виселице. В середине виселицы

¹³ Ср.: «Голландский Меркурий», ч. XXI, 1671, с. 141: «В Гамбурге были отчеканены медали с изображением этого мятежника, на которых он имел необычную внешность: короткий и толстый, с широкими плечами, толстым животом и ягодицами, так что он внешне был очень похож на Эзопа.

была прибита доска, которая поддерживала его голову; его руки были растянuty в стороны и прибиты к краям повозки. Брат его тоже был скован по рукам и по ногам, и его руки были также прибиты к повозке, за которой он должен был идти. Он казался

С. Т. Разин. Гравюра из «Приложения к „Гамбургской газете“» за 1671 г.

очень оробевшим, так что главарь мятежников часто его подбадривал, сказав ему однажды так: «Ты ведь знаешь, мы затеяли такое, что и при больших успехах мы не могли ожидать лучшего конца». Этот [Степан Разин] все время сохранял свой гневный вид тирана и совсем не боялся смерти.

Его царское величество оказал милость нам, немцам, и другим иностранцам, а также персидскому послу, и нас провели под

охраной многих солдат поближе, чтобы мы разглядели эту казнь лучше, чем другие, и рассказали об этом нашим. Некоторые [из нас] были даже забрызганы кровью.

Сперва ему [Разину] отрубили руки, потом ноги и, наконец, голову. Эти пять частей тела насадили на пять кольев. Туловище было вечером выброшено псам. После него [Разина] был казнен еще один мятежник, а завтра должен быть также казнен его [Разина] брат.

Это [я пишу] в спешке. О том, что еще произойдет, будет сообщено потом.

Москва, через два часа после казни, 6 июня по старому стилю.¹⁴

«Северный Меркурий», 1671

Москва, 22 июля.

Умер один из главных мятежников, прозванный Чертоусом, а его люди разбиты под Симбирском и вынуждены были отступить к Белому Яру. Туда же пришел и [Иван] Богданович Милославский со своими людьми и двинулся оттуда дальше, чтобы преследовать мятежников и отвоевывать [захваченные ими] города.¹⁵ Утверждают также, что 170 мятежников отправились в Симбирск, взяв с собой топоры, и заявили, что если его царское величество их не помилует, они сами перебьют друг друга. Объявлен указ о даровании жизни и милости тем, кто сам сдался в плен.

Достоверно известно, что недавно казненный мятежник действительно был главным [бунтовщиком] Степаном [Разиным]. Его брату залечили раны после пыток, и вскоре его должны отправить в Астрахань, чтобы найти клады, закопанные там Степаном.¹⁶

Продолжение исторических известий за весеннее полюдие. Историческое описание достопамятных событий, произошедших за время с прошлой франкфуртской осенней ярмарки 1670 г. до масленичной ярмарки нынешнего 1671 г. в Германии и Нидерландах, а также в Италии, Испании, Франции... Молдавии, Московии, Турции... везде и всюду в мире, на воде и на суше...

Основано Якобом Франком, продолжено и издано наследниками Сигизмунда Латомуса, именованного также Мойрером. Франкфурт-на-Майне. В типографии Г. Фризена. 1671 г.

Достоверное известие
о мятеже в Московии

Некий человек пишет 3 октября из Копенгагена: по милости божьей, он за пять недель совершил путешествие из

Москвы и слышал там много удивительного о мятеже Степана Разина. Это большой тиран, и при взятии города Астрахани он велел сбросить с башни воеводу этой крепости, сам надругался

над его женой и дочерью, а затем велел привязать их совсем нагими к лошадям, задом наперед, и отдать на поругание калмыкам — самым ужасным из всех татар. Он велел отрубить руки и ноги многим немецким офицерам, а затем завязать их в мешки и бросить в Волгу. Над их женами он сам надругался, а затем отдал их калмыкам.¹⁷

Все это случилось, когда [рассказчик] находился еще в Москве. Упомянутый тиран отправился тогда из Астрахани в Казань. Царь [послал] против него большое войско, приказав призвать на службу всех немцев. С тех пор тиран уже занял Волгу, так что из Сибири ничего не может поступать [в Москву]. Если он вскоре не будет побежден, Москва может оказаться в тяжелом положении, и весь народ там в ужасе от этого.^г

Москва из-за этого почти
присмирела

В другом известии из Москвы от 4 сентября сообщается: если коротко сказать о положении этой страны [Московии], то оно на этот раз хуже, чем когда-либо бывало или могло быть, ибо все дела идут плохо и никто даже не может обозреть всех бед. Московиты утешались было тем, что может прийти какая-нибудь помощь от французской короны, но поскольку дело с этим движется очень медленно, то надежда начинает исчезать.

Продолжение исторических известий за осеннее полугодие. Историческое описание достопамятных событий, произошедших с прошлой масленичной франкфуртской ярмарки... до осенней ярмарки нынешнего 1671 г. ... Франкфурт-на-Майне, 1671 г.

Плохие вести из Москвы

В Московии и особенно в столице Москве дела обстоят очень плохо, как об этом говорится в письмах, полученных оттуда. Сообщается, что между мятежником Разиным и царской армией произошло жестокое сражение, в котором царское войско было совсем разбито и обращено в бегство, а воевода Долгоруков взят в плен и отправлен в крепость.

В Москву после этого было доставлено много знатных людей, участвовавших в битве: часть их [была убита, а часть] ранена.

Об этом же из Вильно

Вильно: положение в этой стране [Московии] становится хуже день ото дня, и мятежник Разин продвигается все дальше. Все, что не покоряется ему добром, он подчиняет огнем и мечом, и стал настолько силен, что людям кажется невозможным ему противостоять. Большая часть их [москвитов] лучшего войска разбита, разгромлена и захвачена им в плен, и судьба необычайно ему [Разину] благоприятствует. Его войско

^г Аналогичный текст в «Европейском дневнике» (т. 23, с. 98).

насчитывает сейчас свыше 30 000 человек. Большею частью это хорошо обученные солдаты, которых хорошо оплачивают и кормят. Вся жизнь в стране приостановилась.

Их [москвитов] давно утешали надеждой на помощь союзных народов, но, видно, ничего из этого не выйдет. Царь пытался склонить к себе добром этого мятежника, но ничего не добился.¹⁷

Кровавый результат московского мятежа Из различных мест на московитской границе с достоверностью сообщают, что упомянутый мятежник Разин перебил множество московских знатных людей, вместе с которыми погибли также некоторые храбрые немцы: полковник Мюнхгаузен, полковник Квель, полковник Штрассбург. До сих пор еще не знают, что стало с другими хорошо известными людьми.

Шесть условий соглашения, предложенных мятежником московскому царю Все еще продолжают сообщать о том, что армия великого князя московского совершенно разбита и что мятежник предложил ему шесть следующих условий:

1. Если великий князь хочет избежать дальнейшего преследования, он должен признать [Разина] царем Казани и Астрахани. 2. Восстановить [на престоле] патриарха. 3. Выплатить 20 миллионов деньгами. 4. Выдать десятерых из своих князей. 5. Выставить портрет [Разина]. 6. Ежегодно выплачивать определенную дань. Что здесь так, а что не так, будет видно из исхода событий.¹⁸

Между тем сообщают, что царь послал двух курьеров — одного в Швецию, другого в Польшу, чтобы, как полагают, просить эти страны о помощи.

Расказ о том, как главаря мятежников Степан Разин вместе с его братом были арестованы, доставлены в Москву и здесь преданы мучительной смерти О всемирно известном, главном и первейшем мятежнике против Москвы по имени Степан Разин сообщается в донесении от 1 июля из Риги в Лифляндию. Здесь уже почти не сомневаются в том, что он арестован, так как все письма это подтверждают, и в последней почте говорится:

Способ, с помощью которого указанного мятежника захватили в плен, был таков: поскольку он всячески стремился по мере своих успехов привлечь на свою сторону донских казаков и действовать силой против царя, упомянутые донские казаки сделали вид, что они одобряют его желание и хотят исполнить его, имея намерение посредством подобной хитрости поймать лису в ловушку. Когда казаки узнали, что Разин со своим братом остановился в убежище, где он ничего не опасался, они напали на него и захватили его с братом в плен. Наконец, в пятницу 9/19 июня их обоих привезли под конвоем тысячи мушкетеров в столицу Москву.¹⁹

¹⁷ Аналогичный текст в «Европейском дневнике» (т. 23, с. 358).

По сообщению из Москвы от 16 июня, в этот день был исполнен приговор над главарем мятежников — Разиным. Для того чтобы его увидело как можно больше народа (ибо собралось более ста тысяч человек) и чтобы подвергнуть злодея наибольшему позору, его поставили на широкую повозку вышиной в семь футов. На повозке соорудили виселицу, под которой стоял Разин, крепко прикованный к ней цепями: одной — за шею, другой — вокруг пояса и третьей — за ноги. Обе руки были прибиты гвоздями к краям повозки, и из них текло много крови. В середине виселицы была прибита доска, которая поддерживала его голову.²⁰

Брат его тоже был скован цепями по рукам и по ногам и прикован к повозке, за которой он должен был идти, и он чувствовал себя очень плохо, оттого что подвергся позору на глазах у стольких тысяч людей. [Степан] все время смотрел на брата, и так как тот все больше и больше робел, [Степан], ожесточась от гнева, сказал ему: «Брат, чего ты так боишься? Нам надо было думать об этом раньше, прежде чем начать эту игру, а теперь уже слишком поздно. Поэтому отбрось свой страх! Раз уж мы храбро взялись за дело, то должны такими и оставаться. Ты боишься смерти? Но придется ведь нам когда-нибудь умереть. Или тебя заботит, что остальным нашим сообщникам тоже придется плохо? Они окажутся более предусмотрительными, и небеса помогут им в их делах, так что они не должны будут опасаться такого наказания». От этих жестоких и подстрекательских речей брат еще больше бледнел, а Разин высказал еще много других угроз москвитам, пока, наконец, в назначенном месте он не был предан смерти.

По желанию некоторых знатных немцев, посланников разных земель, и персидского посла им была оказана честь и их провели под сильной охраной солдат через собравшуюся толпу к повозке, и это было им дозволено, чтобы они смогли все хорошо увидеть и услышать и подробно рассказать о произошедшей казни. Они находились так близко, что некоторые из них вернулись [домой] обрызганные кровью казненного.

Казнь эта происходила следующим образом: сначала ему отрубили обе руки, затем обе ноги и, наконец, голову. Эти пять частей тела насадили на пять кольев — всем напоказ, как устрашающий пример для проезжих, а изуродованное туловище было вечером выброшено на съедение голодным псам. Таков был конец этой казни.

*Продолжение исторических известий за весеннее по-
лугодие... с осенней ярмарки 1671 г. до масленичной
ярмарки нынешнего 1672 г.... Франкфурт-на-Майне,
1672 г.*

Состояние мятежа в Мо-
скве

Относительно положения в Московии известия продолжают сходиться на том, что сторонники царя разбиты мятежниками и нет никакой надежды вернуть Астрахань и большое Астраханское царство, так как мятежники установили тут крепкий порядок и с ними находится патриарх, а это хитрая голова.

Московиты присоединили к себе это [Астраханское] царство 116 лет назад с доброго согласия тамошних жителей. Если они захотят получить его снова, им придется прошагать более пятисот миль через пустынные земли, по которым летом трудно пройти из-за сильной жары, а зимой — из-за суровых морозов и глубоких снегов.⁹

Седьмое продолжение десятилетних исторических известий Грегориуса Винтермоната, или правдивое описание всех достоверных историй, которые произошли со времени прошлой новогодней лейпцигской ярмарки до нынешней пасхальной ярмарки 1671 г. везде и всюду на свете. Собраны с прилежанием для любителей истории из приходящих газет и из частных писем и напечатаны для всеобщего пользования. Лейпциг, 1671 г.

Январь, 1671 г.

Относительно больших волнений в Москве, откуда вскоре должны вернуться комиссары польской короны — холмский воевода и литовский писарь Бростовский, — сообщают, что не только шведская корона объявила царю войну, но к тому же и мятежник Степан Разин (который все еще имеет большой успех и до сих пор удерживает в своих руках Астраханское и Казанское царства с их столицами) присвоил себе титул царя обоих этих царств. Однако это еще достоверно не установлено. Покамест большинство писем оттуда [из Московии] сходятся на том, что положение в стране очень тяжелое. После того как множество сильных войск, посланных против мятежника, попали к нему в руки, царь настолько оробел, что не собирается больше посылать против него [войска]. Получено также известие, будто в Москву недавно было доставлено много убитых и раненых, в том числе очень знатных людей, и будто воевода Долгоруков взят в плен и почти вся его армия разбита. Поэтому в Белой Руси считают, что дело московитов почти совсем проиграно.

⁹ Аналогичный текст в «Европейском дневнике» (т. 24, с. 499),

Февраль, 1671 г.

О мятеже в Московии поступают до сих пор самые различные известия. В последнем из них [говорится], что мятежник Степан Разин недавно, 4 сентября, осадил с двадцатитысячным войском город Симбирск на реке Волге и пятнадцать раз подряд штурмовал его. Однако осажденные во главе с храбрым губернатором Иваном Богдановичем Милославским мужественно отбили все атаки. При этом они были поддержаны воеводой князем Юрием Никитичем Барятинским, прибывшим туда и прорвавшимся к городу вдоль берега реки. Затем он [князь] вместе с осажденными атаковал мятежников и разбил их, так что им пришлось выбирать [смерть] от меча или в воде, и все они погибли, не считая шестисот человек, взятых в плен и позднее также убитых.

Сам [главный] мятежник будто бы тяжело ранен и с большим трудом спасся на лодке с несколькими людьми. После этого поражения всё, что им раньше было захвачено, снова вернулось к великому князю, который 21 числа прошлого месяца очень пышно и торжественно отпраздновал на радость и удовольствие подданным свою свадьбу с царицей Натальей Кирилловной из рода Нарышкиных.

Как говорят, упомянутый губернатор Иван Богданович находится сейчас в Москве и в награду за свою хорошую службу получит от царя высокую должность. Долгоруков, который до сих пор стоял со своим войском под Казанью, тоже должен через несколько дней вернуться сюда [в Москву]. Рассказывают, что пути и дороги теперь совершенно очищены от разбойников и что торговля с Московией идет вовсю, как и раньше.

Март, 1671 г.

То, что говорили некоторое время назад о полном разгроме мятежников в Московии, совершенно не подтверждается, а напротив, получены достоверные известия, что обе стороны лишь на некоторое время отошли подальше друг от друга из-за наступления зимы и большой нехватки хлеба.

Восьмое продолжение десятилетних исторических известий... со времени прошлой пасхальной ярмарки до нынешней Михайловской ярмарки 1671 г.... Лейпциг, 1671 г.

Апрель, 1671 г.

От некоторых приезжих из Москвы стало известно, что за мятежником Степаном Разиным нужен еще крепкий присмотр и что было убито, повешено, утоплено и захвачено множество людей не из армии Разина, а из вновь взбунтовавшихся московских крестьян.

Июнь, 1671 г.

Что касается мятежников в Московии, то в письмах оттуда сообщается, что [главного] мятежника недавно захватили в плен и вскоре доставят в Москву. Кроме того, все города этого края, бывшие в его руках, вплоть до Астрахани будто бы снова признали царя своим господином.²¹

Июль, 1671 г.

(Начало рассказа об аресте и доставке в Москву Степана Разина совпадает с текстом «Франкфуртских исторических известий», см. с. 125).

... [Степана Разина и его брата] привезли в Москву 2 июня и тотчас же доставили прямо в судилище, где был разведен огонь. Как только они туда прибыли, главаря мятежников вздернули на дыбу и дали ему 18—20 ударов кнутом, но он не обратил на это особого внимания. Он держался очень мужественно также и в то время, когда его положили спиной в огонь и стали жечь, а боярин Долгоруков и некоторые другие спрашивали его при этом о различных вещах. На одни вопросы он отвечал очень дерзко, на другие же совсем не давал ответа. А именно речь шла о том, чтобы он выдал неких знатных людей, имевших с ним связь, все это еще остается тайной.²²

Наконец, 16 числа он был доставлен на большую рыночную площадь для совершения казни.³ Здесь после многих новых пыток ему отрубили руки, ноги и голову, насадили их и туловище на колья, а внутренности бросили собакам. При этом его царское величество оказал милость немцам и другим иностранцам, а также персидскому послу и велел подвести их под охраной солдат поближе, чтобы они смогли разглядеть эту казнь лучше, чем другие, и рассказать об этом у себя. Ведь некоторые из них стояли так близко, что были даже забрызганы кровью.²²

Что касается брата [Разина], то хотя его и сильно наказали, но в конце концов пощадили, так как он обещал указать все

* Ср.: «Голландский Меркурий», т. XXII, 1672, с. 78: «Так их вели на пытку посреди Москвы, где из-за холода был зажжен костер. Стеньку Разина провели через огонь, затем растянули [на дыбе], били батогами и, так как все это его не сломило, снова положили его в огонь, и он все эти жестокие пытки перенес. Во время этих пыток господин боярин Долгоруков задавал ему вопросы. Лишь на некоторые вопросы он давал решительные ответы, но на все остальные хранил молчание. Хотели еще обвинить бывшего патриарха Никона в том, что он будто бы был подстрекателем Разина. Наконец, он, мятежник Разин, предстал перед московским судом и 16-го этого месяца он был казнен на большой торговой площади. Сперва он был четвертован, и потом ему отрубили голову. Его туловище и обрубки были повешены на столбах и колесах на другой стороне реки.

³ Там же, с. 118: — «16 июня его повели к замку, где был знаменитый большой шафот. Он признался в тех преступлениях, в которых его обвиняли начиная с 1667 г., и его четвертовали».

богатства, которые Стенька спрятал в разных местах. Считают, что их очень много и что они состоят из денег, дорогих камней и других ценностей.²³

Хотя нет никаких сомнений в том, что казнь протекала указанным образом, большинство до сих пор не хочет верить, что это был подлинный главный мятежник Разин, поскольку сам [казненный] перед смертью сказал: «Вы думаете, что убили Разина, но настоящего вы не поймали, и есть еще много Разиных, которые отомстят за мою смерть».

Август, 1671 г.

Письма из Москвы от 16 июля снова подтверждают известие о смерти известного главаря мятежников Степана Разина, но при этом сообщают, что его армия не перестала быть мятежной и тиранствует едва ли не больше, чем раньше. Они [мятежники] бесчеловечно расправились с митрополитом, советником и самыми знатными жителями Астрахани, которые после известия о смерти Разина хотели снова показать себя примерными москвитями.²⁴

Десятое продолжение десятилетних исторических известий... со времени прошлой новогодней ярмарки до нынешней пасхальной ярмарки 1672 г. ... Лейпциг, 1672 г.

Декабрь, 1671 г.

Что касается города Астрахани, то он со всех сторон окружен войском его царского величества. Находящиеся там мятежники хотели недавно сдаться на милость, но когда им было в этом отказано, приняли решение сражаться до последней капли крови и всем вместе расстаться с жизнью. Вследствие этого положение здесь все еще тяжелое.²⁵

Февраль, 1672 г.

Комиссары [польской] короны пишут из Москвы, что царь не хотел согласиться на военный союз и отказаться [от требования] возвратить Киев. Тем временем прибыло неприятное известие из Астрахани о том, что хотя московское войско отвоевало было город и крепость, однако мятежники вновь совершили неожиданное нападение, захватили город и перебили там больших и малых. Царь был очень напуган этим и, чтобы немного развлечься, отправился из столицы в увеселительный дворец неподалеку от нее, оставив своим боярам приказ продолжать переговоры с польскими комиссарами.²⁶

²⁴ Аналогичный текст в «Европейском дневнике» (т. 24, с. 599—600).

Двадцать второе продолжение «Европейского дневника», или двадцать третья часть ежедневных исторических рассказов, в которых говорится о достопримечательных событиях, произошедших в оставшиеся месяцы 1670 и в первые три месяца 1671 г. ... Франкфурт-на-Майне. У издателя Вильгельма Ферлина, 1671 г.

Октябрь, 1670 г.

Московия все еще неспокойна

Между тем в Московии происходят все более удивительные дела, ибо у мятежников обнаружился кровный наследник прежних астраханских и казанских царей, который общается с ними, а из Смоленска и из многих [других] мест сообщают, что мятежники якобы находятся уже в 75—80 милях от Москвы и что они движутся, разделившись на три армии. [Говорят], что воевода Долгоруков, выступивший против них с большими силами, был позорно покинут многими своими людьми, которые сложили оружие и перешли к мятежникам.²⁷

Письма, отправленные 16 октября из самой Москвы к добрым людям, сообщают, что там теперь ни за золото, ни за серебро ничего не добьешься, так как большинство знатных людей отправилось в поход против мятежников, а оставшиеся ежедневно совещаются с царем насчет того, как покончить с этим огромным мятежом.

Ноябрь, 1670 г.

Из города Москвы пришло письмо с тремя известиями, последнее из которых от 8/18 ноября такого содержания: царь велел провести большой смотр своих людей,²⁸ а тем временем пришло радостное известие о том, что царская армия под командованием воеводы Долгорукова не только разбила в бою главаря мятежников Степана Разина, но и стала преследовать его по всему его пути. [В Москве] питают большие надежды на возвращение захваченных [Разиным] земель, а некоторые уверяют, что Астрахань уже снова находится в руках царя. В этих известиях вовсе не говорится о разрытых дорогах, перегороженных большими засеками,^к и о боязни нового бунта. Нужно немало труда, чтобы понять из подобных преувеличений и преуменьшений, насколько справедливо то, о чем ходят слухи в соседних странах.

^к Ср.: «Голландский Меркурий», ч. XXI, 1671, с. 141: «Степан Разин, московский мятежник, выступивший против царского величества, допустил ошибку, когда он промедлил с походом на Москву, ибо теперь весь деревянный город из улицы в улицу перекрыт заставами (Slagh-Boomen)».

Январь, 1671 г.

Тяжелое положение
в Москве

Что касается положения в Москве, то оно чрезвычайно плохое, так как мятежник Разин разбил воеводу Долгорукова, генерал-лейтенанта Ромодановского, генерала Нащокина и почти всех знатных московских господ, отправившихся в поход, и обратил в бегство всю их армию.

Его войско состоит из самогитских, ногайских и калмыцких татар, а также из казаков, выведенных из-за Донца. Офицерами у них служат большей частью немцы и шведы. После завоевания Казанского царства они [мятежники] захватили княжества Wiodomica, Candone, Restica (Ведевяпино? Кадом?) и другие.

При царе Алексее Михайловиче остались еще князья и бояре — Шереметев (Czerenosow), Лобанов, князь Воротынский и некоторые окольные. Между тем опасаются всеобщей измены и при этом называют [имена] многих немецких офицеров, среди них — генерала Альбрехта фон Бухгофена, полковника Гарвихта, полковника Давида фон дер Буссена, полковника Гофарта и других. Впрочем, полковник Мюнхгаузен, полковник Квель и полковник Штрассбург погибли вместе с несколькими русскими знатными людьми.²⁹

Февраль, 1671 г.

Мятежник Разин доставляет
москвиту много
хлопот

Что касается Степана Разина, то он все еще доставляет москвиту так много хлопот, что тот вынужден был совсем уйти из Лифляндии со своим страшным войском, поскольку [москвит] доведен до такой крайности, что нуждается в помощи шведов, без которой ему, как видно, не справиться [с мятежником]. С этой целью он послал в Стокгольм полковника Стадена, урожденного рижанина, который просил [шведов] не оказывать поддержки упомянутому Разину, предлагая за это отойти от всех оспариваемых рубежей и дать шведской короне удовлетворение, как только от нее поступит помощь.³⁰

Все польские дворяне, находящиеся в Московии, тоже должны были пойти на выручку [войску], но назад их вернулось так мало, словно их водили на убой.

Двадцать третье продолжение «Европейского дневника» ... с апреля до ноября 1671 г. Франкфурт-на-Майне, 1672 г.

Апрель, 1671 г.

Известие из Москвы Из Москвы прибыло известие, будто главарь мятежников наголову разбит и потерял 16 000 человек убитыми и плешыми. С другой стороны, сообщают, будто он совсем по иной причине повернул назад по Волге к Астрахани и по той же причине московская армия также должна была отойти. Одновременно прилагают много сил для того, чтобы весной собрать новую армию и выставить ее против упомянутого мятежника, если он захочет снова проявить себя, а также чтобы занять некоторые покинутые им города. Между тем в стране — большая дороговизна и много народа погибло в этом мятеже с обеих сторон.

Май, 1671 г.

Положение в Москве Относительно положения в Москве было сообщено из Вильно 18 мая следующее:

Все, кто приезжают из Москвы, единодушно свидетельствуют, что дела в Москве обстоят очень плохо и многие иностранные офицеры оставляют службу, чтобы вернуться в свои страны, поскольку с ними дурно обращаются. Фельдмаршал Долгоруков выступил [в поход] с большим войском, разграбил различные города и деревни и велел повесить, задушить и подвергнуть пыткам многих старых и молодых людей, которых он подозревал в том, что они поддерживают связь с главарем мятежников Разиным. Такие тиранические поступки вызывают на местах большой страх. Простые люди после этого большей частью переходят на сторону вышеуказанного мятежника, который очень милостиво их принимает и дает им большие свободы. Его силы достигают теперь около 200 000 человек, которые расположены вдоль Волги на зимних квартирах.³¹ Поскольку у мятежников больше сил, чем в прошлом году, москвиты переживают большие трудности, так что в страхе не ждут ничего иного, кроме большой войны.

Однако 21 мая из самой Москвы написали, что главарь мятежников Степан Разин был захвачен москвитами, когда он навещал жену и детей в городе Кагальник. Казак Корнила Яковлев, узнавший от своих лазутчиков [о приезде Разина], сразу же окружил этот город и на следующий день совершил большую атаку. Когда она была отбита, он [Яковлев] отправил из своего лагеря посланца к мятежнику и велел спросить, не хочет ли тот добровольно сдаться и сдать город. Посланца этого [Разин] велел сразу же казнить. Подобная жестокость, противоречащая

законам всех народов, так возмутила [Корнилу], что тот начал новый, еще более решительный штурм города, взял его силой, а упомянутого мятежника поместил на корабль и отправил к великому князю.³²

(Рассказ о привозе в Москву и о казни Степана Разина совпадает с текстом «Франкфуртских исторических известий», см. с. 125—126).

Июль 1671 г. Главарь мятежников казнен в Москве

Однако большинство не хочет верить, что это был подлинный главарь мятежников Разин, поскольку сам [казненный] перед смертью сказал: «Вы думаете, что убиваете Разина, но настоящего вы еще не поймали и есть еще много Разиных, которые отомстят за мою смерть». Из-за этого жители Пскова не захотели устраивать никакого торжества, так как они не верили, что казни был подвергнут подлинный главарь мятежников.

Простой народ также совсем не доволен упомянутой казнью, полагая, что жизнь [Разина] принесла бы больше пользы, чем его смерть, и что эта его смерть вызовет только новые жестокие тиранства. Так, когда многие жители Астрахани после известия о пленении Разина снова начали стоять за москвитов, могущественные сторонники мятежников подвергли их нечеловеческой расправе, а двое пленных воевод были безжалостно казнены в отместку за двоих [братьев Разиных].

Поучительные досуги Иоганна Фриша или примечательные и вдумчивые беседы, в которых речь идет о полезных и поучительных материях, а также каждый раз сообщается о важнейших событиях нашего времени. 26 беседа. Альтона, 1677 г.

Он [Разин] был большого роста, неуклюжим, с такими широкими плечами, каких я ни у кого не видел. Однако талия у него была, как у девушки. Его лицо достаточно ясно отражало его упорный нрав. Оно не изменило цвета до самого конца и не выказывало ни малейших признаков чувствительности.

Через несколько дней после его [казни] была сожжена монахиня, которая, находясь с ним [заодно], подобно амазонке, превосходила мужчин своей необычной отвагой. Когда часть его войск была разбита Долгоруковым, она, будучи их предводителем, укрылась в церкви и продолжала там так упорно сопротивляться, что сперва расстреляла все свои стрелы, убив при этом еще семерых или восьмерых, а после того, как увидела, что дальнейшее сопротивление невозможно, отвязала саблю, отшвырнула ее и с распростертыми руками бросилась навзничь

к алтарю. В этой позе она и была найдена и пленена ворвавшимися [солдатами]. Она должна была обладать небывалой силой, так как в армии Долгорукова не нашлось никого, кто смог бы натянуть до конца принадлежавший ей лук. Ее мужество проявилось также во время казни, когда она спокойно взшла на край хижины, сооруженной по московскому обычаю из дерева, соломы и других горючих вещей, и, перекрестившись и свершив другие обряды, смело прыгнула в нее, захлопнула за собой крышку и, когда все было охвачено пламенем, не издала ни звука.

«Газета», 1670 г

№ 119 (4 X 1670).

Из Риги, 4 сентября 1670 г. Мы [лифляндцы] продолжаем опасаться разрыва с москвитами с тех пор, как великий князь дал знать, что он не согласен на то посредничество в нашем споре, которое ему предложили. Однако есть надежда, что волнения, происходящие в его владениях, заставят его в конце концов вести переговоры с меньшей суровостью, ибо нас уверяют, что его восставшие подданные, число которых превышает 100 000, овладели Астраханью и даже заставили сложить оружие 20 000 солдат, посланных на помощь этому городу.

№ 127 (25 X 1670).

Из Риги, 25 сентября 1670 г. Волнения в Московии с каждым днем усиливаются. Мятежники, захватив Астрахань, взяли также Казань и многие другие важные города.³³ Великий князь всеми силами стремится воспрепятствовать их продвижению, и так как он хочет избежать кровопролития, то написал вождю мятежников, чтобы привлечь его добром. Но тот, вместо того чтобы признать свою вину, как говорят, жестоко расправился с теми, кто был к нему послан, и заявил, что не сложит оружия, пока ему не выдадут генерала великокняжеских войск Долгорукова, чтобы отомстить ему за смерть брата, повешенного будто бы по его [Долгорукова] приказу.

№ 130 (1 XI 1670).

Из Стокгольма, 30 сентября 1670 г. 26 сентября в этот город прибыл господин Гейнзиус — чрезвычайный посланник Генеральных штатов Объединенных провинций Нидерландов, — весьма недовольный переговорами с великим князем. Однако есть надежда, что волнения, которые продолжаются в Московии, во многом послужат тому, чтобы завершить наш [шведов] спор с этим государем. Ходит даже слух, что он намерен послать

сюда [в Швецию] знатное посольство, чтобы возобновить старинный союз между обоими народами и восстановить торговлю, прерванную в течение столь долгого времени.

№ 136 (15 XI 1670).

Из Риги, 15 октября 1670 г. Хотя под страхом суровой кары запрещено посылать какие-либо письма из Московии, однако в [нескольких из] них на этой неделе говорилось, что вождь восставших, собрав 120 000 человек, разбил после взятия Астрахани две большие армии великого князя, возглавляемые генералом Долгоруковым, и что этот генерал собирает третью, еще большую армию, к которой должно присоединиться дворянское ополчение, а если мятежники и ее разобьют, государь будет вынужден покинуть свои владения.³⁴

№ 162 (ошибочно, вместо № 142) (29 XI 1670).

Из Гамбурга, 9 ноября 1670 г. Нам пишут из Риги, что волнения в Москве усиливаются с каждым днем. Вождь восставших недавно снова отказался от предложенных ему очень выгодных условий, так как считает, что если он разоружится, великий князь найдет предлог, чтобы наказать его за мятеж.

№ 148 (17 XII 1670).

Из Гамбурга, 27 ноября 1670 г. Нам пишут из Риги, что дела великого князя московского начинают принимать новый оборот с тех пор, как генерал Долгоруков разбил армию мятежников, многие из которых были убиты, а более 3000 взято в плен. В письмах добавляется, что в результате этого сражения город Астрахань вернулся под власть своего законного государя, и есть надежда, что и все остальные перешедшие к врагу [города] последуют этому благому примеру.

№ 154 (27 XII 1670).

Из Гамбурга, 7 декабря 1670 г. В некоторых письмах из Риги подтверждается победа, одержанная войсками великого князя московского над его мятежными подданными. С другой стороны, говорится, что беспорядки там распространились вплоть до Москвы, жители которой вынуждены забаррикадировать свои дома, чтобы уберечься от нападения и от частых пожаров, дающих основание полагать, что в разных частях города прячутся поджигатели.

1671 г.

№ 10 (24 I 1671).

Из Риги, 25 декабря 1670. Ходившие слухи о победе великого князя московского над его мятежными подданными не были

верны. В последних письмах из этой страны [Московии] утверждается, что вождь восставших продолжает добиваться таких успехов, что есть основания опасаться настоящего переворота, тем более что, как говорят, многие бояре из числа самых знатных людей королевства тоже восстали.

№ 25 (28 II 1671).

Из Варшавы, 24 января 1671 г. В письмах, полученных из этой страны [Московии], подтверждается успех вождя мятежников, который, кроме Астрахани и Казани, овладел почти пятьюдесятью другими важными городами. К этому добавляют, что Долгоруков — командующий войсками великого князя, — выздоровев после опасной болезни, собирает сильную армию, чтобы выступить против мятежников, число которых достигло 200 000 человек. Говорят еще, что персидский король находится в согласии с ними [мятежниками] и обещал послать им помощь со стороны Каспийского моря.

№ 42 (внеочередной выпуск от 10 IV 1671 г., содержащий продолжение польских дел в письме из Варшавы).

. . . [Великий князь московский] находится в немалом затруднении из-за продолжающегося в его владениях мятежа, которым как будто хотят воспользоваться некоторые его соседи, чтобы отомстить за то, что не смогли заключить с ним никаких договоров.

Также ходит слух, что король персидский заодно с вождем мятежников и обещал прислать ему помощь; однако известия, полученные на этот счет, не очень достоверны и сейчас нет никакой ясности относительно хода этих дел.

В начале прошлого месяца было сообщено, что мятежники, развивая свои успехи, заставили великого князя, испугавшегося полного переворота в стране, предложить их предводителю соглашение и что тот, упоенный своими победами, отказался говорить об этом, пока не будет выполнено множество его дерзких требований, о которых вы, может быть, уже знаете, а именно: чтобы за ним признали титул князя астраханского и остальных земель, хозяином которых он стал; чтобы ему заплатили два миллиона золотом на раздачу войскам; чтобы ему выдали двадцать лиц, которых он назовет, и чтобы восстановили патриарха, который был смещен несколько лет назад. В завершение он заявил, что продолжит свой победный поход, пока фортуна ему благоприятствует. Великий князь, испугавшийся столь дерзкого ответа и чувствуя себя в Москве неуверенно, готовился уехать и искать убежища в Архангельске на Белом море, куда многие купцы разных наций собирались также следовать за ним, взяв с собой свое самое ценное имущество.

Затем было сообщено, что высшие московитские офицеры отправились сражаться с ним [Разиным] и что он разбил их и,

с легкостью продолжая начатое, присоединил к уже завоеванному Казанскому царству несколько других княжеств. Многие офицеры из армии великого князя перешли в его [Разина] армию, включающую среди прочих татар казаков и немецких офицеров. Таким образом, близ его [царя] персоны осталось только несколько высших сановников, растерянных не менее, чем он сам, и не знающих, на что решиться при таких обстоятельствах, когда фортуна, казалось, отдает их во власть восставшим, которые к тому же надеялись получить помощь от иностранных держав.

Вслед за этими новостями была получена и более благоприятная, а именно, что вождь мятежников, осаждавший с огромным войском один из городов на Волге и совершивший за месяц 15 штурмов, каждый раз получал отпор от губернатора и в конце концов был разбит сильной армией, пришедшей на помощь к этому городу, и горожанами, совершившими вылазку. При этом большинство осаждавших было убито или потоплено, за исключением немногих, которые вместе с их предводителем спаслись с большим трудом на лодке.

К этой доброй вести добавляют, что многие города, которыми он [Разин] овладел, сразу же вслед за тем вернулись под власть их государя, и что наконец мятеж оказался окончательно подавленным вследствие поражения его вождя, и дела в Московии возвращаются в свое прежнее состояние. Хотя по слухам уже получено подтверждение столь чудесной перемены — причем с такой подробностью, что генерал великокняжеской армии одел свое войско в польскую одежду и поднял знамена с королевскими гербами и благодаря этой хитрости привел в ужас мятежников и добился победы, — однако многие еще не высказываются на сей счет до тех пор, пока истина не станет яснее. Из Варшавы, 1 марта 1671 г.

№ 49 (25 IV 1671).

Из Риги, 28 марта 1671 г. Полковник ван Стаден прибыл сюда в качестве чрезвычайного посланника великого князя московского. . . Он рассказывает о делах в этой стране [Московии] в таком благоприятном духе, что ему трудно верить. Он утверждает, что не только вся армия мятежников потерпела поражение и 50 000 их было убито на месте, но к тому же и их вождь Степан Разин взят в плен, и его везут к великому князю вместе с главарями его шайки.

№ 74 (внеочередной выпуск от 26 VI 1671 г., содержащий продолжение польских дел в письме из Варшавы).

. . . Вот каково состояние наших международных дел, и мне к этому нечего добавить, кроме того, что нам [полякам] не следует ничего опасаться со стороны московитов до тех пор, пока они втянуты в свою гражданскую войну, которая продолжает

их достаточно занимать и настолько обескураживает, что прибывший сюда на днях посланник великого князя явился на аудиенцию к королю с видом, не имеющим ничего общего с обычным высокомерием его нации. Грамота его государя содержала лишь приветствия и заверения в большой и крепкой дружбе с добавлением, что он [великий князь] решил отправить к польскому королю двух послов с тем, чтобы его величество одновременно отправил и своих, дабы подтвердить и обновить старые договоры. Это свидетельствует о том, что он [великий князь] опасается, как бы мы со своей стороны не воспользовались успехами его мятежных подданных. Из Варшавы, 19 мая 1671 г.

№ 84 (18 VII 1671).

Из Бремена, 27 июня 1671 г. Последние письма из Риги подтверждают полное поражение московитских мятежников и [сообщают], что их вождь Степан Разин схвачен и отправлен в Москву, а все города, которые он захватил, вернулись под власть своего государя.

№ 99 (22 VIII 1671).

Из Гамбурга, 4 августа 1671 г. Нам пишут. . . из Москвы, что там были четвертованы три главаря мятежников, но что Степан Разин, их вождь, которого считали одним из этих трех, еще сопротивляется и продолжает свирепствовать и в отместку за казнь [своих сообщников] расправился с двумя московитскими вельможами, находившимися среди его пленников.

№ 113 (внеочередной выпуск от 25 IX 1671 г., содержащий продолжение польских дел в письме из Варшавы).

. . . в этой стране [Московии] волнения продолжают, несмотря на казнь Степана Разина, вождя мятежников. Подробности этой казни достаточно любопытны, чтобы вам о них рассказать.

Он был доставлен в Москву, предшествуемый 400 пешими воинами с развернутыми знаменами и зажженными факелами. За ними следовал отряд казаков во главе с командиром, арестовавшим этого преступника. Он [Разин] находился на повозке в виде эшафота, где стояла виселица, к которой его привязали цепью за шею, а другой цепью — вокруг пояса, причем руки и ноги его тоже были закованы. За ним шел пешком его брат, также с цепью на шее, привязанный к эшафоту, и шестие замыкало множество отрядов пешей стражи великого князя. Как только он [Разин] прибыл, его подвергли пытке, и, будучи приговорен к смерти, он был снова подвергнут пытке и казнен перед дворцом, причем на доске были перечислены все его преступления с 1663 г., и это было прочитано вслух. Его руки, ноги и голова были насажены на колья на городских площадях, а туловище

выброшено. Его брата, присутствовавшего при этой казни, сразу же отвели в тюрьму, где он будет ждать суда. Из Варшавы, 16 августа 1671 г.

№ 114 (26 IX 1671).

Из Стокгольма, 23 августа 1671 г. Господин Эвершилд собирается ехать в Московию в качестве чрезвычайного посланника шведского короля по поводу давних споров между нами [шведами] и великим князем. Есть основание надеяться на соглашение, поскольку в этой стране [Московии] продолжаются беспорядки, хотя вождь мятежников там уже казнен и город Астрахань вернулся под власть своего государя. Однако [шведские] войска продолжают посылать в Лифляндию, дабы граница была прикрыта от каких-либо покушений.

№ 141 (28 XI 1671).

Из Гамбурга, 10 ноября 1671 г. Нам пишут из Стокгольма, что. . . принято решение послать весной новое земское ополчение в Померанию, чтобы увеличить армию, которую шведы намерены там держать, а также усилить армию в Ливонии, чтобы воспрепятствовать всему, что москвиты могли бы предпринять с той стороны, поскольку они стали куда менее стоворчивы после восстановления спокойствия в их стране в результате разгрома мятежников.

1672 г.

№ 2 (2 I 1672).

Из Гамбурга, 15 декабря 1671 г. Нам пишут из Москвы, что войска великого князя идут на Астрахань, чтобы завершить разгром мятежников, которые удалились туда до весны, когда они надеются снова двинуться в поход, собрав сильную армию.

№ 38 (26 III 1672).

Из Гамбурга, 10 марта 1672 г. В письмах от 20 января, прибывших из Москвы, добавляется, что в настоящее время положение в Московии стало гораздо спокойнее, после того как город Астрахань вернулся под власть своего государя, который объявил всем мятежникам амнистию, и она была оглашена в конце декабря с подобающими церемониями, а за ней последовала 29 января благодарственная служба во всех церквах.³

³ Ср.: «Голландский Меркурий», ч. XXIII, 1673, с. 28: «В то время, однако, город Астрахань был снова приведен в подчинение московскому царю. Его генерал Иван Богданович захватил город. Москвиты завладели временно и воротами, и стенами. Но ради этого пришлось мятежникам дать прощение. В Москве в замке по этому поводу праздновалась победа, было устроено увеселение, о чем было всем открыто объявлено».

ИЗВЕСТИЯ О ВОССТАНИИ С. РАЗИНА В «ВЕДОМОСТЯХ»
ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

1671 г.

*Переводы с цесарских, галанских, немецких печатных курантов, которые присланы через виленскую и рижскую почты и привезены П. Марселисом и Еремеем фон дер Гатином марта с 10-го по июля по 6 число на 173 листах*³⁶

Переводы с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы чрез рижскую почту нынешнего 179-го году марта в 10 день...

Из Варшавы генваря 31-го числа. Из Москвы ведомость, что смущение тамо еще настояло и будто Разин Астрахань и Казань взял да к тому иных мест с 50, а с ним де з 200 000 человек. И будто тамо приехал посланник свейской для договору, именуя ево царем астраханским. Так же будто шах персипкой в то смущение примешивается некоторых ради разств о Хвалымском море. . .

Перевод с немецких и галанских печатных курантов, каковы подал в Посольском приказе иноземец Еремей фон дер Гатен, а сказал, что присланы из Вильни в нынешнем во 179-м году марта в 16 день. . .

В галанских курантах напечатано. . .

Из Амбурха февраля 12-го дня. Последние вести с Москвы объявляют, что смутные дела тамо еще не успокоились и будто тако войну всчинали с шведы.

Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, что принес в Посольский приказ в нынешнем во 179-м году марта в 23 день иноземец Еремей фан дер Гатен чрез виленскую почту

. . . Из Прус 24-го числа февраля. С Москвы вести приходят, что при последнем бое на обе стороны много голов положено, однако ж з Долгоруково стороны меньши. А ныне оружие одер-

жание поволено до последнего числа мая. Также ныне здесь с Москвы гонец пригнал, которой от королевского величества именем царя своего помощи просит против его бунтовщиков. Также при том сказывают, коим обычаем коруна свейская к такому бунту причочна и тех бунтовщиков к злобе научает. Просит для того, и дабы здешняя коруна против договору постоянна была. . .

Перевод с немецких и з галанских с печатных и с письменных курантов, каковы присланы чрез виленскую почту в нынешнем во 179-м году марта в 30 день

. . . Из Вольна февраля 26-го числа. Здесь подлинно ведомо, что из Московского государства великие послы к королевскому величеству отпущены, которым велено просити помочи против Стеньки Разина, а за то хотят они полякам отдать Смоленск со всею Украиною. А Стенька Разин хочет своих послов х королю отпустить, чтоб он Москвы помочи не давал, и за то обнадеживает он корону польскую, что хочет в сейм отдать, что у них Москва побрала. . .

Из Прус 3-го числа. Из Вильна объявляют, что они ожидают посланника своего с Москвы, а с ним ожидают ведомости, уступят ли они Смоленска, Быхова, Киева или воевать хотят.

А из Риги пишут в последних грамотах, что царь самой большой душечный наряд из Смоленска взять велел, и потому знатно, что Стенька Разин предвоитин поляку и шведу. . .

Из Риги генваря 30-го дня. С Москвы нам вести нет, а из Смоленска нам ведомо чинят, что шляхте польской, которые под московским владением, на помочь велено итить, которые назад мало возвращаются, а черни по 5000 и по 7000 человек новому князю передаются.

Из Ругодива. Грамоты свейского короля посланы к Москве, в которых писано, чтобы рубежи розвести и в запросах их удовлетити, а естли не учинит того, тогда насильством искать учнут. Москва ныне против нас и поляков в безопасности живут.

Из Москвы генваря в 30 день. Здесь ныне тихо и о изменнике мало слышит, а воинские люди царского величества еще на границах против его стоят. А царского величества радость, то есть сочетание брака будет вскоре и великия приготовления к тому чинятца.

Перевод с цесарских печатных курантов, присланных чрез виленскую почту апреля в 19 день. . .

Из Амбурга марта в 14 день. Галанские начальные люди, которые приехали, приговаривают ратных людей на деньги, многих людей уж в собрании имеют. Дороговля, которая чинитца на Москве, ныне престала, а стала дороговля на Волге и у Ар-

хангельского города, где преж сего бывало хлеба много. (А бунтовщик Разин со своим войском побид, а на 20 миль меж Вологдою и Москвою все жители предались к Стеньке Разину и московского войска больши 100 000 убили, и того ради на Москве от розных людей намеривают и много про то говорят).^а

Перевод с цесарских и з галанских печатных курантов, присланы чрез рижскую почту в ныншнем во 179-м году апреля в 23 день

Из Варшавы марта 14-го числа. Король польский хочет ехать для поклонения ко гробу отца своего.

А чрез Замостье к нам ведомость о московском изменнике, что его ж люди ему главу отсеки к царскому величеству прислали.³⁶

Из Стекольны марта 14-го ж числа. Ведомость у них носитца, что царское величество московской прислал х королевскому величеству просити вспоможения на изменника Разина, и буде вспоможение с сей страны учинят, то хотят Москве прибылые статьи предложить и чтоб они быти им позволили.³⁷

Перевод с цесарских печатных курантов, которые присланы в ныншнем во 179-м году мая в 1 день чрез виленскую почту. . .

. . . Из Варшавы марта 27-го числа. . . Его царского величества посланной полковник Миколай фон Стаден в Ригу прибыл, розславил счастливую победу его царского величества над мятежными изменниками. Однако ж сие пременялось, потому что иные изъявляют, что тот изменник Разин в силе укрепляется и естльи бы прошлые зимы не такие востали плохие морозы, подлинно пошел бы и под самую Москву.

. . . Из Висмара марта 27-го числа.⁶ Из Риги объявляют, будто некоторым полкам конного строю указано из Свеи прибыти в Ригу, но неведомо, к какому намерению: помощь или удовольствие, которое воспряти хотят. А про войска царского величества в письмах твердят, будто все побиты.

. . . Из Риги марта 6-го числа. У нас в Риге московской посланник господин полковник Миколай фон Стаден, родом Лифлянские земли, сюды приехав, был у здешнего губернатора высочества двожды в ответе, но что ево предложение было еще по се число неведомо. Однако ж объявляют, что ему вскоре последовати имеют великие послы в Свею, чтоб коруну свейскую всякою соседственною дружбою и приятством по договору обнадеежить и всякие споры отставить.

^а Сообщение в рукописи заключено в скобки. Так подчеркивались в XVII в. особо важные события в переводных «Ведомостях».

⁶ На полях написано: в Свее Висмар.

Его ж посланниковы люди сказывали, что изменник Стенька Разин совсем побит, 20 000 человек повешены, множество порублено, а 50 000 в воду потопили.

Перевод с цесарских печатных курантов, чрез виленскую почту
присланы мая во 8 день

. . . Из Варшавы 27-го числа марта. . . А с Москвы слышно, что бунт еще не утишился и многие мужики к бунтовщику предаются.

. . . Из Москвы марта 3-го числа. Сказывают, что будто головной московской бунтовщик пойман. Однако ж воинских многих людей собирают и хотят послать на низ к Хвалимскому морю. И чают, что милостью божию бунтовщиков розгонят, потому что у бунтовщика многие люди наперед сего побиты.³⁸

Перевод с галанских печатных курантов, присланы чрез виленскую
и рижскую почты сего ж мая в 19 день

А в московских грамотках марта 13 числа пишут, что сомневаются о смерти вора Разина, потому что, пишут, крепко де в поле стоит, и царское де величество указал некоторых воинских людей на него послать.

Перевод з галанских печатных курантов, присланы сего ж мая
в 24 день чрез виленскую и рижскую почты

Из Москвы марта в 26 день. Во всех облеглых зде местах тихо есть. И ни о каких неприятелях не слышать. Потому что за роспутицею никою к нам нет. Однако ж не без опасения новых неприятностей, потому что вор не умер и не убит, для того и зде всякое попечение творят. Как бы не токмо удобным временем против того изменника итти, но буде мочно совершенно изгнаньем погубить. . .

Из Варшавы в 19 день. Зане ныне совершенно мы уверение восприяли, что Дорошенко истинно нам неприятель и с татары и турки держит, королевское величество по такому ведомству посполитому рушенье готову указал быть и великая воинская рада мая в 14 день будет. Польское войско удоволено, кроме немецких полков, потому что и десятую долю заслуженных их денег им не давали. И оне тех взять не похотели, и им за их ослушание и в том отказано. А с Москвы слышать, что донские казаки с Разиным сложились и от того нам большие беды могли б изрести. . .³⁹

Перевод з цесарских печатных курантов, каковы присланы чрез
виленскую и рижскую почты в нынешнем во 179-м году июня во
2 день. . .

. . . Из Амбурка апреля 28-го числа. Апреля 21 числа меж Амбурка и Любка в полдни востала великая буря и гром

большой без молнии, и от того грома и бури всякой скот с поль збег по деревням.

Вчерашнего дня поехал я в Амбурок из Любка с некоторым проезжим с Москвы человеком и спрашивал его о некоторых государственных делах, и он ничего не объявил. Только сказал о бунтовщике о Стеньке Разине, что многие де бунтовщики, новые московские крестьяне, которые к нему пристали. . .

Перевод с галанских печатных курантов, каковы присланы сего ж июня во 2 день чрез рижскую и виленскую почты

Из Амбурка мая 8-го дня. С некоторыми пришельцами чрез Любок ведомость, что в московских странах о Разине воре еще имеют промышление, а что сказывают, будто его людей побито много, и то не истинна, потому что побито деревенских мужиков множество. А с нынешними московскими грамотами марта 28-го дня ведомость к нам, что Разина опасны и паки собираются и силу свою больше укрепил, нежели умалил, и о том опасны, чтоб не учинил великого скока, и на Москве против него крепко вооружаются.

Перевод з галанских печатных курантов, каковы присланы к Москве чрез виленскую и рижскую почты в нынешнем во 179-м году июня в 9 день. . .

. . . Из Вильни апреля в 26 день. С Москвы к нам вести приходят, будто от страха и казни ко изменникам многие люди собираются и ныне их в собрании 300 000 человек, и летом те люди изменники объявятся Волгою рекою и иным путем.⁴⁰

. . . Из Вильни апреля в 29 день. Московской бунтовщик с великим войском паки наступати хочет, а на Москве против того малое радение чинят.

Перевод с цесарских печатных курантов, которые присланы чрез виленскую и рижскую почты в нынешнем во 179-м году июня в 9 день

А в последней московской битве з бунтовщиком Стенькой Разиным пишут, будто он, Стенька, на том побое сам убит и многие его старшины войсковые убиты. И чрез сие чают сему бунту усмирение будет.

Перевод з галанских печатных курантов, каковы присланы чрез виленскую и рижскую почты сего ж июня в 19 день. . .

. . . Из Варшавы мая в 9 день. . . . А из Вильни к нам в Варшаву пишут, что на Москве недобро чинится, а начальных служилых великих и малых чинов многих отпускают. А гетман Долгорукой послан против изменника с великим войском и

многие города и местечка разорил и старых и малых людей множество перевешал. А многие ис тех городов и из местечек разбежались от страху. И ныне все пристали к изменнику. И ныне у изменника войско в собрании больши 200 000 человек. И приказывает изменник людям своим, чтоб они всяких чинов над людьми чинили по христианску, а не варварским обычаем. И того ради на Москве чинитца великое сумнительство и смятение.⁴¹

Из Свейские земли из Стекольны апреля в 29 день. . . . А с Москвы к нам ведомость, что вор Стенька Разин собрал войска 170 000 и хочет с ними итить в поле.

Перевод с цесарских печатных курантов, каковы присланы в нынешнем во 179-м году июля в 6 день чрез виленскую почту. . .

Из Амбурка июня в 6 день. Чрез гонцов доходит ведомость из Лифлянт и с Москвы, что изменник Разин опять в собранье и города поимал.

А маеор Гальмас, который из Аглинской земли послан был к Москве, возвратился назад и объявил, что по прошению аглинского короля агличанам служилым начальным людям отпуск и свобода еще не учинена и что изменник Разин еще великое войско в собрании имеет.⁴²

Из Венецыи мая в 29 день. Из Турской земли ведомости приходят, что салтан турской с везирем поход свой в Царьград отложили. И ныне намерили через все лето во граде Софии пребывати ради ближнего места от войск. А где те войска их пойдут, того не ведомо. А иные мнят, что 300 000 войска пойдут против польских людей, чтоб короля польского с войсками его удержать и чтобы королевское величество и своею шляхтою казакам никакой помочи дати не могл. Также войско имеет итти в Украину и тамошние места под владение салтаново приводить, а из Украины намерены прямо пойти в Московское государство. И тамо сущему бунтовщику помочи дати и в замыслах ево укрепить хотят, чего ради и хан татарский с войском конным сам своею особою находит с турками совокупитися.⁴³

Перевод з галанских печатных курантов, каковы присланы чрез виленскую почту сего ж октября в 13 день. . .⁴⁴

. . . Из Амстердама сентября в 21 день. . . С Москвы пишут в грамотках августа первого числа, что один из первых воров именем Чертоус умре, а с ним бывшие казаки под Симбирским ныне побиты, а иные разбежались, и царское величество всем указал вины их отдать, которые вины свои доброю волею принесут. А Разинова брата везут в Астрахань, для того чтоб он указал казну, которую брат ево схоронил.⁴⁵

Перевод с галанских печатных курантов, каковы присланы к Москве
через виленскую почту сего ж генваря в 29 день

. . . Из Амбурка декабря в 29 день. С Москвы в грамотках
ноября от 15-го числа писано, что царского величества войска
ныне в великой силе около Астрахани остушили и воров, тамо
пребывающих, крепко осадили. А сказывают, что намерены те
воры держать тот город до последние капли крови своей. . .

Перевод з галанских печатных курантов, каковы присланы чрез
виленскую почту сего ж ноября в 7 день. . .

. . . Из Москвы августа в 25 день. Смущение здешнее скан-
чалось, потому что все малые городки паки себя в послушание
царскому величеству предали и боярину Ивану Богдановичу
Милославскому здавались на том, что вины их им отданы. А чаять,
что Астрахань царскому величеству вскоре здастся. . .

Перевод с цесарских печатных курантов, каковы присланы чрез
виленскую почту в нынешнем во 180-м году октября в 6 день. . .

. . . Из цесарские земли от Нижней Эльбы реки сентября
в 5 день. В грамотках с московских границ объявляют августа
в 18 день, что ныне о изменниках писать подлинно нечево, кроме
того, что изменники пребывают в Астрахани и преклоняютца
смирению к прежнему покорству.

Перевод з галанских печатных курантов, каковы присланы чрез
виленскую почту сего ж октября в 6 день. . .

. . . Из Амбурка сентября в 11 день. В московских грамотках
августа в 28-м числе пишут, что изменники астраханские к иным
мыслом учили приходить и хотели царскому величеству бить
челом об отдаче вин их. . .

*ЦГАДА, ф. 155/1, № 6, л. 51—80, 92, 108, 113 об., 114; № 7, л. 1, 7, 8,
11, 14, 20, 21, 22 об., 24—26 об., 30, 49 об., 50, 51 об., 54, 54 об., 55 об., 56,
57, 68, 70 об., 84, 88, 98, 101, 101 об., 103, 111, 111 об., 118, 118 об., 122, 123,
123 об., 126, 128, 131, 132, 155, 158 об., 164 об., 165 об., 166.*

Комментарий

¹ В начальный период восстания было предпринято две попытки прекра-
тить движение с помощью царских грамот, направленных С. Разину. В ноябре
1667 г. такая грамота была передана С. Разину в Яике делегацией донских
казаков. Собрав круг, Разин потребовал второй подтверждающей грамоты
царя, стремясь этим выиграть время (Кр. война, т. I, с. 138). Второй случай
относится к моменту возвращения Разина в Астрахань из похода в Персию
в августе 1669 г. С. Разин принял грамоту от посланца князя С. Львова, по-
целовал ее, но, как показали дальнейшие события, это было не более, как
дипломатическим шагом (Записки иностранцев, с. 48; Кр. война, т. I, с. 144—
145).

² Из данной корреспонденции видно, что в Европе первоначально дви-
жение С. Разина восприняли как восстание татар.

³ Под комендантом подразумевается первый воевода Астрахани С. И. Прозоровский. Он был не повешен, а сброшен с башни (раската).

⁴ После захвата Турецкой империей Византии и средиземноморских торговых путей торговля Европы с Персией через Переднюю Азию была затруднена. В таких условиях видное значение приобрел торговый путь через Россию. Ряд европейских государств, в том числе и Пруссия, стремился к установлению дипломатических и торговых сношений с Персией через Россию. Но в этом же была заинтересована и Россия. В 1667 г. русское правительство заключило соглашение с Армянской торговой компанией о торговле шелком в России и провозе его в Европу. Восстание С. Разина помешало осуществлению условий соглашения 1667 г. (Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. — Исторические записки, 1940, № 8, с. 129—162).

⁵ Русское правительство действительно испытывало затруднения в средствах и людских ресурсах при формировании войска Ю. Долгорукова (Кр. война, т. II, ч. I, с. 161, 169, 171, 192 и др.).

⁶ Казань не была взята повстанцами. В августе 1670 г. под Казань из Саранска перешел полк воеводы П. Урусова, сформированный для борьбы с Разиным. Попытки Урусова выйти на выручку осажденного Разиным Симбирска не имели успеха. Его полк так и остался под Казанью (Кр. война, т. II ч. I, с. 25, 43, 551, 552). Тем не менее взятие Казани, надо полагать, входило в планы С. Разина. В приговоре указывается, что Разин писал «в воровских прелестных письмах», что идет он «Волгою к Казани и под Москву». Иностранец, автор «Сообщения. . .», дает ту же версию: сопротивление, оказанное Разину под Симбирском, сорвало его планы похода под Казань (Зап. иностр. с. 110).

⁷ Имеются в виду события под Черным Яром, но суть их изложена превратно — на самом деле солдаты и стрельцы войска князя С. И. Львова перешли на сторону С. Разина (Записки иностранцев, с. 49—51). Цифра 6000 человек, посланных во главе с С. И. Львовым из Астрахани навстречу С. Разину, близка к той (около 5000), которую сообщает участник событий Л. Фабрициус (там же, с. 49). Число повстанцев во всех корреспонденциях приближается к 200 000 человек. Эта цифра упоминается и в анонимном «Сообщении. . .» о восстании (Записки иностранцев, с. 112).

⁸ Дата взятия Астрахани — 5 июля 1970 г. — подтверждает ту, которая устанавливается при сопоставлении данных ряда источников — 24—25 июня 1670 г. (в первом случае — по новому стилю). В данном случае мы встречаем впервые точно названную дату взятия Астрахани.

⁹ Бутлер не был казнен, а бежал из Астрахани (Записки иностранцев, с. 59; Бутлер, с. 362—363).

¹⁰ Имеется в виду Андрусовское перемирие 1667 г.

¹¹ Другие источники не подтверждают факт присвоения С. Разиным княжеского титула. Как свидетельствует Фабрициус, факты привлечения Разиным иностранцев-специалистов в области военного дела и медицины действительно имели место, однако не в столь широких масштабах, как изображено здесь. Значительная часть иностранцев бежала из Астрахани либо была убита при ее взятии (Стрейс, с. 209, 359; Записки иностранцев, с. 51, 53, 78—79).

¹² Сведения о направлении царем послов к С. Разину в период после взятия повстанцами Астрахани не получают подтверждения в других источниках и едва ли достоверны. Намерения же захватить крупнейших бояр, изменивших царю, у С. Разина действительно были (Кр. война, т. I, с. 235).

¹³ Томмазо Аньелло (Мазаньелло) — рыбак, возглавлявший одно из крупнейших восстаний народа в Неаполитанском королевстве в 1647 г. Восстание получило широкий отклик в Италии и за ее пределами. Вскоре после предательского убийства Мазаньелло руководство восстанием перешло в руки буржуазии (История Италии, т. I. М., 1970, с. 494).

¹⁴ Данное описание привоза С. Разина в Москву и его казни близко к описаниям, которые принадлежат Т. Хеддону и автору «Сообщения. . .»

(Записки иностранцев, с. 114, 125, 130—131), и отличается лишь тем, что, согласно Т. Хебдону и «Сообщению. . .», руки С. Разина были прикованы к столбам виселицы, стоящей на повозке, а в этой корреспонденции указывается, что они были прибиты к повозке. Сопоставление этих описаний с другими описаниями позволяет заключить, что Хебдон и «Сообщение. . .» дают более достоверные сведения.

¹⁵ Чертов Ус — прозвище Василия Уса, который стоял во главе повстанцев, находящихся в Астрахани, после ухода из нее С. Разина. Второй поход из Астрахани под Симбирск в мае—июне 1671 г. возглавили атаманы Федор Шелудяк и Иван Константинов. За это время в Астрахани от тяжелого кожного заболевания умер Василий Ус.

¹⁶ Фрол Разин показал под пыткой, что его брат Степан на острове Прорва закопал кувшин «с воровскими письмами». Предпринятые по указу царя поиски кувшина не дали результата (Кр. война, т. III, с. 94, 170).

¹⁷ Сведения о глумлении Разина над женой и дочерью воеводы князя И. Прозоровского являются вымыслом. Из Летописца П. Золотарева, служившего у астраханского митрополита Иосифа, который позднее был убит повстанцами, видно, что княгиня Прасковья Федоровна не подвергалась никаким насилиям. Ей был возвращен после пыток младший сын Борис, и она и ее сын при воеводе И. Милославском «поехали к Москве» (ПСРЛ, М., 1968, т. 31, с. 217).

¹⁸ Источником этих сведений являются шведские куранты. А. Попов приводит в своей книге копию со списка шведских курантов, взятую из бывшего Архива Министерства иностранных дел (Шведские дела, 1670, № 8). В этом списке значится: «Из Риги, ноября 12-го дня. Из русских же краев также сия ведомость приходит, что царское величество ищет случая с Стенькою Разиным мириться, к чему и Разин склонен, токмо таким намерением:

1-е. Чтоб царское величество его царем казанским и астраханским почитал.

2-е. Чтоб он, великий государь, ему на его войска из своей царской казны дать указал 20 бочек золота.

3-е. Желает же он, Стенька, чтоб великий государь ему выдать изволил осми человек близких его бояр, которых он за прегрешения их казнити умыслил.

4-е. Последи ж желает, что прежний патриарх, который ныне у него бывает, паки в свой чин возвратити изволил» (А. П о п о в. История возмущения Стеньки Разина. М., 1851, с. 81—82).

¹⁹ С. Разин был привезен в Москву действительно в пятницу, а пятница перед вторником 6 (16) июня, когда его казнили, приходится на 2 (12) июня. Таким образом, указанная в корреспонденции дата 9 (19) июня, видимо, является опечаткой, тем более что строкой ниже дата казни Разина 16 июня (по новому стилю) указана верно.

²⁰ См. с. 148 (комм. 14-й).

²¹ Повстанцы сдали Астрахань царским войскам в конце ноября 1671 г.

²² Дата привоза С. Разина в Москву (2 июня) указана по старому стилю, а дата казни (16 июня) — по новому стилю.

²³ См. с. 149 (комм. 16-й).

²⁴ Астраханский митрополит Иосиф, воевода С. И. Львов и ряд других лиц казнены повстанцами в мае 1671 г. за изменнические сношения с царскими воеводами других городов (Кр. война, т. III, с. 217).

²⁵ См. с. 149 (комм. 21-й).

²⁶ По Андрусовскому перемирию 1667 г. Киев с прилегающей территорией должен был оставаться за Россией до 1669 г., но остался за нею навсегда. Польская сторона, домогаясь пересмотра условий перемирия и возврата Киева, связывала свои надежды с Крестьянской войной в России. Сведения о новом захвате Астрахани повстанцами после ее сдачи правительственным войскам в конце ноября 1671 г. не соответствуют действительности.

²⁷ «. . . кровный наследник прежних астраханских и казанских царей» — речь идет о князе Андрее Черкасском, сыне кабардинского мурзы Камбу-

лата Пшимаховича. Андрей Черкасский в стане разинцев выдавался за царевича Алексея (Кр. война, т. II, ч. 2, с. 101; т. III, с. 419).

Строгой организации «армий» у повстанцев не было. Возможно, в данном случае имеются в виду действия повстанческих отрядов в районах Симбирско-Корсунской черты, Белгородской черты и Слободской Украины.

²⁸ Смотр царских войск с целью демонстрации устойчивого положения в стране был устроен под Москвой в конце октября 1670 г. (Рейтенфельс, с. 119).

²⁹ Воротынский Иван Алексеевич — князь, боярин, двоюродный брат царя Алексея Михайловича; Лобанов-Ростовский Александр Иванович — князь, стольник, голова 1-й сотни стрялчих; Шереметев Петр Васильевич — боярин, симбирский воевода. Ценен перечень имен иностранных офицеров — участников подавления восстания. Этим имен нет в других источниках.

³⁰ См. с. 89.

³¹ Эту цифру — 200 000 человек повстанческого войска — в период развития событий в Среднем Поволжье называет и автор «Сообщения. . .» (Записки иностранцев, с. 112).

³² С. Разин действительно был схвачен домовитыми казаками во главе с К. Яковлевым в результате вторичного похода их под Кагальник в апреле 1671 г., но каких-либо переговоров с Разиным о сдаче Яковлев не вел.

³³ См. с. 148 (комм. 6-й).

³⁴ До октября 1670 г. Ю. Долгоруков, остановленный повстанцами в Алатыре, вынужден был занять оборонительную позицию, а его отдельные отряды терпели поражение от повстанцев. И лишь с октября перевес сил намечается на стороне правительственных войск.

³⁵ Общий заголовок рукописных «Ведомостей» взят из описи ф. 155/1 за 1671 г. (д. 7, л. 12) ЦГАДА. Этот же заголовок предпослан и архивным материалам. Датчанин Петр Марселлис ведал доставкой иностранных газет в Посольский приказ через рижскую почту до 1672 г. (см.: И. Х р у щ е в. К истории русских почт. СПб., 1884, с. 12, 17). Иноземец Еремей фон дер Гатен, о котором упоминается в заголовке, по всей вероятности, ведал доставкой иностранных газет через виленскую почту (ф. 155/1, д. 7, л. 9, 20 и др.).

³⁶ В сообщении от 14 марта 1671 г. приводится преждевременное известие о гибели Разина за 3 месяца до его казни. Эти слухи распространялись, вероятно, не без участия Москвы с целью успокоить «общественное» мнение Запада.

³⁷ Снова в Швеции распространялись необоснованные слухи о том, что Россия просит «вспоможения» для борьбы с Разиным. Возможно, что с русской стороны предпринимались в это время попытки набора нового контингента наемного войска и прежде всего офицерства.

³⁸ Здесь приводится преждевременное сообщение о поимке Степана Разина. Далее речь идет о посылке царских войск к «Хвалимскому морю», т. е. в район Астрахани, где восстание еще продолжалось под предводительством соратников Разина — Василия Уса и Федора Шелудяка.

³⁹ Из этого сообщения видно, что правительство Польши опасалось не только протурецкого движения Дорошенко, но и движения Разина.

⁴⁰ Здесь даны явно фантастические сведения (300 000 человек) о силах Разина весной 1671 г., когда крестьянское движение было почти разгромлено.

⁴¹ С опозданием на несколько месяцев приводятся сведения о кровавой расправе Юрия Долгорукова с восставшими. Интересно отметить, что в данном известии о восстании Разина подчеркивается, что он приказывал своим людям, «чтоб они всяких чинов над людьми чинили по христианску, а не варварским обычаем».

⁴² Единственное свидетельство, что в царских войсках, направленных против Разина, среди иностранцев были и английские офицеры.

⁴³ В этом сообщении содержится важная информация о нависшей угрозе над Россией и Польшей со стороны султанской Турции. Совместно со своими вассалами — крымскими татарами Порты стремилась использовать авантюрные планы изменника Дорошенко для отторжения Украины, связанной

с Россией актом воссоединения 1654 г. Вместе с тем это известие (одно из многочисленных, встречающихся в рукописных «Ведомостях» за 1671—1672 гг. о Турции) говорит также о планах Турции использовать восстание Разина для ускорения похода против России. Н. А. Смирнов в своем исследовании подчеркивает наличие единой враждебной линии по отношению к России от Прибалтики до Черного и Азовского морей, от Швеции до султанской Турции (Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946). Швеция толкала Турцию на захват украинских земель, чтобы отвлечь Россию от Прибалтики. О планах Турции использовать Крестьянскую войну под предводительством Разина в своих агрессивных интересах см.: там же, т. II, с. 121—123.

⁴⁴ Нижеприведенные сведения «Ведомостей» Посольского приказа находятся в ЦГАДА (ф. 151/I, № 6) и отнесены по времени их перевода (переложения) к 1672 г. По происхождению же (по времени их опубликования за рубежом) сведения относятся к последним месяцам 1671 г. и касаются главным образом событий, связанных с Астраханью, которая была сдана повстанцами правительственным войскам в конце ноября 1671 г.

⁴⁵ См. с. 149 (комм. 15-й и 16-й). Указание на то, что Фрола Разина возили в Астрахань, не соответствует действительности.

ЗАПИСКИ Э. КЕМПФЕРА О ПЕРСИДСКОМ ПОХОДЕ С. РАЗИНА

Персидский поход Степана Разина 1668—1669 гг. до сих пор является одним из наименее исследованных вопросов истории Крестьянской войны. Такое положение объясняется прежде всего скудостью и противоречивостью показаний источников. Сохранившиеся документальные материалы русского происхождения в основном представляют собой отписки городских воевод, передававших друг другу и в Москву доходившие до них слухи о походе. Документы относят одни и те же события к разным городам, сообщают разрозненные, почти не связанные между собой эпизоды похода, расходятся в названиях персидских городов и селений, в которых побывали казаки, не дают возможности достоверно установить маршрут похода казаков. Видимо, для истории персидского похода Разина исключительное значение имели бы в случае опубликования персидские документальные материалы.

Недостатки документальных источников в известной мере восполняются литературными памятниками — записками иностранцев. Персидского похода касаются в своих записках Шарден, частично Фабрициус, Бутлер, Стрейс, автор анонимного «Сообщения. . .» и др. Публикуемые записки Кемпфера специально посвящены персидскому походу Разина и имеют много общего с записками Шардена.

Жан Шарден — известный французский путешественник. В 1665 г. он отправился в Азию для скупки бриллиантов и долго жил в Исфахане. В 1670 г. Шарден вернулся во Францию и в 1671 г. издал книгу «Le Couronnement de Soleiman III roi de Perse. . .». В 1672—1676 гг. он снова побывал в Персии, на Кавказе, в Индии и других странах. Целиком его сочинение было

издано в 1711 г. в Амстердаме под заголовком «Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales. . .».¹

Энгельберт Кемпфер (1651—1716) известен главным образом как путешественник по странам Востока, оставивший многочисленные сочинения и путевые записки. В 1683 г. он в составе шведского посольства побывал в России, а в марте 1684 г. приехал в Персию, в Исфахан. С 1685 по 1694 г. он в качестве судового врача на голландском корабле объехал побережье Аравии и Индостана, посетил Суматру, Сиам и другие страны, провел два года в Японии. В Персии он находился с марта 1684 по 1685 г. в качестве секретаря шведского посольства. За это время он успел собрать обширные сведения об общественном строе, управлении, обычаях, верованиях и истории жителей Персии.

Хотя оба путешественника не являлись очевидцами персидского похода Разина, но были его современниками, возвращавшимися в хорошо осведомленных правящих кругах при персидском дворе, получавшими оттуда информацию и усвоившими себе его интерпретацию событий. Однако при этом Кемпфер иногда делает попытки оправдать или объяснить действия казаков. Сведения Кемпфера и Шардена в основном совпадают, но многие конкретные факты ими приводятся или объясняются различным образом (см. «Комментарий»).

Записки Кемпфера о персидском походе С. Разина 1668—1669 гг. публикуются впервые. Они были найдены (в английском переводе) в 1950—1952 гг. В. Н. Шумиловым в ЦГАДА среди неразобранных документов фонда Рукописного отдела библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел России (МГАМИД) и были предоставлены им составителю документального сборника «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Ссылки на записки Кемпфера и выдержки из них были приведены в комментариях к I тому «Крестьянской войны». После этого черновой вариант перевода был передан для ознакомления И. В. Степанову по его просьбе и использован им в его монографии «Крестьянская война в России в 1670—1671 гг.» (Л., 1966). Сведения, приводимые Кемпфером, упоминались в исторической литературе со ссылкой на эти два издания (см., например: Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968; Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Л., 1966, и др.).

Насколько нам известно, в Англии, где находятся почти все рукописи Кемпфера, данные записки не изданы. На наш запрос в Британский музей относительно наличия в нем этой рукописи оттуда не могли прислать ничего определенного, кроме данных о заглавии и содержании. Публикация записок несомненно внесет ясность в этот вопрос.

¹ Выдержки из книги Шардена о персидском походе Разина приводятся в «Комментарии» (см. с. 174—180). Перевод Е. В. Александровой.

Находящаяся в ЦГАДА рукопись безусловно является подлинником перевода (а не списком с него), в чем убеждает имеющаяся карандашная правка текста редакционного характера; это подтверждается большим сходством почерка текста и поправок, особенно в написании отдельных букв. Невольно напрашивается мысль, что писало и редактировало одно и то же лицо; можно предполагать, согласно заголовку, что это был «доктор Мортимер». Каким образом и когда рукопись попала в Россию, неизвестно. Наиболее вероятно, что она была привезена из Англии в XVIII в. каким-либо русским дипломатом — за эту версию говорит нахождение ее в Московском архиве Министерства иностранных дел, куда она могла поступить до 1800 г. (до этого времени в основном передавались дела в МГАМИД).

Как показывает анализ бумаги и почерка, дошедшая до нас английская рукопись написана в первой трети XVIII в. Она содержит 7 листов с оборотами убористого текста, написанного довольно хорошим (хотя едва ли писцовым) почерком. Лист, который должен был предшествовать первому, вырезан; к первоначально спитым трем двойным листам сверху подшит еще один двойной лист, отогнутый назад. Текст, как это указано в заголовке, был переведен с верхненемецкого и подготовлен к печати доктором Мортимером с рукописи, находящейся в руках сэра Ганса Слоуна. Следовательно, перевод мог быть сделан в период, когда рукопись находилась в руках Слоуна, т. е. не ранее 1716 г. (год смерти Кемпфера и продажи его рукописей Слоуну) и не позднее 1753 г. (год смерти Слоуна). Бумага рукописи относится к первой трети XVIII в. Филигрань бумаги, принадлежащая к широко распространенному в первой четверти XVIII в. типу «герб города Амстердама» и имеющая корону с наметом, без постамента, со львами, державшими головы повернутыми в фас и с поднятыми хвостами, с литерами под гербом LVG и на правой стороне листа W, точно не датируется, так как не значится ни в одном известном описании.² Однако достоверна принадлежность ее фирме «Libertus'а van Gerrevink'а» (по расшифровке литер), которая, по свидетельству С. А. Клепикова, существовала в первой трети XVIII в. Почерк перевода производит обманчивое впечатление почерка более позднего времени — конца XVIII и даже начала XIX в.

Подлинным текстом записок Кемпфера, написанных, как видно из заголовка, на верхненемецком языке, мы пока не располагаем.

² В статье С. А. Клепикова «Бумаги с филигранью „герб г. Амстердама“» (Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, М., 1958, вып. 20, № 203) дана сводная таблица всех известных филиграней этого типа, включающая собрания и исследования Хивуда, Николаи, Черчилля.

Время написания Кемпфером настоящих записок точно не устанавливается. В тексте есть замечание, что казак, чьи показания он приводит, был взят в плен на острове Дуванном 9 лет назад. Однако, если принять, что казак был пленен во время похода летом 1669 г., записки Кемпфера оказались бы написаны в 1678 г., тогда как он приехал в Персию в 1684 г. Видимо, этот казак был пленен уже значительно позднее подавления восстания.

Поскольку записки имеют дневниковый характер (так же как другие аналогичные записки Кемпфера) и в них даже не даны исправления в отношении сведений, впоследствии безусловно оказавшихся известными Кемпферу (например, сведения о восстании в России 1670 г.), а также ввиду механического соединения двух отдельных частей записок приходится сделать вывод, что записки написаны в период его пребывания в Персии в 1684 г. и потом существенным образом не перерабатывались. Примером таких же дневниковых заметок являются его записки о России.³

Публикуемые записки требуют особенно тщательной исторической и источниковедческой критики ввиду их сложности как источника. Как уже было сказано выше, мы имеем дело не с длинными записками, а с их переводом, подвергавшимся правке. Как уже указывалось, Кемпфер не был непосредственным участником или очевидцем событий, а был только их современником; он передавал недостоверные, а часто просто нелепые слухи или неверно истолковывал дошедшие сведения. Для записок Кемпфера характерны все недостатки, присущие обычно сказаниям иностранцев.

С другой стороны, Кемпфер благодаря занимаемой должности секретаря посольства стоял близко к персидскому двору и имел возможность получать информацию о прошедших событиях из первых рук. Поэтому все сведения Кемпфера, касающиеся событий в Персии, значительно точнее, чем данные о действиях восставших в России. Однако неверные сведения о России не могут ввести исследователя в заблуждение, поскольку касаются широкоизвестных и достоверно установленных фактов.

Записки Кемпфера состоят из двух неравноценных частей: рассказа самого автора и изложения им показаний пленного казака из отряда Разина. Вторая часть несравненно достовернее и содержательнее первой.

При издании английского текста за основу взят текст, написанный чернилами, так как правка карандашом имеет черновой, предварительный характер и не всегда согласовывается с основным текстом; часть карандашной правки стерлась от времени и почти не читается. Карандашная правка оговаривается в под-

³ Ф. А. Делунг. Извлечения из сочинения Кемпфера «*Diarium Itineris ad Aulam Moscoviticam indeque Astracanam suscepti anno MDCLXXXII*». — В кн.: Барон Мейерберг и его путешествие по России. СПб., 1827.

строчных примечаниях; при исправлении очевидных ошибок правка оставляется в тексте и также оговаривается в подстрочных примечаниях. Все особенности английской орфографии того времени сохраняются; из них оговариваются в подстрочных примечаниях только те, понимание которых может быть затруднено (например, Battel вместо Battle).

В русском переводе архаическое написание слов английского текста и большая часть его редакционной правки, естественно, не могли получить отражения. Особенностью перевода на русский язык было употребление ряда слов не в их распространенном, главном значении, а применительно к содержанию текста: так, the king переводится как «шах», а не «король»; general — «главный военачальник», «полководец»; governor — «наместник»; ducat — «золотой» и т. д. Дословный перевод здесь был бы неверен. Подобные случаи не оговариваются в подстрочных примечаниях. Перевод давался максимально близким к английскому тексту.

Рукопись подготовлена к печати старшим научным сотрудником ЦГАДА Е. А. Швецовой. Воспроизведение и перевод текста сделаны совместно с сотрудником кафедры английского языка Института международных отношений А. Д. Гачечиладзе. Публикаторы сожалеют, что безвременная кончина В. Н. Шумилова помешала ему принять участие в издании найденных им записок.

Е. KÄMPFER. ЗАПИСКИ О ПЕРСИДСКОМ ПОХОДЕ
С. РАЗИНА *

FROM KÄMPFER'S MANUSCRIPTS IN THE HANDS OF SIR
HANS SLOANE TRANSLATED AND TO BE PUBLISHED By Dr.
MORTIMER

Highdatch.^a

Confer.⁶ Kämpferi Ex Amoenitates Exoticas pag. 58.

I shall here take notice, that the people called *Khazak*^b are quite different from the true *Khosaaks*, that they are of Turkish original and of the Mahometan Belief, and inhabit a Country near or under^r *Turkestaan*; though it is true that both of them^r at the beginning^o participated of the same origin as well as of a name in common between them. The Cossackes, who caused the disorders in the Silk Countries upon the Caspian Sea, were Subjects of Russia about the Don, Christians by Religion, speaking and writing the Russian Language, and governed by a Chief whom they stile *Bojaar*^z and whose name was *Stenko Radzin*, who upon I know not what discontent at the Russian Governement, forsook his Country and began to act like a Rebel; he came down an Arm of the Wolga below Astracan with 800 men, and then sailing out into the Caspian See, landed between the River *Aras* and *Kizilagaat* in the District of *Mokhan*, where in the beginning of the Year 1667 he sollicitated the King to grant him some Land for their maintenance and habitation, giving the strongest assurances, that they would behave like upright *Sja—siwen*,

* Оригинал записок не имеет заглавия, оно дано переводчиком.

^a Т. е. «верхненемецкий». Слово написано на верхних полях над заголовком.

⁶ Т. е. «сравни указанную работу Кемпфера» (лат. яз.). Фраза написана на полях тем же почерком и чернилами, что и остальной текст, но более небрежно.

^b Здесь и далее слова, подчеркнутые в рукописи, выделены курсивом.

^r Слова от under зачеркнуты карандашом.

^o Исправлено карандашом на in the main participated.

^z Здесь и далее сохраняется точное написание слов документа. В дальнейшем исторические особенности написания отдельных слов не оговариваются.

which in the Turkish Language is as much as to say, *true to the Kings Body* or menial Servants of the King, and Loyal Subjects: and that he should always find them ready to defend and serve him. But at Court, where they looked upon these People as Robbers, as formerly they had known by experience, they would not trust them, yet would not (π. 1 об.) give them a flat denial, but kept them in suspence by a dilatory Answer. The Cossacks being impatient, coasted along the Strand of *Gilaan* with their Ships quite down to the District of *Resjt*, the Capital Town of that Province, where they set some men ashore, and desired to buy provisions for their money, but the Governour refused them in a very disobliging manner which so irritated them, that they landed silently in the night, and marching up to *Resjt* by surprise, plundered the Market and *Basars*, when some were Killed in the fray, then they returned again to their Ships, well provided with Sustenance for which a little before they had offered money and they likewise kept their footing upon the firm Land. The^o Governour not able to resist, much less to drive them away, and fearing greater ravages might ensue, dissembled his resentment of that Action, gave them fair words and let them have farther provisions for their money. They on the other hand excused their Conduct by reason of their extreme need and being refused the necessaries for life. They then Kept still and at last gave the Governour Hostages as Securities for their good behaviour. They sent 4 Embassadors to the King to make excuses for this Action, whereunto they were induced by the Governour; they repeated their first Petition for Land upon the Caspian Sea for their sustenance, with the strongest assurances of their faithfull service and Loyalty. They brought Letters which (π. 2) nobody was able to read: they were given to European Fathers and at alst to me: I found both the Language and Characters to be Russian. I did not translate them, and they remained untranslated (the Chevalier Chardin is under a Mistake when he says in his Account of the Coronation of Soliman, that they were in an unknown Character). But the Gourt was informed of their intention^o by word of mouth by the Russians who understood the Turkish Tongue and whose mother tongue was the same with that of those Cossacks. The King ordered them to be well entertained and left at their Liberty, and sent one of them back again with good words and some hopes, giving Orders to the Governour of *Resjt* to furnish them with all necessaries. In the mean time they were in hopes of getting a sufficient number of men together to surround them. But the Cossacks, seeing no positive Answer was returned but only fair words, perceived the snare, and observing that there was a small Army drawing together, took no notice of it to the Persians, but provided for their own security, and sett sail for *Ferrhabaad* in *Mesanderaen*, as if they designed there to wait for an answer and the Return of

^o The написано карандашом вместо ошибочного to.

^o Карандашом зачеркнуто intention и написано над строкой purpose.

their Embassadors, because it was a cheaper and more plentiful Place. At *Ferrhabaad* they made no scruple of admitting them, because they had behaved as well at *Resjt*, and did not seem to have any ill design, as long as their Embassadours were at Court. Their Pockets were well lined with Ducats, which drew the People from the neighbouring parts in hopes of gain, so that the Basar and rest of the Town were (п. 2 об.) fuller of people than usual. The Cossacks, suspecting the Persians for detaining their Embassadours, so long, resolved to prevent them, and to take the Opportunity of a publick weekly Marketday. There was a great conflux of *Buyers* and *Sellers*, as well as other peopleⁿ who were come^r to divert them selves or^m out of curiosity and hope of gain on account of the Cossacks. When the market was at its height, the Cossacks fell upon the people, plundering and stealing whatever was layd out for sale, stripping the people, Killing some and carrying others away with them to their Ships. Thus they got again what they had laid out besides a great deal more in money and Gold, and not content with this they ran to some of the King's Pleasure Houses not far from the Town, which they plundered also and carried the Booty off to their Ships with which they sailed to the Peninsula *Mijaan—Kaal*, which joins by an Isthmus to the Province of *Mezanderaan* [a]cross which they drew a Line to cutt off all communication with the Continent, and so posted themselves here in defiance of the Persians.

While they behaved themselves after this manner in the Silk-country, it fared but ill with their Embassadours at Court; for they were dragged out from a Publick Audience which the King gave in the Talaar *Ali Kapi*, with 3 people who were joyned to them and came along with them, in all 6 persons, their Necks and Hands were fastened into the wooden *Mik* (Pillory) and they were led into the *Meidaan* one after another, and 2 of them flung alive to the Dogs to be torn to Pieces; the others were pardoned, but forced to be circumcised and (п. 3) turn Mahometans. The Persians imagined, that the Czar of Moscovy had sett them to work to committ this Ravage in the Silk Lands, in revenge for the affront, which Abas II had done to his Ambassador in the year 1665, but we could not believe that so generous a Prince as the Czar was, would have done any such thing underhand and with so small a force, if he would have taken notice of the affront. But the Czar, being very powerfull, always observed a strict friendship with King Abas II, there having always subsisted a good harmony between the two Kingdomes, and the Czar was sufficiently sensible of the extravagant proceedings of his people, which^u at this juncture he with justice laid^o at their own door.

ⁿ Вместо people написано карандашом над строкой strangers.

^{r-m} Зачеркнуто карандашом.

^o Текст подчеркнут карандашом; над ним карандашом вставка who had drawn such magics upon themselves. Далее до слов Epistle of Abas II текст на поле подчеркнут вертикальной чертой.

It seems on the other hand, that the King of Persia in the Letter he sent on this occasion, made some complaint, and pointed at a distance at some faults, but this was certain that the Messenger being anxious^u what answer the Czar^v might give, died upon the road in Persia, fearing he should incur the Czar's displeasure^o, and it was likewise certain, that he took notice of his Ambassador's uneasiness in his Letters^r in answer to the^s Epistle of Abas II,^φ when the Cossaks were still posted in the Silk Country; but he sent him at the same time an English Colonel named Mr. Palmer, who had been long in his service: for he had desired him to send him an European officer^x well experienced in the^u Military Discipline and the method of managing war. But in the meantime Abas died, and *Sjah Sefi* II succeeded, who was not apprized of the value of this man, and as well as his Prime Minister took no notice of him. And what made him more neglected (π. 3 об.), was, that he was an old man with one foot in the grave, was a person of no presence, and was not talking^v with the Persians, being capricious selfconceited and proud, nor able to conform himself to their humours. At first he lived pretty well upon his Salary, but that was soon diminished, that he could not maintain himself with his Wife and Children, whom he had brought along with him; at last to get rid of him they denied him all manner of support, unless he would renounce his Religion. Last of all when he was quite reduced to Poverty, the Europeans bore his charges to Gamron, from whence the English conveyed him to Bombay. This Embassy was not committed to an unskillfull Russian, but to an Englishman, one *Hebdon*, a perfect Master of the Russian tongue, in which Language his Instructions were drawn up. His Brother was likewise sent as Ambassadour from the Great Duke to the King of England.^m The subject of the Embassy into Persia, was to make a Convention relating to the Silk Trade, and Hebdon was to have remained in Gilaan or Mezanderaan as Resident to manage the Business. But he arrived at Ispahan at the point of death, and died the next day, so this affair rested here without any farther Step being taken in it for no body of his Retinue had any instruction or orders to proceed with, and from that time nothing^m has beed doneⁿ concerning that

^u Далее карандашом над строкой написано persian [s] were unslasy how to. . .

^v Над словом the Czar написано карандашом for that proceeding.

^o Исправлено карандашом so much it is certain that he the Czar showed (далее два или три слова стертые) Ambassador in the Letter's he wrorte.

^r Вместо the карандашом написано that.

^s Далее карандашом вставлено at a time.

^x Вместо an European Officer карандашом написано some European officers.

^u Вместо the карандашом написано our.

^v Вместо talking карандашом написано conversing.

^m Напротив на полях написано по-латински и по-немецки de quo Wiquefort in seiner memorie von Ambassadeurs mentionirt.

^m Над строкой карандашом написано was further proposed.

Commerce. The Proceedings of the Cossacks did also evidently demonstrate, that they did not act by the Czar's directions, for they did not spare the Country of even Great Duke himself (л. 4). These Robbers being thus posted in the Peninsula of Mezenderaan, the Persians fitted out some small Vessels^m armed with a few pieces of small Cannon and some men, to dislodge the Cossacks by attacking them from the Seaside. But the Persians were unacquainted with the Coast and Engagements at Sea, whereas the Enemy were very ready and expert. The Persians could not manage the ir Ships, nor make use of their men advantagiously against the Enemy, so the Cossacks putt them into confusion as soon as ever they were gott out to Sea, so that the greater part of them fell into the Enemy's hands, who likewise sank most of their Ships, having first taken the Guns out of them. And thus there were but few of the people who escaped being Killed or drowned. The Court then talked of fitting out another fleet against them, and to man it with stoutⁿ fishermen from *Bahrein* and other Seafaring people, because the former defeat was thought owing to the natives of that Country. But the Robbers, not seeing that they were likely to make any farther advantages upon this Coast, did not wait the event of this resolution, but quitted the Peninsula Mijannkaal on their own accord to the Year 1669. We heard, that after this they made themselves masters of Astracan by surprize, destroying all before them, and putting many of the people to the sword, till at last a valiant general coming retook the Town, which they did not defend long, but betaking themselves to their Ships, fell down again into the Caspian Sea (л. 4 об.), and sailed to Jayk, where they put themselves in a posture of defence, thinking they should be able to hold out. But the General, as soon as he settled affairs at Astracan, followed after them with all possible expedition, and blockt them so upon all sides, that they had no way to get out, but all fell into his hands, among whom was their Bojaar or Chief taken Prisoner, who was afterwards sent in chains to Moscow, where very severe punishments were inflicted on him; as is sufficiently Known in Europe by the accounts already given of this affair, and therefore I shall say no more concerning it in this place.

Stenko Radzin's Expedition into Persia, related by word of mouth by a Cossack who assisted at it and with 30 others was taken Prisoner nine Years ago upon the Osto Duwanni (behind which as was said, lies another, Sziloi), near Baadkui, when they went robbing on their own account

After *Stenko* had Kept his Winterquarters in *Yeikstadt*^p which place he had taken by a Stratagem, desiring to go in only with 5 persons, but *Bogumolic* breaking in with the Arriergard did render him-

^m Над строкой карандашом добавлено with platforms.

ⁿ Над строкой вместо stout карандашом написано Perse.

^p На полях страницы повторено название г. Яика — Yaikstat.

self Master of it, he went to Sea with 1200 men in 29 or 30 *Struses*. Upon each *Buse* was but one Cannon, but when they came back from *Astarabad*, they had 2 or 3. It is to be wondered at, that they could pass the Sea with *Struses*; to perform this, they had defended their Vessels by fastening round about the Gunnel Rolls stuffed with Grass or Straw, which made them lighter and Kept off the (π. 5) Waves. They had built these *Struses* at Gurgi upon the Caspian Sea, and doubtless carried the materials with them down the Volga, for they did not take that course which *Chardin* describes, but the usual Robbers way through *Kamuczinka Rekka*, by *Zariza* and *Astracan*, where by the way they robbed all in a hostile manner. These *Struses* were one man high, one Russian Ell deep under Water, 8 fathoms long, and 1 fathom broad.

The first assault was¹⁰ upon *Pod buchari* by *Karngar*^a where the Russian *Buses* lye, thinking to get booty there, but this design was frustrated, therefore they went away and sailed along the Coast as far as *Astrabad*. There they proposed to the *Cham*^a to give them a Place to live in as subjects and assist the King against the *Usbecks*. Two Weeks passed, and in the third they began to traffic, they made the people confident, feigning great simplicity (giving for instance a Ducat for a little⁶ Schai, and selling some Goods for a Trifle). The Cham sent a Messenger to the King, and three Weeks after they sent their Deputies also: they took 500 men^b of all sorts of people from the Cham for Hostages; they stayd in all 6 Weeks there. Messengers after Messengers arrived from the King with favorable promises. The Cham detained them with friendly words, to amuse them till a sufficient Army could be raised. None of the Cossacks understood the Language of the Country, except *Stenko*, who went about every day disguised in old Clouths to hear what was discoursed, for he spoke 8 languages (π. 5 об.). He took it ill, that the Deputies were not sent back with an answer. The Cham endeavoured, according to the Persian custom, to amuse him with Civility, promising him Honour and a *Calate* (Robe of Ceremony) from the King. *Stenko* was too cunning to be imposed upon, but returned Dissimulation for dissimulation. The Cham having allready 7000 men drawn together from all parts, invited *Stenko Razin* to dine with him the next day, for which mark of honour he returned him his 500 Hostages again. For the greater Security it was agreed upon on both sides, that no body sh[oul]d bring Knives or any arms with them. The next day *Stenko Razin* ordered 500 men to ty their Sabres upon their Backs and hide them under their Coats, and to be present at the Entertain-

¹⁰-π Карандашом исправлено на was Pod Buchari upon by Karngar.

^a Здесь и далее так в тексте, следует Chan или Chann (хан).

⁶ Слово little подчеркнuto карандашом и напротив него на полях написано few. Скобки даны в тексте рукописи.

^b Слово men подчеркнuto карандашом и напротив него на полях написано Musicks. .

ment standing in a Line: that upon a signal being given, every one should take the sabre from his Neighbour's back and make use of it. It is said, that Stenko in going about for intelligence, had information that the Persians had ordered men of their own to be present at the Entertainment, privately armed after the same manner, which was a good Plea for him that it was not he, who began Hostilities.^r He therefore went with his 500 men to the Entertainment: the Cham had pitched his Tent in the Field about two Wersts from *Astarabad* attended by 700 men who had their Sabres concealed, and left their fire arms near by in a secret place. Stenko had left 500 men more in reserve, who were to observe the Motion of the Persians, and when an advantage offered were to advance against them with their Cannon. Stenko and 11 Persons with him (л. 6), sett themselves down, the rest remained standing in a Line. After they had sate a little while, and according to the custom of the Country viewed the Sweetmeats, the Cham drank Stenko's Health, and desired him to drink the King of Persia's Health, which he did. By this they fell into a familiar discourse. Stenko admired the Cham's Cloathe and fine Sabre, and the Cham admired Stenko's Cloaths which were of Sables of none of the worst sort, as also his Sabre, which Stenko draws out and presents to the Cham to look upon, the Cham, after having viewed it, returns it to Stenko, and draus out his likewise and presents it to Stenko. Stenko admires the fine Arms of the Persians as doing honour to the King whose servants they were. In talking after this manner, he plays with the Sabre and makes the Signal agreed upon to his Captain, who was a Russian Priest, and dressed in his Priestly Habit with an Iron Staff in his hand. The latter having given his Men the Blessing, Stenko begins the Massacre, with the Cham's own Sabre cutting off his Head and of 5 others. At the same time his 500 men took their Sabres and fell upon the *Kiselbashes*, of whom some escaped and gave the Alarm to the Army. Those could not so soon mount their Horses, before Stenko's Corps de reserve fired upon them with their Cannon, which they had planted privately in an advantageous Place, to hinder the Army from approaching. All these were killed, some few excepted who had the good look^a to escape. After this the Cossacks attacked^e *Astarabad*, put^ж all the men to the Sword,^з plundered the Town,^и and carried 800 women together with the Booty along with them to the Island where their Vessels lay, 48 hours travelling (л. 6 об.) from thence. There they kept these Women for 3 weeks. But as many of the Cos-

^r На полях карандашом написано Perhaps only by way of precaution for their own defence.

^a Так в тексте, следует luck.

^e Вместо attacked карандашом написано run to.

^ж Вместо put над строкой карандашом написано killing.

^{з-и} Над строкой карандашом написано is plundering the Town.

sacks died of the Excesses they comitted with that Sex,^k the Sea grew very tempestuous, which they looked upon as a punishment of ^r their Dabauches, besides that they intended to leave the Island yet could not take Women along with them, nor leave them behind without provisions, they resolved to make away with them all, and by this sacrifice to appease the Sea. They went afterwards to *Zamur Recca*^m in *Mesanderan*, where they plundered the Persian *Buses* that lay there, and after they had scowred the Sea for 2 months, theyⁿ attacked *Astarabad* the second time, according to *Chardin's*, account, and went to *Swino Ostro* near *Chilan* not far from the River *Kuur* over against *Lengenkonaan*^o an Island about 2 Wersts long, so near the Land, that one can see the People walk, and the Water so shallow, that the wild Boars are able to wade through. Upon this Island, on the other side of it, stood 7000 Persians to keep a watchful Eye upon the Cossacks in their high, half and whole Buses. The Cossacks being ignorant of this, supped that night, and laid themselves down to sleep. In the night *Stenko Radzin* wakened all his People, and ordered them to come together in a Circle, where he told them he had had a Dream, that the Enemy was upon the Island (for it was believed he understood magick Arts, to such a degree that he had made all his People shot free and proof against Bullets, though others who had seen so many his people killed, knew better things) then he proposed in Council (tho^u he believed for certain what his Spirit had already insinuated to him) whether they should venture a Battel^p with the Enemy, or retire to the Sea.^o The Chiefs of them, who were already before in good circumstances, or were grown rich by the Plunder of this Country, dissuaded it, saying; there had been Blood enough shed already, and they might well retire with honour. But the poorer sort buoyed up with hopes of Booty (л. 7) said: it would be a Shame to retire without venturing an Engagement. *Stenko* was of the opinion of the former, and yet being unwilling to oppose the latter, desired that another Person would take the Command^r upon him. The Army offered it to an old man, who also had the Reputation of making people shotfree; he accepted it and promised them to make his own Son a Sacrifice in order to render them all bullet proof. But while this offer was making, the Son saved himself by deserting to the Enemy, and was never heard after. He himself was seized

^k Далее карандашом вставлено and as.

^r Of зачеркнуто карандашом и написано for.

^m Zamur исправлено карандашом на Samur.

ⁿ Слово they зачеркнуто карандашом, над ним вставлено and auorday to wi (?) fell upon.

^o Исправлено карандашом на Lengecikonaan.

^p tho зачеркнуто карандашом и написано for.

^q Так в тексте, современное написание Battle.

^o Над to the написано карандашом by.

^r Далее вставлено карандашом of this expedition.

with inward Torments and a fit of trembling which lasted three hours, when that was over, he said: Well it is done, you are safe, and so they got into their Vessels and put out to Sea. The Persians seeing this, thought they fled, though they did it only to draw them on, and therefore they launched farther out into the Sea and feigned as if they were unable to manage their Vessels, which encouraged the Persians to pursue them with a great noise of Trumpets^y and Kettle Drums. *The Cham* was with them in person and set up a great Flag in his *Buse*. They had also chained their *Buses* together, in hopes to enclose them all as in a net, that none might escape. But this was a great advantage to the Cossacks; for the Persians began to fire upon them, and when they were far enough from the Land, the new General of the Cossacks, thinking it was now time, ordered his Gunner who was a most expert fellow, to fire upon that great Vessel with the flag, which accordingly he did, directing his Gun to the Place under Water where the Gunpowder lay, the Bullet was hollow and filled with Nephta and Cotton, and the Shot took effect according to wish, for it blew (п. 7 об.) up part of the *Buse*, and set the rest on fire, the *Cham* retiring to the next Vessel, in this Confusion^ф and the Vessel beginning not only to sink, but to draw down the next with it, the Cossacks came to hinder this destruction, hoked their Vessels to those of the Persians, which having high Decks, they killed the Persians with trails or Poles to which Cannon Balls were tied, some chosing rather to throw themselves into the Sea, than to fall into the hands of the Enemy. The rest were killed by the Cossacks, who could take nothing out of the *Buses* but the Cannon. The *Cham* and 5 others they carried with them to *Astracan* for though they offered the *Cham* his Liberty, he rather chose to remain their prisoner because he had undertaken this Expedition without any orders from the King, and he died afterwards at *Astracan*. The Cossacks had but 50 men wounded by Bows with which the Persians had armed one Vessel, and against which their General^х had taken no precaution or defence.^н After this Seafight they went to *Astracan* and defeated *Prosorowski*^и with 7000 Russians, by which it appears, that *Chardin* is mistaken, when he says, the Russians had conspired with them. All this happened in one Summer or 6 months time, and consequently *Chardin's* is again in the wrong, when he says they stayd the Winter in Persia.

^y Напротив на полях приписано Posaunen (трубы) — нем.

^ф Далее зачеркнуто чернилами повторное and the Vessel beginning not only to sink.

^{х-и} Зачеркнуто карандашом, надписано not made them shot free.

^и Исправлено, первоначально было Prosoroloski.

Э. КЕМПФЕР. ЗАПИСКИ О ПЕРСИДСКОМ ПОХОДЕ
С. РАЗИНА

ИЗ РУКОПИСИ КЕМПФЕРА, НАХОДЯЩЕЙСЯ ВО ВЛАДЕНИИ
СЭРА ГАНСА СЛОУНА, ПЕРЕВЕДЕННОЙ И ПОДГОТОВЛЕН-
НОЙ К ИЗДАНИЮ ДОКТОРОМ МОРТИМЕРОМ

Верхненемецкий

Сравни Кемпфера из «Амонитатус экзотикарум. . .» (с. 58).¹

Я должен здесь заметить, что народ, называемый казаками, совершенно отличен от настоящих казаков, которые являются народом турецкого происхождения и магометанского вероисповедания и населяют страну поблизости Туркестана; хотя верно и то, что оба эти народа вначале имели общее происхождение, так же как и название. Казаки, которые чинили беспорядки в Шелковых странах на Каспийском море, были подданными России, населяли территорию в районе Дона, были христианами по религии, говорили и писали на русском языке и управлялись начальником, которого они называли боярином, и чье имя было Стенька Разин, и который — мне неизвестно, из-за какого недовольства русским правительством, — покинул свою страну и поднял мятеж.² С отрядом в 800 человек он спустился одним из рукавов Волги до Астрахани, вышел под парусами в Каспийское море и потом высадился между реками Араксом (Aras) и Кизилагатом в области Махан,³ где в начале 1667 г. он обратился к шаху (the King), прося даровать ему немного земли, причем давал самые решительные заверения, что его люди будут вести себя как настоящие шах-сивен, что на местном (turkish)^a языке значит быть верными монаршему величеству или быть верными слугами государя и верноподданными, и что они всегда будут

^a По-английски означает не только турецкий, но и арабский, сарацинский и проч. Здесь — персидский.

готовы защищать его и служить ему.⁴ Но при дворе этим людям не доверяли, на них смотрели как на разбойников, в чем еще раньше убедились по опыту, и хотя не дали прямого отказа, но держали их в ожидании, медля с ответом. Казаки, потеряв терпение, отправились на своих кораблях вдоль побережья Гиляни и подошли очень близко к Решту (Resjt)⁵ — главному городу этой провинции, где высадили несколько человек на берег и хотели купить провизии, но наместник отказал им в очень неучтливой форме, и это так раздражило их, что они ночью бесшумно высадились на берег и, неожиданно пройдя к Решту, ограбили рынок и базар, причем некоторые были убиты в схватке; затем они вернулись снова на свои корабли, изрядно запасшись продовольствием, за которое незадолго до этого предлагали деньги, и, таким образом, почувствовали себя увереннее. Наместник, не будучи в состоянии оказать противодействие, а тем более прогнать их и опасаясь могущих последовать еще более крупных опустошений, скрыл свое негодование их действиями и позволил им получать в дальнейшем провизию за деньги. Они со своей стороны извиняли свое поведение крайней нуждой и отказом им в самом необходимом. Затем они вели себя тихо и, наконец, дали наместнику заложников в качестве гарантии своего хорошего поведения. Они послали к шаху четырех послов, чтобы принести извинения за свои действия, к чему их побудил наместник; они повторили свою первую просьбу о земле для поселения на побережье Каспийского моря с самыми решительными заверениями в своей честной службе и верности. Они привезли с собой письма, которые никто не смог прочесть; их показали европейским священникам и, наконец, мне; я считал как язык, так и буквы русскими. Но я не перевел их, и они так и остались непереуведенными (шевалье Шарден ошибается, когда говорит в своем отчете о коронации Сулеймана, что они были написаны неизвестными буквами).⁶ Двор был устно осведомлен об их намерениях теми русскими, которые понимали местный (turkish) язык и чей родной язык был тот же, что и этих казаков. Шах повелел хорошо принять [послов], оставить их на свободе и послать одного из них обратно со [своим] добрым напутствием, внушив им некоторые надежды и отдав приказ правителю Решта обеспечить их всем необходимым.⁷ Тем временем персы надеялись собрать достаточное число людей, чтобы окружить казаков. Но казаки, видя, что положительного ответа все еще нет, а есть только обещания, предвидя ловушку и замечая, что собирается целая армия, не стали высказывать свои претензии персам, а сами позаботились о собственной безопасности и отправились под парусами к Фарабату (Ferrhabaad) в Мазендеране, делая вид, будто намереваются ожидать ответа и возвращения своих послов там, потому что это было более дешевое и более плодородное место. Жители Фарабата не имели ничего против того, чтобы принять казаков, потому что они вели

себя так хорошо в Реште и, казалось, не имели никакого злого умысла, пока их послы находились при дворе. Карманы их были полны дукатов, что привлекало [к ним] народ из соседних районов в надежде поживиться, так что на базаре и во всем городе было больше народа, чем обычно. Казаки, подозревая персов в предательстве из-за столь долгой задержки послов, решили упредить их [действия], для чего избрали удобный случай в еженедельный базарный день. На базаре в городе было очень много покупателей и торговцев, а также и других людей, которые пришли, чтобы развлечься или из любопытства и в надежде на прибыль от торговли с казаками. В самый разгар ярмарки казаки напали на народ, грабили и захватывали все, что было выставлено и разложено для продажи, избивали одних и уводили других с собой на корабли.⁸ Таким образом, они вернули себе монетами и золотом все, что раньше потратили, и даже много сверх того. Не довольствуясь этим, они совершили налет на королевские увеселительные дворцы невдалеке от города, которые они также ограбили и унесли добычу с собой на корабли,⁹ после чего отправились под царусами к полуострову Майан-Кааль,¹⁰ который соединяется перешейком с провинцией Мазендеран. Поперек него они построили укрепление, чтобы полностью перерезать связь с сушей, и расположились здесь, не обращая внимания на персов.

В то время как они себя так вели в Шелковой стране, их послам плохо пришлось при дворе: их выволокли с публичной аудиенции, которую шах давал в Талеар Али-Капи,¹¹ и с ними вместе еще трех человек, которые состояли при них и приехали с ними, в общем всего шесть человек. Их шеи и руки были закованы в деревянные колодки (Pillori),⁶ их вывели одного за другим на майдан; двое из них были заживо брошены на растерзание собакам; остальные были прощены, но принуждены подвергнуться обрезанию и принять магометанство. Персы вообразили, что царь Московии дал им поручение устроить грабеж в Шелковых странах в отместку за оскорбление, которое Аббас II нанес его послу в 1665 г.,¹² но мы сомневаемся, что такой благородный государь, каким был царь, мог тайно сделать что-либо подобное и с такими небольшими силами, даже если бы он и обратил внимание на это оскорбление. Но могущественный царь всегда строго придерживался дружелюбных отношений с государем Аббасом II, между двумя государствами всегда имелось полное согласие, и царь вполне ясно сознавал, насколько выходящими из границ были поступки его подданных, в которых он, в данном случае с полной справедливостью, обвинял их самих. По-видимому, с другой стороны, государь Персии в письме, посланном по этому случаю, высказал недовольство и издавек намекал на некото-

⁶ *Пиллори (pillori)* — по-английски поворный столб.

рую виновность [царя]; но достоверно известно, что посол, очень озабоченный тем, какой ответ мог дать царь [на письмо шаха], умер в пути в Персии, боясь подвергнуться неудовольствию царя; и также достоверно, что он [царь] в своем ответе на послание Аббаса II, когда казаки еще находились в Шелковой стране, обращал его внимание на тревогу своего посла; но он [царь] послал ему в то же самое время английского полковника по имени Пальмар, который долгое время был на царской службе, так как он [шах] просил его послать ему нескольких европейских офицеров, опытных в военном деле и методах ведения войны.¹³ Но в это время Аббас умер, и ему наследовал шах Сефи II, который был невысокого мнения о достоинствах этого человека [Пальмара] и, так же как его первый министр, не обращал на него внимания. Что делало его [Пальмара] еще более заброшенным, это то обстоятельство, что он был уже стариком, одной ногой в могиле, и не обладал представительным видом; кроме того, он не являлся с персами, так как был капризен, самолюбив и горд и был не в состоянии приспособиться к их настроениям. Сначала он жил довольно хорошо на свое жалованье, но скоро оно было уменьшено, так что он не мог прокормить себя с женой и детьми, которых он привез с собой, и, наконец, чтобы избавиться от него, они [персы] лишили его всех средств существования, пока он не отречется от своей религии. Наконец, когда он был доведен до крайней бедности, европейцы препроводили его в Гамрон (Gamron), откуда англичане переправили его в Бомбей. Это [царское] посольство не было вверено неопытному русскому, но англичанину, некоему Хебдону, настоящему знатоку русского языка, на котором его инструкции и были написаны. Его брат был подобным же образом отправлен в качестве посла от великого князя к королю Англии. Целью посольства в Персию было заключение конвенции, касающейся торговли шелком, и Хебдон должен был остаться в Гиляни или Мазендеране в качестве резидента для управления всем делом. Но он прибыл в Исфahan, уже будучи при смерти, и умер на следующий день.¹⁴ Таким образом, дело не получило дальнейшего развития, потому что никто из свиты не имел никаких инструкций или приказов действовать, и с того времени ничего не было сделано относительно этой торговли. Поступки казаков также ясно свидетельствовали, что они действовали не по указаниям царя, потому что они не щадили и свою страну, и даже самого великого князя. Так как эти разбойники расположились на полуострове Мазендеран, персы снарядили против них несколько небольших судов, вооруженных некоторым количеством легких пушек, с определенным числом людей, чтобы выбить казаков с полуострова посредством атаки со стороны моря. Но персы не знали берегов и не были знакомы с особенностями боев на море, тогда как враг был подготовлен и опытен. Персы не смогли ни управлять своими кораблями,

ни наилучшим способом использовать людей против врага, поэтому казаки нанесли им поражение, как только они вышли в море, и большая часть их попала в руки врага, который также потопил большинство их кораблей, сначала забрав с них пушки. И таким образом, осталось совсем немного людей, кто избежал бы убийства или утопления. При дворе тогда заговорили о снаряжении против казаков другого флота и укомплектовании его опытными рыбаками из Бахрейна и другими мореходами, потому что виновниками поражения были сочтены местные уроженцы. Но разбойники, видя, что они не смогут в дальнейшем иметь преимущества на этом берегу, не стали дожидаться выполнения этого решения и оставили полуостров Майан-Кааль по собственной инициативе в 1669 г.¹⁵ Мы слышали, что после этого они врасплох овладели Астраханью, сокрушая все перед собой и предав мечу многих людей, пока наконец один храбрый военачальник не вернулся и снова не захватил город, который они и не пытались долго защищать, а бросились на корабли, вышли снова в Каспийское море и пошли под парусами на Яик, где и расположились в обороне, думая, что будут в состоянии продержаться. Но военачальник, как только устроил дело в Астрахани, последовал за ними со всей возможной поспешностью и блокировал их со всех сторон так, что они не могли уйти, а все попали ему в руки. Среди них был взят в плен их боярин, или начальник, который впоследствии был послан в цепях в Москву, где к нему были применены очень суровые наказания. Так как это достаточно хорошо известно в Европе по описаниям, уже дававшимся по этому делу, я не буду здесь больше ничего говорить относительно этого.¹⁶

Экспедиция Стеньки Разина в Персию, рассказанная со слов казака, который в ней участвовал и с 30 другими был взят в плен 9 лет тому назад на острове Дуванном (позади которого, как говорят, лежит другой — Жилой), поблизости Баку, куда они по собственному побуждению отправились грабить

После того как Стенька занимал зимние квартиры в городе Яике, который взял при помощи военной хитрости, войдя туда только с пятью человеками, в то время как Богумолик ворвался с арьегардом и завладел им,¹⁷ он вышел в море с 1200 человеками в 29 или 30 стругах.¹⁸ На каждой бусе была лишь одна пушка, но когда они вернулись обратно из Астрабада, у них было 2 или 3. Удивительно, что они могли пересечь море на стругах;¹⁹ чтобы проделать это, они защищали свои суда [от волн], окутывая борты валиками, набитыми травой или соломой, что делало их легче и держало на волнах. Они оборудовали свои струги на глубоких местах Каспийского моря и несомненно везли с собой материалы по Волге, так как они избрали не тот путь, который описывает Шарден,²⁰ а обычный разбойничий путь через реку Камышинку, мимо Царицы[на] и Астрахани, где по пути они все гра-

били самым враждебным образом. Эти бусы были в человеческий рост высотой, один русский элл.^в осадкой, 8 фатомов^г длиной и 1 фатом шириной.

Первое нападение было под Бухари (урон Pod buchari) близ Карнгара,²¹ где стояли бусы русских, которые думали получить там добычу, но эти намерения были расстроены, поэтому они ушли и прошли под парусами вдоль берега вплоть до Астрабада.²² Там они предложили хану дать им место, чтобы жить в качестве подданных и помогать шаху против узбеков.²³ Две недели прошло, и на третью они начали торговать; они успокоили всех местных жителей, притворяясь простаками (давая, например, дукат за маленький шей²⁴ и продавая некоторые товары за безделицу). Хан отправил посланца к шаху, и три недели спустя они [казаки] также послали своих представителей и взяли от хана 500 человек всякого рода в качестве заложников. Они [представители казаков] оставались там в общем шесть недель. Посланцы за посланцами прибывали от шаха с благосклонными обещаниями. Хан задерживал их [представителей] с дружественными словами, забавляя и увеселяя их до тех пор, пока могла быть собрана достаточная армия. Никто из казаков не понимал языка страны, кроме Стеньки, который бродил каждый день, переодетый в старое платье, чтобы послушать, о чем рассуждают, так как он говорил на 8 языках.²⁵ Он беспокоился, что посланцы не были отосланы назад с ответом. Хан старался в соответствии с персидскими обычаями учтиво развлекать его, обещая ему от шаха почести и халат (церемониальное одеяние). Стенька был слишком хитер, чтобы быть обманутым, но отвечал притворством на притворство. Хан, собравший уже со всех частей страны 7000 человек, пригласил Стеньку Разина на следующий день пообедать с ним, и за это в знак почести он возвратил ему обратно его 500 заложников. Для большей безопасности обеими сторонами было решено, что никто не должен приносить с собой ножи или какое-либо другое оружие. На следующий день Стенька Разин приказал 500 своим людям привязать сабли на спины, спрятать их под одеждой и присутствовать на празднике, стоя в шеренгу, чтобы по данному сигналу каждый мог взять саблю со спины соседа²⁶ и воспользоваться ею. Говорят, что Стенька, выходя на разведку, получил сведения о приказании персов своим собственным людям присутствовать на церемонии тайно вооруженными таким же способом. Это было хорошим оправданием для него, что не он первым начал враждебные действия. Поэтому он пошел с 500 своими людьми на праздник. Хан поставил свой шатер в поле, примерно в 2 верстах от Астрабада, его сопровождали 700 человек, которые спрятали сабли и оставили огнестрельное оружие поблизости

^в Элл — мера около аршина.

^г Фатом — шестифутовая сажень.

в потайном месте. Стенька оставил в резерве свыше 500 человек, которые должны были наблюдать движение персов и, когда представится удобный момент, выступить против них со своей пушкой. Стенька и с ним 11 человек уселись, остальные остались стоять в шеренге. После того как они немного насытились и, согласно обычаю страны, принялись за сладости, хан выпил за здоровье Стеньки и пожелал, чтобы тот выпил за здоровье персидского государя, что тот и сделал. При этом они начали непринужденный разговор. Стенька восхищался одеждой хана и его прекрасной саблей, а хан восхищался Стенькиной одеждой, которая была из соборей самого лучшего сорта, а также его саблей, которую Стенька вынул и подал хану посмотреть. Хан, оглядев ее, возвращает ее Стеньке и также вынимает свою и подает ее Стеньке. Стенька восхищается прекрасным оружием персов, которое делает честь их шаху, чьими слугами они являются. Разговаривая подобным образом, он играет саблей и подает условный сигнал старшине, который был русским священником и был одет в священническую одежду, с железным посохом в руке. Последний дает своим людям благословение, после чего Стенька начинает избивание и собственной саблей хана отрубает ему голову и еще пятерым другим людям. В это время 500 его людей выхватили свои сабли и напали на кызылбашей, некоторые из которых убежали и подняли тревогу в войске. Те не могли быстро вскочить на лошадей, потому что резервный отряд Стеньки начал стрелять в них из своей пушки, которую они тайно спрятали в удобном месте, чтобы задержать приближение войска. Все бывшие здесь были убиты, за исключением очень немногих, которым посчастливилось убежать. После этого казаки атаковали Астрабад, предали мечу всех мужчин, ограбили город и увезли 800 женщин вместе с добычей с собой на остров, где стояли их суда, в 48 часах пути оттуда. Там они держали этих женщин три недели. Но так как многие казаки умерли в результате излишеств и оргий, которым они предавались с женщинами, и так как море сделалось очень бурным, что они сочли наказанием за их дебоши; поскольку они намеревались покинуть остров и не могли ни взять женщин с собой, ни оставить их без провизии, они решили их всех прикончить и этой жертвой умилостивить море.²⁷ После этого они пошли на Самур-реку в Мазендеране,²⁸ где они ограбили персидские бусы, стоявшие там, и потом рыскали по морю в течение двух месяцев; они напали на Астрабад во второй раз, в соответствии с сообщением Шардена,²⁹ и отправились на Свиной остров вблизи Гиляни, недалеко от Куры, напротив Ленкорани, — остров около 2 верст длиной, находящийся так близко от берега, что можно видеть, как там ходят люди, и на таком мелководье, что дикие кабаны в состоянии переходить через него вброд.³⁰ На этом острове, с другой его стороны, стояло 7000 персов, чтобы неусыпно следить за казаками в их высоких половин-

ных и целых бусах (in their high half and whole buses). Казаки, не зная об этом, поужинали в тот вечер и улеглись спать. Ночью Стенька Разин разбудил всех своих людей, приказал им собраться в круг и рассказал им, что ему приснился сон, что враг находится на острове (считалось, что он владел искусством магии до такой степени, что сделал всех своих людей неуязвимыми для пуль,³¹ хотя другие, которые видели так много его людей убитыми, знали об этом лучше). Затем он предложил держать совет (хотя он и был полностью убежден, что дух ему уже подсказал), стоит ли им решиться на битву с врагом или возвратиться в море: Главари, которые уже раньше были в достатке или разбогатели в результате ограбления той страны, отговаривали от этого, говоря: довольно уже было пролито крови и можно с честью отступить. Но более бедная часть, поддерживаемая надеждой на добычу, говорила: было бы стыдно отступать, не решившись на бой. Стенька придерживался мнения первых, но все же, не желая противоречить последним, предложил, чтобы командование приняло на себя другое лицо. Войско предложило это старику, который также имел репутацию человека, умевшего предохранять людей от выстрелов; он принял предложение и пообещал им принести в жертву собственного сына, чтобы сделать их всех неуязвимыми для пуль. Но пока это предложение обсуждалось, сын спасся бегством, дезертировав к врагу, и пропал без следа. Он [старик] сам был охвачен приступом боли и судорог, который продолжался три часа; когда это кончилось, он сказал: ну, дело сделано, вы спасены, и казаки сели на корабли и вышли в море. Персы, увидев их [казаков], подумали, что они бегут, хотя те сделали это только, чтобы заманить врага, и поэтому пустились все дальше в море и притворились, как будто они не в состоянии управлять своими судами, что поощрило персов преследовать их с громким шумом труб и барабанов. Хан лично был с ними и поднял большой флаг на своей бусе. Они [персы] также соединили свои бусы цепями в надежде захватить их [казаков] всех как бы в сеть, чтобы никто не мог ускользнуть. Но это оказалось большим преимуществом для казаков. Как только персы начали стрелять в них и когда они были достаточно далеко от берега, новый военачальник казаков, решив, что теперь уже пришла пора, приказал своему пушкарю, который был очень опытным парнем, стрелять в большое судно с флагом, что он соответственно и сделал, направив свою пушку в то место под водой, где находился порох; пули были полыми и наполнены нефтью и хлопком, и выстрел произвел желаемый эффект, т. е. взорвал часть бусы и поджег остальную, так что хан ретировался на другое судно. В этой суматохе, поскольку судно начало не только само тонуть, но и топить вместе с собой следующее, казаки подкрались сзади и прицепляли свои суда к персидским, а так как те имели высокие палубы, они убивали персов жердями или

пестами, к которым были привязаны пушечные ядра. Некоторые [персы] предпочитали лучше броситься в море, чем попасть в руки врага. Остальные были убиты казаками, которые ничего не смогли взять с бус, кроме пушки; хана и пятерых других они увезли с собой в Астрахань, так как, хотя они и предлагали хану свободу, он предпочел лучше остаться их пленником, потому что он предпринял эту операцию без приказа шаха, и хан умер впоследствии в Астрахани.³² У казаков только 50 человек было ранено из луков, которыми персы вооружили одно судно и против которых их военачальник [General] не сделал их неуязвимыми. После этого морского сражения казаки отправились в Астрахань и разбили Прозоровского с 7000 русскими, из чего следует, что Шарден делает ошибку, когда он говорит, что русские были в заговоре с ними [казаками]. Все это происходило в течение одного лета или в течение шести месяцев, и, следовательно, Шарден опять неправ, когда говорит, что они оставались в Персии всю зиму.³³

Комментарий

¹ Биографические сведения о Кемпфере наиболее подробно даны в немецком словаре «Allgemeine deutsche Biographie» (Leipzig, 1882, статья Фалькмана). Имеется также монография Meier-Lemgo «Engelbert Kaempfer» (1937).

Приводим некоторые данные о Кемпфере, имеющие отношение к нашей теме. Э. Кемпфер был уроженцем г. Лемго (графство Липпе в Вестфалии); он вернулся сюда в 1694 г. после странствий и находился при графском дворе в должности лейб-медика. Произведения его написаны частью на родном для него верхненемецком диалекте, в большинстве же по-латыни, которой в литературном отношении он владел лучше. Ряд сочинений, в том числе известное «Amoenitatum exoticarum...», издан при его жизни. После его смерти в 1716 г. в Лемго приезжал знаменитый коллекционер Ганс Слоун и купил почти все его рукописи, которых было свыше 36. Заслужой Слоуна был перевод на английский язык и издание «History of Japan» (Лондон, 1727). Видимо, публикуемые нами записки также были подготовлены к печати, но по каким-то причинам не изданы. В настоящее время произведения Кемпфера находятся в Британском музее и продолжают издаваться и переводиться на другие языки.

В заголовке записок дается ссылка на одно из наиболее известных сочинений Кемпфера — «Amoenitatum exoticarum Poetico-Politico-Phisico-Medicarum Fasciculi V, quibus continentur variae relationes, observationes et descriptiones rerum Persicarum et ulterioris Asiae, multa attentione in peregrinationibus per universum orientem collectae ab autore Engelberto Kaempfero. D. Lemgoviae» (1711). На с. 57—58 имеются строки, относящиеся к движению Раина. В них дается самая общая характеристика восстания, и их содержание не имеет ничего общего с публикуемыми записками. Однако ссылка, сделанная на этот отрывок в начале текста записок, ввела в заблуждение архивистов XIX в., привявших записки за выдержку из «Amoenitatum...» и давших им соответственный заголовок. В результате этого документ до последнего времени не привлекал к себе внимания.

² Кемпфер пытается разъяснить разницу между казаками — вольными людьми, селившимися на окраинах русского государства и служившими ему для охраны границ, и казаками (казаками) — народом тюркской языковой группы, по вероисповеданию суннитами. Относительно их общего происхождения он заблуждается, хотя название «казаки» заимствовано с тюркского и означает «вольный», «гуляющий» человек.

Во второй части записок Кемпфер сообщает, что С. Разин вышел в море с 1200 человеками на 29 или 30 судах. Шарден называет другое количество казаков — 6000, прибывших на 40 больших барках; однако он, видимо, основывается на приведенном им заявлении казачьих послов в Исфгане (см. с. 176, комм. 4-й), которое никак нельзя принять за достоверное.

Русские документы того времени довольно последовательно определяют численность отряда Разина в момент его выхода в Каспийское море в 1000 или 1200 человек на 24—30 судах (Кр. война, т. I, с. 140 и др.).

³ Начало персидского похода в разных источниках освещается по-разному. Здесь Кемпфер начинает изложение похода Разина с его высадки на территории современного Азербайджана. Во второй части записок сообщается, что первое нападение казаков было «под Бухари, близ Карнгар», после чего казаки ушли вдоль берега к Астрабаду. У Шардена рассказ о персидском походе Разина начинается прямо с Решта (Шарден, с. 112—119, 135—140). В «Трех путешествиях» Стрейс, ссылаясь на показания самих казаков, пишет, что они захватили много «приморских городов в Персии», таких как «Низабад (Низовая), Шаберан, Мордов, Такуз, расположенных неподалеку от высокой и всемирно известной горы Барман»; «отсюда они пошли на Астрабад и Баку, в котором на них, пьяных, напало персидское войско» (Стрейс, с. 199).

В дошедших до нас русских документах сведения о начале персидского похода крайне скудны, неопределенны и противоречивы. Известия о казаках начинают поступать не ранее 18 июня 1668 г., большей же частью осенью, и представляют собой записи слухов, в которых факты мешаются с вымыслом.

Наиболее ранним было известие с Терков от 18 июня 1668 г. о том, что Разин пришел на западный берег Каспийского моря в апреле 1668 г., имея 24 струга и примерно 1000 человек (Кр. война, т. I, с. 140). Казаки остановились напротив устья Терека на Чечень-острове и отправили в Турки к кн. К. М. Черкасскому грамоту с просьбой прислать пороха, запасов и вина (Кр. война, т. I, с. 140). Однако этому выглядевшему вполне правдоподобно сообщению противоречит отписка с Терков, в которой сообщается, что до 20 июля 1668 г. туда не приходило никаких известий о казаках (Кр. война, т. I, с. 114). Согласно другому сообщению — расспросным речам вернувшихся из Шемахи астраханцев, — Степан Разин с казаками пришел «безвестно» в Персидскую землю в апреле 1668 г. и «разорили меж Дербени и Шемахи деревню Мордову», причем одного из разинцев задержали и привезли в Шемаху, где он рассказал о пребывании казаков на Жилом острове и об их намерении напасть на Баку (Кр. война, т. I, с. 141). Не исключено, что пленный намеренно давал ложные показания с целью ввести в заблуждение царских воевод. В это же время тарковский шамхал сообщил, что казаки перед тем как уйти под Решт между Дербентом и Баку погромили деревни (Кр. война, т. I, с. 141).

О нападении на Баку ходило много слухов. 19 июня 1668 г. сын боярский А. Третьяков сказал в Терках, что он слышал в Шемахе, будто казаки были в Низовой (Низбаде) и в Баку, «а живут в Куре-реке и по морю развезают» (Кр. война, т. I, с. 119); по сведениям посланного «для вестей» терчанина, Разин, соединясь под Терками с Сергеем Кривым, «пошли под Дербень и под Шевран и Шевран погромили. . . да те ж казаки в Баке посады погромили, взяли ясырь и живот многой» (Кр. война, т. I, с. 143). По слухам, исходившим из Персии, казаки «приходили на Рязь (Решт) и на Баку город изгоном», т. е. набегом (Кр. война, т. I, с. 143).

Все эти данные еще не подвергались историками фактической проверке. Также пока недостаточно известны названия населенных пунктов, имевшихся в то время на берегах Каспийского моря; поэтому нельзя с достоверностью говорить о маршруте и действиях Разина. Для разработки этих вопросов оказываются особенно ценными исследования азербайджанских и дагестанских ученых. Сейчас же можно сказать, что Разин был вблизи Баку и, возможно, даже «погромил» его посады; взятие же им такой первоклассной крепости, как Баку, — факт, явно неправдоподобный.

⁴ Вопрос о предложении разинцами своего подданства персидскому шаху

сложен и не выяснен до конца, хотя самый факт, видимо, несомненен, так как подтверждается различными независимыми друг от друга источниками. При объяснении этого факта следует иметь в виду, что казаки считали себя вольными людьми, имеющими право служить любому господину в обмен на его покровительство. Также возможно, что предложение Разина было дипломатическим ухищрением, позволявшим выиграть время.

О направлении послов Разина к шаху с просьбой об отведении казакам земли на р. Куре есть сведения во многих русских документах: в расспросных речах подьячего Наума Колесникова, находившегося в составе посольства Томаса Брейна (Кр. война, т. I, № 183), в челобитных персидских купцов (там же, т. III, № 244, 252) и в других.

Шарден объясняет посылку казаками посольства к персидскому шаху желанием «лучше скрыть свои намерения» и относит его ко времени после ограбления Решта. Приводим его высказывание:

«Чтобы лучше скрыть свои намерения, они послали ко двору четырех из своих как депутатов с аккредитивными грамотами, как будто бы это было посольство. Люди губернатора Шемахи их проводили в Исфahan, куда они прибыли немного времени спустя после того, как туда пришло известие об их вторжении. С ними обшлись довольно хорошо, предоставили им жилище, освободили от пошлин, как обычно поступали с другими посланниками. Они попросили аудиенции короля, но им отказали под предлогом, что по характеру их посольства они не могли претендовать на эту честь и что они казались даже врагами. Им предложили аудиенцию первого министра, на что они согласились. Тогда же они заявляли, что они депутаты от 6000 казаков, их товарищей, находившихся на Каспийском море, что они действительно были подданными империи московитов, но, утомленные дурным обращением, которое они там претерпевали, они решили бежать из своей страны с детьми и женами и с имуществом, которое они могли увезти; после обсуждения места их убежища Персия им показалась наиболее справедливой, где лучше других обращались с подданными, вот почему они приняли решение предложить себя в неволю персидского шаха; из любви к королю они станут шах-сеvem, и теперь они надеются на великодушие этого великого монарха, что он выслушает их мольбы и предоставит им убежище и землю для поселения» (Шарден, с. 115—116).

⁵ Поход к Решту во всех русских документах относится ко времени, непосредственно следующему за действиями Разина на западном берегу Каспийского моря (на территории современных Дагестана и Азербайджанской ССР). При этом в одних документах сообщается, что в Реште казаков побили (Кр. война, т. I, с. 142), в других — что они послали к шаху посольство бить челом о подданстве и до решения вопроса живут в Реште и получают корм (там же, с. 142). Также сообщалось, что они били челом шаху о подданстве, задержаны «в Ряше и пушки и ружье у них отобраны» (там же, с. 123) или что «приходили на Ряш и на Баку изгоном», «взяли полон и меняли на него русских людей за человека по 2, 3 и 4 человека русских», «да к ним же де пристали для воровства иноземцы, скудные многие люди» (там же, с. 143—144).

⁶ Кемпфер неточен, опровергая мнение Шардена, который в своих записках уделяет много внимания стараниям персидского правительства расшифровать привезенные казаками ко двору шаха грамоты. Приводим отрывок из записок Шардена, относящийся к этому вопросу.

«Они (т. е. разияцы, — *Е. Ш.*) предъявили свои аккредитивные грамоты, но персы никак не могли их расшифровать, к чему безуспешно были привлечены самые искусные их переводчики, так же как и европейцы, находившиеся в Исфahanе. Первый министр напоследок обратился к почтенному отцу Рафаэлю дю Манс — капуцину, служившему уже двадцать лет министром этой страны переводчиком, когда другие не понимали посольских грамот Франции, Италии, Германии и провинций Севера. Случайно, когда к нему принесли этот документ, у него был господин Герберт д'Ягер, который в 1666 г. был секретарем голландского посольства в Персии и в то же время был старшиною голландских купцов в Исфahanе. Этот человек в знании языков не

имел себе равных, он владел в совершенстве языками, употребляющимися теперь на Востоке, кроме того, он знал литературный и простонародный греческий, сирийский и еврейский. Редко можно встретить двух людей, более способных выяснить темные места, тем не менее они ничего не могли сделать. Это были, по их словам, в большинстве случаев греческие буквы, смешанные с другими, неизвестными; некоторые из них приближались к сирийскому. Они прочли несколько слов, которые не могли связать, и они не были убеждены, что они их правильно прочли, и, таким образом, были вынуждены отослать это писанье обратно первому министру. Старший капуцин ему сообщил, что это было казачье, русское письмо, которое он не мог разобрать.

Таким образом, были вынуждены поверить их словам, которые они все время повторяли, на что первый министр ответил: «Если то, что вы говорите, верно, что вы прибыли к нам как наши гости, чтобы стать рабами его величества, то почему вы вступили в Персию с мечом в руке? Почему вы убили наших подданных, разорили один из наших городов и опустошили наши земли?». Казаки в свое оправдание ответили, что они вынуждены были это сделать, потому что, когда они вежливо попросили у жителей продовольствия за свои деньги, горожане, забыв правила гостеприимства и сострадание, которое надо иметь по отношению к иностранцам, им наотрез в этом отказали и дурно с ними обошлись; необходимость защитить себя должна извинить казаков, если они пытались оружием взять то, чего не могли получить просьбами» (Шарден, с. 117—118).

Из текста записок Кемпфера создается впечатление, что он был участником событий («письмо показали европейским священникам и, наконец, мне»). Однако этого не могло быть, так как известно, что Кемпфер прибыл в Персию в 1684 г. По-видимому, он хотел сказать, что во время его пребывания в Персии ему показывали казачье письмо.

⁷ Это сообщение подтверждается русским источником: в листе тарковского шамхала говорится: «. . . до шахова де указу живут они в Ряше городе, в ряшской де хан¹ дает им корм по 100 по 50 рублей на день» (цифра, конечно, фантастическая) (Кр. война, т. I, с. 142).

⁸ Описанные здесь действия казаков в Фарабате в основном соответствуют аналогичному месту у Шардена, который называет это вторым вторжением, происшедшим в том же 1668 г.: «В то время как в Испагани спорили, считать ли их друзьями или врагами, и их депутаты возвратились, они продолжали грабить все приморские местности Персии со стороны Востока, говоря персам для их большего обмана прекрасные слова и уверяя их, что их уполномочили дать им очень выгодные условия. Для этого они покинули Саве и, направляясь все время к самым восточным провинциям по Каспийскому морю, достигли Фарабата, столицы Мазендерана. Там они высадились под видом купцов, пришли на рынки, входили в лавки как люди, мало понимающие в торговле, но имеющие в то же время нечто для продажи и покупки; они давали золотые дукаты за пять „шаги“ (видимо, шай, — *Е. III.*), что составляет 25 су на наши деньги, продавали английское сукно за четыре „абаза“, равных стольким же франкам, за „гресс“ — персидский аршин.

Персы за пять дней, когда это происходило, оказали казакам тысячу ласк, потому что с ними удивительно удачно можно было сводить счеты, и считали их простофилями, которых привело к ним их счастье; но на шестой день эти плуты, продолжая свои проделки до условленного ими между собою часа, чтобы не навлекать подозрений, пока их соберется в городе достаточное количество, расходятся по разным частям города, затем берутся за оружие, убивают всех, кто им встречается, грабят все дома, и, после того как они убили более 500 человек, нагруженные добычей, возвращаются на свои корабли, и, как и в первый раз, отплывают на середину моря, где их не видно с земли» (Шарден, с. 135).

⁹ У Шардена приводятся более подробные данные о шахском дворце, разграбленном казаками: «Самый значительный убыток, который нельзя восстановить, был причинен разрушением одного прекрасного здания — королевского дворца, расположенного в середине города, где хранилась

сокровищница фарфора, китайских ваз, чаш из сердолика, агата, корала, янтаря, посуды из горного хрусталя и других бесчисленных редкостей, которые эти варвары сломали или похитили. Они разрушили и находившийся в этом здании большой так называемый гауз, или танки, т. е. большой бассейн, выложенный золотыми пластинами. Каждый раз, когда я думаю о великолепии и прелести этого прекрасного места, я не могу побороть своего сожаления. И если читатель познакомился с тем описанием, которое я ему сделал, то он, наверно, признал, что такие прекрасные вещи заслуживали вечного хранения» (Шарден, с. 137).

¹⁰ Майан-Кааль, Потемкинская коса (Шарден переводит это персидское название как «Средний Рог») — полуостров, отделяющий Астрабадский (Горганский) залив в юго-восточной части Каспийского моря.

¹¹ Тамар Али-Капи — дворец в Исфагане (в дословном переводе «Высокие ворота»), выстроенный при шахе Аббасе I. Возможно, там была резиденция государственного канцлера, у которого, по показаниям подьячего Наума Колесникова, происходил описанный эпизод (Кр. война, т. I, с. 250).

¹² Шарден разделял ошибочное мнение персидского правительства относительно причин и цели похода казаков. Он писал: «Великий князь (т. е. царь, — *Е. III*) был рассержен оскорблением (речь идет о пренебрежительном обращении с посольством царя Алексея Михайловича), но в ту минуту он свою злобу скрыл, боясь столкновения с Аббасом; но, узнав в начале 1667 г., что тот умер и что власть в Персии попала в руки молодого правителя, он решил мстить. Он желал, однако, избежать открытой войны, и вот почему, чтобы нанести коварный удар, как будто без своего участия он возмутил казаков, живших у Черного моря. . . Им было дано предостережение воздерживаться называть его и не признаваться, что они были в сношениях с ним, они должны были притворяться, что самостоятельно пошли на это предприятие. Вот что об этом рассказывали и чему верили при персидском дворе» (Шарден, с. 112—114).

Эта же точка зрения на поход Разина проводилась персидским послом в России Юсуфом Эханбеком (Исуфбеком Юзбаша) и представителем армянской торговой компании Георгием Лусиковым во время переговоров о возмещении убытков персидского посольства и купцов, пострадавших в период Крестьянской войны (Кр. война, т. III, с. 296, 299, 301, 303 и др.).

¹³ О посылке в Персию Пальмара для организации обороны от разинцев, вышедших в Каспийское море, сообщалось персидскому шаху грамотой, посланной с Т. Брейном (Кр. война, т. I, с. 105 и 106). По-видимому, Пальмар выехал в Персию позднее, чем Брейн.

¹⁴ В данном месте записок в рассказ о русском посольстве в Персию вклинивается сообщение о полковнике Пальмаре. Здесь нет дефекта рукописи, поскольку сообщение о Пальмаре дается в середине листа. Вероятнее объяснить это обстоятельство фрагментарностью и черновым характером записок.

Сообщение Кемпфера, что в Персию в качестве представителя русского царя был послан англичанин Хебдон, следует считать ошибкой. Многочисленные документы — наказная память Посольского приказа 1668 г., письмо Т. Брейна из Персии 1669 г., дипломатическая переписка России с Персией, допросы подьячего Н. Колесникова, бывшего в Персии, свидетельствуют о том, что русским посланником в Персии в 1668—1670 гг. был англичанин Томас Брейн, который и умер там в 1670 г. (Кр. война, т. I, с. 106, 128, 249; т. III, с. 194, 285, 292, 295, 296, 299 и др.). Причиной такой ошибки могло быть то обстоятельство, что Т. Брейн был женат на дочери состоявшего на царской службе торгового посредника посла Джона Хебдона, который в 60-х годах XVII в. был облечен полномочиями русского «комиссариуса и резидента» (И. Я. Гурлянд. Иван Гебдон. Ярославль, 1903, с. 6). В Москве бывал и брат Джона — Томас Хебдон, видный английский купец, ставший одним из свидетелей казни С. Разина 6 июня 1671 г. (Записки иностранцев, с. 127). Ни Джон, ни Томас Хебдоны никогда не были посланниками царя в Персии.

¹⁵ Описание зимовки на полуострове приводит также Шарден, который высказывает другое мнение о результатах сражения с персами, а именно: «Наступила зима, и они хотели провести ее в Персии и стали искать место, где могли быть в безопасности. Напротив этого города Фарабата был полуостров в форме языка, выдающийся на 10—11 лье в Каспийское море. Он изобилует оленями, кабанями, газелями из породы ланей. Он изобилует также лесами, пресной водой и всем, что нужно для жизни, поселение на нем очень удобно. Его называют „Майан-Кааль“, т. е. „Средний Рог“. Этим названием обозначают кусок земли, выдающийся в море. Там казаки укрепились. Они день и ночь заставляли там работать своих пленников и рыть большой ров вокруг их лагеря; из больших деревьев, которые там в значительной степени спутаны друг с другом, и кусков дерна между ними они устроили подобие вала, на котором поставили свои оборонительные пушки.

Это было как раз то, что требовалось персам: как только они узнали, что казаки укрепились в этом месте, в конце этого года, несмотря на зиму (Шарден неправ: зима там — лучшее время года, — *Е. III.*), они отправились в поход против них и, так как они были сильнее, разбили их, взяли обратно почти всех своих пленных, принудили их погрузиться в барки, которые обогнули весь полуостров и достигли на самом отдаленном краю полуострова более выгодного пункта, защищенного болотом» (Шарден, с. 139).

Кемпфер обрывает здесь изложение персидского похода Разина сообщением об уходе казаков с п-ва Майан-Кааль. Во второй части записок их поход описывается и далее, до заключительной битвы с Мамедиханом у Свиного острова.

¹⁶ Крупные неточности в передаче хода событий в России показывают плохое знакомство Кемпфера с историей восстания и ее описаниями, несмотря на то что он в 1683 г. проезжал по местам недавних событий на Волге и побывал в Астрахани.

¹⁷ Сведений о соратнике Разина Богомолове («Богумолик») в русских источниках не найдено. Об обстоятельствах взятия Разиным Нижнего, или Каменного Яицкого, городка (г. Гурьев) см.: Кр. война, т. I, с. 138.

¹⁸ См. с. 174 (комм. 2-й).

¹⁹ Здесь, так же как и далее, Кемпфер переходит от изложения показаний казака к авторской речи и снова, как и в первой части, неоднократно обращается к критике записок Шардена. Однако схема действий казаков и их маршрут в этой части записок Кемпфера даны иначе, чем в первой части, что подтверждает высказанное в предисловии соображение о самостоятельном, не зависящем друг от друга происхождении обеих частей записок, объединенных в переводе чисто механически (см. с. 155).

Как видно из текста, названия «буса» и «струг» употребляются равнозначно. В первой части записок Кемпфер называет их и «кораблями» (ship). По отношению к персидским судам также употребляется слово «буса».

Шарден дает интересное описание казацких стругов, которые он называет барками: «Эти длинные и широкие суда сделаны неглубокими, чтобы избежать подводных скал, которых много в этом море. Они погружены в воду на два-три фута. На каждой барке находились две небольшие пушки» (Шарден, с. 145).

²⁰ Шарден пишет: «Он (царь Алексей Михайлович, — *Е. III.*) возмутил казаков, живших у Черного моря и заставил их идти вдоль Меотидских болот (Азовское море) и таким путем войти в Персию на берега Гиркании» (Шарден, с. 144).

Гиркания — древняя область Персии, расположенная вдоль юго-восточного берега Каспийского моря, к ней относились провинции Мазендеран и Астрабад; с запада к ней примыкала провинция Гилян.

²¹ О маршруте казаков см. с. 175 (комм. 3-й).

²² Здесь обходятся молчанием события в Реште, о которых говорится во всех других источниках и, в частности, в первой части записок. Очень вероятно, что все рассказанное далее относится не к Астрабаду, а к Фарабату, так как имеет много общего с другими известиями о пребывании там казаков

(см. первую часть записок Кемпфера и записки Шардена; см. также комм. 8-й). Астрабад во время персидского похода Разина был не городом, а небольшой «деревней» с увеселительными дворцами шаха, находился поблизости от г. Фарабата — столицы Мазендерана; к нему не может относиться все сказанное ниже. Поскольку Фарабат и Астрабад расположены поблизости и в обоих находились шахские дворцы, это могло способствовать ошибке.

²³ Это единственное упоминание об узбеках во всех источниках, относящихся к персидскому походу. Возможно, оно вставлено Кемпфером или его переводчиком позднее для осмысления ссылки на Астрабад как на район, пограничный с узбеками.

²⁴ Дукат — золотой; шей (шай) — мелкая персидская монета.

²⁵ Если это сообщение справедливо, имеются в виду восточные языки: татарский, калмыцкий, персидский и т. д.

²⁶ Этот сюжет, приуроченный к другим ситуациям, встречается в фольклоре; то же можно сказать о переодевании С. Разина и подслушивании им разговоров на майдане. Скорее всего эти подробности носят баснословный характер. Однако множество вполне реалистических деталей позволяет думать, что основой рассказа служило действительное происшествие.

²⁷ Убийство пленных женщин едва ли могло иметь место в действительности, так как сведения об этом сохранились бы не только у Кемпфера, как это случилось в отношении других событий персидского похода. Например, в г. Ашрефе сохранилось предание, что отсюда происходила уоплненная в Волге Разиным персиянка (Кр. война, т. I, с. 272); убийство многих пленниц тем более должно было бы остаться в народной памяти.

²⁸ Река Самур протекает не в Мазендеране, а на границе современных Дагестана и Азербайджана (несколько южнее Дербента).

Здесь обходятся молчаливым уходом казаков после зимовки на п-ове Майан-Кааль (о которой более подробно говорится в первой части записок) к берегам Туркмении «в Кабалук», бои и переговоры с персидскими войсками Даутбека, смерть Сергея Кривого и т. д., о чем имеются разрозненные данные в русских документах (Кр. война, т. I, с. 144).

²⁹ У Шардена такого сообщения не найдено; имеются описания «второго вторжения» в Фарабат; см. с. 177 (комм. 8-й).

³⁰ Свиной остров — один из группы Бакинских островов, к северу от устья р. Куры.

В русских источниках есть сообщения как о Свином острове (Кр. война, т. I, с. 144), так и об о. Сари, находящемся несколько южнее, поблизости Куриной косы (там же, т. III, с. 292).

³¹ Предания о колдовстве Разина, его способности заговаривать пули, уходить из тюрьмы в нарисованной лодочке, освобождать город от комаров и т. д. широко распространены в русском фольклоре и нашли отражение в делопроизводительной документации. В них нашли выражение представление о сверхъестественном могуществе вождя и преклонение перед ним. С другой стороны, эти представления поддерживали его высокий авторитет. Возможно, что Разин, понимая это, способствовал распространению этих сказок; так же поступали и другие руководители движения.

³² Сообщение Кемпфера неточно. В Астрахань был привезен сын хана Мамеда — Шабын-Дебей, или Шаболда, о чем имеются сведения в русских документах (Кр. война, т. I, с. 134 и 272, 156).

Персидский посланник Ю. Эханбек в своем письме называет Мамеда, или Менадыхана, «Магмеди Ханбеком, сотником в опале» (там же, т. III, с. 292). Сын Мамеда — Шабын был отдан Разиным по прибытии в Астрахань воеводам и позднее просил о возвращении на родину (там же, т. I, с. 156).

³³ Обвиния Шардена в неточности, Кемпфер сам впадает в ошибку, считая, что казаки находились в Персии в течение 6 летних месяцев. На самом деле разинцы ушли из Япцкого городка в марте 1668 г. и возвратились на Волгу в августе 1669 г. (Кр. война, т. I, с. 139).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Аббас I, персидский шах 178
 Аббас II, персидский шах 159, 160, 168, 169, 178
 Август, саксонский курфюрст 45, 69
 Авентин И., немецкий историк 34, 55
 Адам Бременский, немецкий историк 33, 52
 Аделунг Ф., историк 25, 60, 155
 Алексеев А. А., советский филолог 25
 Алексей Алексеевич, царевич 22, 43, 44, 66, 67, 77
 Алексей Михайлович, царь 5—9, 11—13, 20, 23, 27—29, 38, 39, 61, 62, 75, 150, 178, 179
 Алена, старлица, участница восстания 79, 83, 91
 Алляций Л., греческий ученый 34, 55
 Альберти И. К., немецкий ученый, автор сочинения по истории Польши 61
 Андреэ Я., тубингенский теолог 54, 55
 Аньелло Томмазо см. Мазаньелло
 Байер Г., немецкий историк 16
 Бангерт Г., немецкий педагог и историк 33, 52
 Бантыш-Каменский Н. Н., русский историк 89, 90
 Барятинский Ю. Н., князь, воевода 47, 71, 78, 103, 128
 Бауман Н., генерал на русской службе 27—29
 Бах И.-С., немецкий композитор 28
 Безольд К., немецкий юрист 33, 53
 Бекман И. Х., немецкий теолог, 35, 57
 Белокуров С. А., русский историк 86
 Бенеvский, черниговский воевода 90
 Берков П. Н., советский литературовед, историк книги 87
 Бердий П., голландский теолог и географ 35, 66
 Блуменгросст Л. А., немецкий врач на русской службе 27—29
 Блюм Э., сотрудник библиотеки в Бремене 80
 Богомолов (Богумолик), соратник С. Разина 161, 170, 179
 Богумолик см. Богомолов
 Борис Годунов, царь 37, 38, 59, 60
 Бос, Л. ван ден (Сильвий), голландский ученый 37, 59
 Боттелер см. Бутлер
 Бошар С., французский теолог 33, 53
 Брахелли А., немецкий историк 41, 64
 Брейн Т., англичанин на русской службе, посол в Персии 176, 178
 Брирвуд Э., английский математик 34, 54
 Бростовский, референдарий 90, 102, 127
 Булгаков А. Я., русский историк 86, 87
 Буссен, Д. фон дер, полковник на русской службе 107, 132
 Бутлер Д., голландец на русской службе 94, 119, 148, 152
 Бухгофен А. фон, немецкий генерал на русской службе 107, 132
 Бычков А. Ф., русский историк и историк книги 87
 Вадлан И., швейцарский ученый и поэт 33, 53
 Вальдемар, датский принц 34, 55, 75
 Василий III, великий князь московский 17, 34—36, 56—58

* Указатели составлены И. С. Шарковой.

- Василий Шуйский, царь 38, 60
 Вельке М., сотрудник библиотеки в Бремене 80
 Веретенников В. И., русский историк 15, 19, 25
 Винтермонат Г., лейпцигский издатель 82, 102, 127
 Владислав, польский королевич 18, 38, 39, 60—62
 Воротынский И. А., князь, воевода 107, 132, 150
 Гаврилов А. К., советский филолог, переводчик 16, 24
 Гальмас, майор 146
 Гарвихт, полковник на русской службе 107, 132
 Гатин Е. фон дер, иностранец на русской службе 141
 Гачечиладзе А. Д., советский филолог, переводчик 156
 Гваньини А., итальянский историк 33, 37, 53, 54, 58, 59
 Гебдон И., англичанин на русской службе 160, 169, 178
 Гейденштейн Р., польский историк 33, 38, 40, 41, 53, 54, 61, 63, 65, 76
 Гейзнаус Н., голландский филолог, посол в России 29, 36, 57, 75, 95, 111, 120, 135
 Гельмольд, немецкий историк 33, 52, 53
 Герберштейн С. фон, имперский посол в России 17, 33, 36, 53, 54, 57, 58
 Гольдаст М., швейцарский ученый и издатель 35, 56, 57
 Гольдберг А. Л., советский историк 30, 82, 85
 Гольцман Е. И., советский филолог 25
 Гордон, шотландец на русской службе 29
 Горн Г., немецкий историк 33, 52, 53
 Горсей Д., английский посол в России 37, 59
 Гофарт, полковник на русской службе 107, 132
 Гравинкель И., пастор в Москве 29, 34, 55, 75
 Грамонд Г. Б., французский историк 17, 36, 57
 Григорий И.-Г., пастор в Москве 27—29
 Грефлингер Г., гамбургский издатель 81, 82
 Грумбах В., руководитель восстания в Германии 22, 45, 69, 78
 Гурлянд И. Я., русский историк 178
 Гюнтер, доктор, директор Мюльгаузенского городского архива 25
 Даль В. И., русский писатель 86
 Даутбек, персидский военачальник 180
 Дмитрий, царь см. Отрепьев Григорий
 Доватур А. И., советский историк 25
 Долгоруков Ю. А., полковой воевода 5—13, 20, 22, 40, 41, 48, 63, 64, 72, 73, 76, 78, 79, 88, 90, 93—96, 99, 103, 104, 106—108, 110—112, 118—121, 124, 127—129, 131, 133—137, 141, 145, 148, 150
 Дорошенко П., украинский гетман 19, 41, 64, 76, 144, 150
 Елизавета I, английская королева 37, 59
 Желябужский И. А., автор «Записок» 86
 Зевакин Е. С., советский историк 148
 Зинано Г., итальянский поэт 40, 62
 Золотарев П., автор «Летописца» 149
 Зонара, византийский писатель 34, 55
 Иван III, великий князь московский 17, 34, 56
 Иван IV Грозный, царь 17, 35—38, 56—59, 61
 Иван Богданович см. Милославский
 Иванов Л. И., дьяк Посольского приказа 86
 Иеремия II Транос, константинопольский патриарх 34, 54, 55
 Иероним Роман см. Роман-и-Самора Х.
 Иоанн II, киевский митрополит 34, 54
 Иовий (Джовио) П., итальянский историк 17, 33, 35, 53, 54, 56
 Иоганн-Вильгельм, саксонский герцог 45, 69
 Иордан, раннесредневековый историк 32, 52
 Иосаф, русский патриарх 77
 Иосиф, астраханский митрополит 149
 Иосиф, русский патриарх 43, 66, 77
 Ирина Михайловна, царица 75
 Какаш С., имперский посол в Персии 33, 53
 Камбулат Пшимахович, кабардинский мураза 77, 149, 150
 Карл Великий, франкский король 53

- Карл V, германский император 23, 76
 Карпцов, дрезденский профессор 28
 Катиллина Л. С., римский политический деятель 22, 43, 45, 67, 69, 77
 Квель, полковник на русской службе 100, 107, 125, 132
 Кедрин, византийский писатель 34, 55
 Кемпфер Э., немецкий путешественник, автор сочинения о С. Разине 3, 4, 152—155, 157, 166, 174—180
 Кильбургер Ю., член шведского посольства в России 86
 Кляпиков С. А., советский историк 154
 Климент III, папа 54
 Климент VII, папа 36, 58
 Клюверий Ф., немецкий географ 32, 52
 Колесников Н., подьячий 176, 178
 Коновалов С., английский историк 16, 28
 Константинов И., атаман повстанцев 149
 Кордт В., русский историк 25
 Коялович В. В., польский историк 64
 Кривой С., казацкий атаман 175, 180
 Кристолю М., афонский монах, богослов 34, 54
 Крузиус М., тюбингенский профессор 34, 54, 55
 Кузьмина В. Д., советский литературовед 87
 Латомус С. (Мойрер), франкфуртский издатель 98, 123
 Лейбниц Г.-В., немецкий философ и математик 16
 Лжедмитрий см. Отрепьев Григорий
 Лимонов Ю. А., советский историк 60
 Линда, Лука де, географ и историк 34, 55
 Лиутпранд, еп. Кремонский, средневековый историк 33, 52, 53
 Лихачев Н. П., историк 29
 Лобанов-Ростовский А. И., князь, стольник 107, 132, 150
 Ломоносов М. В. 16
 Лундорп М. К., немецкий издатель 38, 60
 Лусиков Г., представитель армянской торговой компании 178
 Лызлов А., русский историк 16
 Львов С. И., астраханский воевода 77, 78, 147—149
 Мазаньелло (Аньелло Томмазо), руководитель восстания в Неаполе 96, 121, 148
 Майр И., пастор, немецкий историк 33, 53
 Майр М., франкфуртский издатель 83
 Максимилиан I, германский император 36, 58
 Мамедхан (Мамедихан) 179
 Манс Р. дю, капуцинский монах, переводчик 176
 Маньков А. Г., советский историк 3, 4, 19, 83
 Марлинский С. Я., советский историк 86, 87
 Марселис П., датчанин на русской службе 141
 Марций (Мерц) И. Ю., автор сочинения о С. Разине 3, 15—31, 51—57, 59—61, 75—79, 90
 Марций Х., брат И. Ю. Марция 28
 Матвеев А. С., начальник Посольского приказа 86
 Матвей, германский император 36, 57, 58
 Мейерберг А. фон, путешественник 155
 Мела Помпоний, римский географ 32, 52
 Менезий П., шотландец на русской службе 29, 35, 57, 75
 Меховский М., польский историк 33, 53
 Миллер Г. Ф., русский историк 25
 Милославский И. Б., симбирский, затем астраханский воевода 47, 71, 78, 116, 140, 149
 Мирей О., французский историк церкви 34, 54
 Михаил Федорович, царь 36, 38, 39, 57, 58, 61, 62, 75
 Моземан Г. Ф., немецкий историк 33, 54
 Мойрер см. Латомус С.
 Мортимер, переводчик сочинения Э. Кемпфера 154, 157, 166
 Мюнхгаузен, полковник на русской службе 100, 125
 Нарышкины, род 103, 128
 Наталья Кирилловна, жена Алексея Михайловича, царица 103, 128
 Нацокии, 107, 132
 Никон, патриарх 6, 21, 22, 42, 43, 46, 65—67, 70, 75—77, 104, 129
 Нольтен, автор библиографии о России 25
 Норов А. С., русский писатель и поэт 30
 Одерборн П., историк, автор сочинения о России 33, 37, 53, 58

- Олеарий А., библиотекарь герцога Фридриха Голштинского, секретарь голштинского посольства в России 33, 35, 37, 54, 56, 59
- Ольшовский А., польский государственный деятель 38, 39, 61
- Ордин-Нащокин А. Л., начальник Посольского приказа 86
- Отрепьев Григорий, самозванец 17, 18, 37—39, 59, 60, 62
- Пальмар, полковник на русской службе 160, 169, 178
- Пасторий И., польский историк 41, 64
- Патерсон П., см. Петрей П.
- Пеппинг И. Ф., немецкий юрист 35, 56
- Петр I, император 16, 75, 80, 86
- Петрей П., автор сочинения о России 18, 37, 60
- Пикколомини Э. С. (Пий II, папа), итальянский гуманист 33, 53
- Плакий В., автор словаря псевдонимов 33, 54
- Плещев Л. С., судья Земского приказа 39, 62, 76
- Плиний Старший, римский ученый 32, 52
- Подкова И., предводитель запорожских казаков, молдавский господарь 22, 41, 64, 76
- Покровский А. А., русский историк 86, 87
- Попов А., русский историк 15, 19, 54, 78, 149
- Поссевин А., иезуит, папский легат в России 33, 54
- Прозоровская П. Ф., княгиня, жена И. С. Прозоровского 78, 149
- Прозоровский Б. И., сын И. С. Прозоровского 149
- Прозоровский И. С., князь, астраханский воевода 46, 70, 78, 148, 149, 165, 174
- Пушкин А. С. 30
- Пфейффер, мейсенский профессор 28
- Пясецкий П., еп. Перемышльский, польский историк 17, 18, 33, 36, 38—40, 54, 57—60, 62, 63, 76
- Разин И. Т., брат С. Разина 76
- Разин С. Т. 3—6, 8—13, 15, 16, 19—23, 25, 28—31, 33, 39—51, 53, 59, 62—85, 87—96, 98—105, 107—110, 114, 115, 117—134, 137—153, 157, 161—164, 166, 170—176, 178—180
- Разин Ф. Т., брат С. Разина, участник восстания 21, 49, 74, 77, 79, 149, 151
- Регенвольский А., польский историк 34, 54
- Рейнекций Р., немецкий историк 33, 53
- Рейснер И., немецкий ученый 41, 65
- Рейтенфельс Я., автор сочинения о России 21, 79, 150
- Ренод Т., французский издатель 85
- Рингубер Л., иностранец на русской службе 27, 28
- Роман-и-Самора Х., августинский монах 34, 55
- Ромодановский Г. Г., полковой воевода 107, 132
- Рудольф II, германский император 35, 57
- Русс, мифический далматинский князь 33, 53
- Савельев С., атаман, участник восстания 78
- Саллюстий, римский историк 77
- Самойлович И., украинский гетман 76
- Селлий, автор библиографии о России 25
- Семенов-Зусер С. А., советский историк 16
- Сефи II Солейман, персидский шах 158, 160, 167, 169
- Сигеберт из Жамблу, французский историк 33, 53
- Сигизмунд III, польский король 38, 60
- Симоновский, переводчик Посольского приказа 86
- Слоун Г., английский коллекционер 154, 157, 166, 174
- Смирнов Н. А., советский историк 76, 151
- Соймонов Ф. И., русский ученый 15
- Стаден Н. ван, иностранец на русской службе, посланник в Швеции 89, 108, 114, 132, 138, 143
- Степанов И. В., советский историк 16, 19, 153
- Стефан Баторий, польский король 40, 63, 76
- Страбон, древнегреческий географ 32, 52
- Стрейс Я. Я., голландский путешественник 78, 148, 152, 175
- Струве В. Г., немецкий историк 25
- Сулейман см. Сефи II
- Сурий Л., немецкий историк 33, 54

- Тихомиров Б. Н., советский историк 15, 49
Тихонович см. Траханиотов
Траханиотов П. Т., окольный, начальник Пушкарского приказа 39, 62, 76
Третьяков А., сын боярский 175
Тришман В. Г., советский филолог 91
Ту Ж. О. де, французский государственный деятель и историк 17, 34, 37, 38, 55, 58—60
Туан см. Ту Ж. О. де
Тяжкогорский И., переводчик Посольского приказа 86
Урусов П. С., полковой воевода 148
Ус В., атаман повстанцев в Астрахани 97, 123, 146, 149, 150
Фабр И., еп. Венский, немецкий теолог 33, 54
Фабрициус Л., иностранец на русской службе, автор записок о С. Разине 78, 148, 152
Фадемрехт, пастор в Москве 29
Фалькман, немецкий историк 174
Федор Иванович, царь 35—38, 56—60
Ферлин В., франкфуртский издатель 106, 131
Филарет, русский патриарх 75
Филипп I Великодушный, ландграф гессенский 23, 41, 65, 76
Фокеродт, пастор в Москве 27, 29
Форстен Г., историк 90
Франк Я., франкфуртский издатель 82, 98, 123
Францисци Э., немецкий историк 37, 59
Фридрих III, саксонский курфюрст 41, 65
Фризен Г., франкфуртский типограф 98, 123
Фриш И., пастор 83, 110, 134
Фуок Б., немецкий филолог 25
Хеддон Д. см. Гебдон И.
Хеддон Т., английский купец 21, 79, 148, 149, 178
Хитрей Д., протестантский теолог 34, 54
Хмельницкий Богдан, украинский гетман 19, 41, 64
Христиан IV, датский король 75
Хрущев И., русский историк 150
Цветаев Д. В., русский историк 27, 28, 75
Цеца И., византийский писатель и филолог 33, 53
Цицерон М. Т., римский государственный деятель 77
Черкасский А., князь 77, 149, 150
Черкасский К. М., князь 175
Чертоус см. Ус В.
Шабын-Дебей (Шаболда), сын Мамедхана 180
Шарден Ж., французский путешественник 152, 153, 158, 162, 165, 167, 170, 172, 174—180
Шардй С., немецкий юрист 45, 69
Швепова Е. А., советский историк 6, 90, 156
Шелудяк Ф., атаман повстанцев 149, 150
Шереметев П. В., боярин, симбирский воевода 107, 132, 150
Шлосберг А. Н., историк 87
Шмелинг, секретарь польского посольства 90
Шпигель Я., немецкий юрист 33, 53
Штрассбург, полковник на русской службе 100, 107, 125, 132
Шумилов В. Н., советский историк 153, 156
Шурцфлейш К. С., немецкий ученый 15, 16, 25, 26, 28, 31, 51, 61
Щербатов К. О., князь, полковой воевода 6, 78
Эвершильд А., шведский посланник в России 89, 115, 140
Эзоп, древнегреческий баснописец 96, 121
Эйзенхардт, пастор 26
Эйльмар, немецкий историк 26
Эйльмар Г. Г., мюльгаузенский архидьякон 28
Эйльмар М. К., жена И. Ю. Марция 28
Эльзевиры, лейденские издатели 17
Эней Сильвий см. Пикколомини Э. С.
Энс Г., немецкий теолог, переводчик 34, 55
Эрнст Благочестивый, герцог Саксен-Готский 17, 29
Эханбек Юсуп (Исуфбек Юзбаша), персидский посол в России 178, 180
Ягер, Герберт д', секретарь голландского посольства, купец 176
Яковлев К., атаман Войска Донского 49, 73, 79, 109, 133, 134, 150
Яковлева И. Г., библиотекарь 25

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аглинская земля см. Англия
 Азербайджан 175, 176, 180
 Азербайджанская ССР см. Азербайджан
 Азия 31, 33, 52, 152
 Азовское море 151, 179
 Алатырь, г. 47, 71, 78, 150
 Альтона, г. 83, 110, 134
 Амбург, Амбург см. Гамбург
 Амстердам, г. 146, 153, 154
 Англия 5, 12, 146, 153, 154, 160, 169
 Антиохия, г. 96, 121
 Аравия 153
 Аракс р. 157, 166
 Арзамас, г. 47, 48, 71, 73, 78
 Архангельск, г. 28, 96 113, 121, 137, 142, 143
 Астрабад, г. 162—164, 170—172, 175, 179, 180
 Астрабадский (Горганский) залив 178
 Астраханское царство 35, 37, 56—58, 95, 102, 120, 121, 127
 Астрахань, г. 35, 45, 46, 68—70, 77, 78, 83, 87, 92—96, 98, 100, 102, 104—112, 115—121, 123—125, 127, 128, 130, 131, 133—137, 140, 141, 146—151, 157, 161, 162, 165, 166, 170, 174, 179, 180
 Ашреф, г. 180
 Баку, г. 161, 170, 175
 Балтийское море 80
 Бармаи, гора 175
 Бахрейн 161, 170
 Белое море 113, 137
 Белый Яр, г. 97, 123
 Берлин, г. 81
 Больштедт, г. 26
 Бомбей, г. 160, 169
 Борисфен см. Днепр
 Бремен, г. 81, 85, 114, 139
 Бухари, местечко 162, 171, 175
 Быхов, г. 142
 Wariaschal см. Мурашкино
 Варшава, г. 80, 81, 87, 112, 114, 115, 137—141, 143—145
 Веденяпино (?) (Wiodomica), княжество 107, 132
 Вена, г. 28, 58
 Венецианская республика 36, 57
 Венеция, г. 75, 146
 Вестфалия 174
 Византия 148
 Вильно, г. 80, 81, 99, 108, 124, 133, 141, 142, 145
 Висмар, г. 143
 Виттенберг, г. 15, 28, 62
 Волга, р. 6, 7, 21, 43—45, 47, 66—69, 71, 76, 77, 93, 98, 103, 108, 109, 113, 118, 119, 124, 128, 133, 138, 142, 145, 148, 157, 162, 166, 170, 179—180
 Вологда, г. 143
 Восток 153, 177
 Wраскоза (?), г. 9, 12
 Вюртемберг, г. 54
 Гаарлем, г. 83
 Гамбург, г. 28, 80, 81, 83, 85, 95, 96, 111, 112, 114—116, 121, 136, 139—142, 144—147
 Гамрон, г. 160, 169
 Гельмштедт, г. 54
 Германия 16, 22, 28, 45, 69, 80, 98, 123, 177
 Гилян, провинция 158, 160 164, 167, 169, 172, 179
 Гиркания, провинция 179

- Гирканское море см. Каспийское море
- Голландия см. Нидерланды
- Гота, г. 22, 78
- Греция 33, 34, 52, 54
- Гурьев см. Яик
- Дагестан 176, 180
- Данциг, г. 27
- Дербент, г. 175
- Днепр, р. 32, 52, 75
- Днестр, р. 32, 52, 75
- Дон, р. 6, 21, 40, 45, 63, 69, 76, 79, 157, 166
- Донец, р. 107, 132
- Дрезден, г. 28, 81
- Дуванный, о. 155, 161, 170
- Европа 15, 16, 23, 30—33, 39, 51—53, 57, 62, 80, 82, 87, 88, 90, 147, 148, 150, 161, 170
- Жилой, о. 161, 170, 175
- Замостье, г. 143
- Запад см. Европа
- Западная Европа см. Европа
- Ижорская земля 90
- Индия 152
- Индостан 153
- Иранское нагорье 77
- Испагань см. Исфахан
- Испания 98, 123
- Исфахан, г. 152, 153, 160, 169, 176—178
- Италия 98, 123, 148, 176
- Кавказ 152
- Кагальник, г. 79, 109, 133, 150
- Кадом (?) (Candone), княжество 107, 132
- Казанское царство 35, 37, 56—58, 95, 102, 107, 113, 120, 127, 132, 138
- Казань, г. 35, 87, 93, 94, 98, 100, 102, 103, 106, 111, 112, 118, 124, 125, 127, 128, 135, 137, 141, 148
- Камышинка, р. 162, 170
- Карельская земля 90
- Карнгар, г. 162, 171, 175
- Каспий см. Каспийское море
- Каспийское море 21, 32, 44, 52, 68, 75, 77, 78, 88, 93, 95, 112, 118, 120, 137, 141, 144, 150, 157, 158, 161, 162, 166, 167, 170, 175—179
- Кельн, г. 54
- Кенигсберг, г. 27, 41, 64
- Киев, г. 106, 130, 142, 149
- Кизилагат, г. 157, 166
- Константинополь, г. 96, 121, 146
- Копенгаген, г. 98, 123
- Крым 90
- Кура, р. 164, 172, 175, 176, 180
- Левобережная Украина см. Украина
- Лейпциг, г. 15, 27, 81, 82, 102, 104, 105, 127, 128, 130
- Лемго, г. 174
- Ленкорань (Lengenkonaan) 164, 172
- Липпе, графство 174
- Лифляндия (Ливония) 100, 108, 115, 125, 132, 140, 146
- Лондон, г. 3, 5, 6
- Лысково, с. 49, 50, 73, 74, 78
- Львов, г. 76
- Любек, г. 144, 145
- Мазендеран, п-ов 161, 169
- Мазендеран, провинция 158—160, 164, 167—169, 172, 177, 179, 180
- Майан-Кааль, п-ов 159, 161, 168, 170, 178—180
- Махан см. Муган
- Мейсен, г. 28
- Меотидское болото см. Азовское море
- Мидия 44, 68, 77
- Молдавия 98, 123
- Мордов, дер. 175
- Москва, г. 5—12, 14, 20, 21, 27—29, 31, 36, 40, 42, 43, 47, 49, 57, 63, 66, 67, 71, 73—81, 83—85, 87—100, 102—109, 112—121, 123—134, 136, 137, 139—150, 152, 161, 170, 178
- Московия см. Россия
- Московское государство см. Россия
- Муган (Mokhan) 157, 166, 175
- Мурашкино (Wariaschal?), с. 6—9, 12, 20, 48, 50, 73, 74, 78, 79
- Мюльгаузен, г. 25—29, 31, 51
- Нарва, г. 92, 117
- Неаполитанское королевство 148
- Нидерланды 86, 98, 123
- Нижняя Эльба 84, 95, 120, 147
- Низабад, г. 175
- Низовая см. Низабад
- Ока, р. 6, 7, 79
- Передняя Азия 148
- Перемышль, г. 54
- Персидская земля см. Персия

- Персия 33, 44, 54, 68, 77, 94, 119, 147, 148, 152, 153, 155, 160—162, 165, 168—170, 174—180
- Подолія 39, 61
- Польское королевство см. Польша
- Польша 17, 18, 34, 38—41, 54, 55, 60—64, 76, 81, 85, 89, 100, 112, 114, 115, 125, 150
- Померания 115, 140
- Правобережная Украина см. Украина
- Прибалтика 151
- Причерноморье 16
- Прорва, о. 149
- Пруссия 93, 118, 141, 142, 148
- Псков, г. 35, 56, 80, 109, 134
- Псковия см. Псков
- Путятино, с. 78
- Ра, р. см. Волга
- Ревель, г. 81, 142
- Restica, княжество 107, 132
- Решт, г. 158, 159, 167, 168, 175—177, 179
- Рига, г. 80, 81, 84, 85, 89, 90, 92, 93, 95, 100, 110—112, 114, 117, 118, 120, 125, 135, 136, 138, 139, 142, 143, 149
- Рим 77
- Россия 5, 7, 8, 11, 16—18, 20—23, 25—31, 33—40, 44, 49, 51—56, 58, 63, 68, 74—76, 80, 81, 83, 85—90, 92, 93, 98—100, 102—104, 106, 111, 112, 114—120, 123, 124, 127—129, 131, 132, 135—140, 142, 146, 148—151, 153—155, 157, 159, 166, 168, 178, 179
- Россия Белая 34, 55, 103, 127
- Россия Малая (Черная) 34, 55
- Россия Червоная 34, 55
- Россия Черная см. Россия Малая
- Ругодив см. Ревель
- Русская империя см. Россия
- Русское государство см. Россия
- Русь Белая см. Россия Белая
- Русь см. Россия
- Ряш см. Решт
- Саксония 22, 45, 69
- Саламанка, г. 34, 55
- Самара, г. 47, 71
- Самур, р. 164, 172, 180
- Саранск, г. 148
- Саратов, г. 47, 71
- Сари, о. 180
- Свейская земля см. Швеция
- Свея см. Швеция
- Свиной, о. 164, 172, 179, 180
- Сиам 153
- Сибирь 93, 98, 118, 124
- Симбирск, г. 6, 47, 71, 78, 97, 103, 123, 128, 146, 148, 149
- Скифия 31—33, 45, 52
- Слободская Украина см. Украина
- Смоленск, г. 27, 106, 131, 142
- Смоленское княжество 34, 56
- София, г. 146
- Среднее Поволжье 21, 78, 150
- Стекольна см. Стокгольм
- Стокгольм, г. 81, 108, 111, 115, 132, 135, 140, 143, 146
- Суматра, о. 153
- Такуз, г. 175
- Тамбов, г. 6
- Танаис см. Дон
- Тарки, крепость 44, 68, 93, 118, 175
- Татария 33
- Терек, р. 175
- Терки см. Тарки
- Турецкая империя см. Турция
- Туркестан 157, 166
- Туркмения 180
- Турская земля см. Турция
- Турция 39, 61, 76, 90, 98, 123, 146, 148, 150, 151
- Тюбинген, г. 55
- Тюрингия 25, 31, 51
- Украина 19, 21, 41, 64, 76, 142, 146, 150
- Упсала, г. 18, 60
- Фарабат, г. 158, 159, 167, 177, 179, 180
- Ферапонтов монастырь 6
- Франкония 78
- Франкфурт-на-Майне, г. 82, 83, 98, 99, 102, 106, 108, 123, 124, 127, 131, 133
- Франция 80, 98, 123, 152, 176, 177
- Хвалимское море см. Каспийское море
- Холм, г. 102
- Царицын, г. 45, 46, 69, 70, 93, 118, 162, 170
- Царьград см. Константинополь
- Центральная Европа 80
- Черное море 151, 178, 179
- Черный Яр, г. 45, 69, 148
- Чечень-остров 175

Шаберан, г. 175

Шацк, г. 78

Швеция 39, 75, 85, 89, 90, 100, 115,
125, 136, 143, 146, 150, 151

Шевран, г. 175

Шемаха, г. 175, 176

Штеттин, г. 27

Штральзунд, г. 84

Эбро, р. 32, 52

Янк, г. 44, 67, 77, 147, 161, 162, 170,
179, 180

Япония 153

Яссы, г. 76

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бутлер — Я. Я. Стрейс. Три путешествия. [М.], 1935.
- Записки иностранцев — Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под редакцией А. Г. Манькова. Л., 1968.
- Кр. война — Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Составитель Е. А. Швецова. Тт. I—III. М., 1954—1962.
- Попов. Материалы — Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. Составитель А. Попов. М., 1857.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Рейтенфельс — Я. Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.
- Стрейс — Я. Я. Стрейс. Три путешествия. [М.], 1935.
- Уложение — М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- Шарден — J. Chardin. Voyages du chevalier Chardin en Pers et autres lieux de l'Orient, t. X. Paris, 1811.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Первый отклик на восстание С. Разина (<i>А. Г. Маньков</i>)	5
A Narrative Of the greatest Victory Known in the memory of man: being The total Overthrow of the great Rebel <i>Stepan Radzin</i> , with his Army of one hundred Thousand men, By the Grand Czar of <i>Rus-</i> <i>sia</i> , And his renowned General <i>Dolerucko</i>	8
Повествование о величайшей на памяти человечества победе, или пол- ный разгром великого бунтовщика Степана Разина и его сто- тысячной армии великим царем России и его прославленным гене- ралом Долгоруковым (<i>перевод В. Д. Рака</i>)	11
Диссертация о восстании С. Разина (<i>А. Г. Маньков</i>)	15
Иоганн Юстус Марций из Мюльгаузена в Тюрингии (<i>А. К. Гаврилов</i>)	25
Стенко Разинъ донски козакъ изменник. Id est Stephanus Razin Doni- cus Cosacus Perduellis. Publicae Disquisitioni exhibitus praeside Conrado Samuele Schurtzfleisch, respondente Johanne Justo Mar- tino, Mulhusa-Thuringo, D. XXIX Quintil. Anno MDCLXXIV	31
Стенко Разин донски козакъ изменник, т. е. Степан Разин, донской казакъ изменник. Представлено на публичное рассмотрение под председательством Конрада Самуэля Шурцфлейша, выступил Иоганн Юстус Марций из Мюльгаузена в Тюрингии 29 июля 1674 г. (<i>перевод А. К. Гаврилова, редакция перевода А. И. До-</i> <i>ватура</i>)	51
Комментарий (<i>А. Г. Маньков</i>)	75
Известия о восстании С. Разина в западноевропейских периодических изданиях и хрониках XVII в. (<i>А. Л. Гольдберг, А. Г. Мань-</i> <i>ков, С. Я. Марлинский</i>)	80
Сообщения газет и хроник. Иностраный текст (<i>публикация А. Л. Гольд-</i> <i>берга</i>)	92
Сообщения газет и хроник (<i>перевод А. Л. Гольдберга</i>)	117
Известия о восстании С. Разина в «Ведомостях» Посольского при- каза (<i>публикация С. Я. Марлинского</i>)	141
Комментарий (<i>А. Г. Маньков, С. Я. Марлинский</i>)	147
Записки Э. Кемпфера о персидском походе С. Разина (<i>Е. А. Швецова</i>)	152
Е. Kämpfer. Записки о персидском походе С. Разина. Иностраный текст (<i>публикация Е. А. Швецовой и А. Д. Гачечиладзе</i>)	157
Э. Кемпфер. Записки о персидском походе С. Разина (<i>перевод Е. А. Шве-</i> <i>цовой и А. Д. Гачечиладзе</i>)	166
Комментарий (<i>Е. А. Швецова</i>)	174
Именной указатель	181
Географический указатель	186
Список сокращений	190

**ИНОСТРАННЫЕ ИЗВЕСТИЯ
О ВОССТАНИИ СТЕПАНА РАЗИНА**

Материалы и исследования

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. А. Альбова*
Художник *И. Н. Кошеровский*
Технический редактор *М. Э. Барлайтис*
Корректоры *Р. Г. Гершинская* и *А. И. Кац*

Сдано в набор 28/XI 1974 г. Подписано к печати 23/IV 1975 г.
Формат бумаги 60×90 1/16. Бумага № 3; Печ. л. 12 = 12 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 13,45. Изд. № 5857. Тип. зак. № 1645.
М-26674. Тираж 11000. Цена 81 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

О П Е Ч А Т К И И И С П Р А В Л Е Н И Я

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано*</i>	<i>Должно быть</i>
9	1 сверху	Croned	Crowned
53	2 снизу	and	und
104	10 «	keen	een
110	4 сверху	Begedenheiten	Begebenheiten
178	комментарий 11	Тамар	Талеар

Иностранные известия

81 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ